

журнал поэзии

В здох

1-2/09

Елена Фанайлова

Евгений Сабуров
Фаина Гримберг
Павел Гольдин

Поэты Новосибирска

Глазова о Дашевском

Поэзия vs. проза

ВОЗДУХ

журнал поэзии

1-2/09

четвертый год выпуска

*Все стихи я делю на разрешенные и написанные без разрешения.
Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух.*

Мандельштам

проект арго

ISSN 1818-8486

Редактор Дмитрий Кузьмин

Художник Юрий Гордон

Журнал поэзии «ВОЗДУХ» издаётся 4 раза в год. Издатель — Проект Арго.
Материалы для публикации принимаются только по электронной почте: *info@vavilon.ru*
Редакция вступает или не вступает в переписку по собственному усмотрению.
По этому же адресу вы можете оставить заявку на экземпляры последующих выпусков журнала.

Электронная версия журнала находится по адресу:
<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/>

Все права на опубликованные тексты сохраняются за их авторами.

Изд-во АРГО-РИСК 117648 Москва, Сев.Чертаново, 8-833-218.
Типография Россельхозакадемии. Москва, ул. Ягодная, 15.

СОДЕРЖАНИЕ

К И С Л О Р О Д	
Елене Фанайловой / Станислав Львовский	5
Г Л У Б О К О В Д О Х Н У Т Ь	
Елена Фанайлова	
Стихи	8
Интервью / Линор Горалик	32
Отзывы	36
Александр Иличевский, Дмитрий Голынко-Вольфсон, Аркадий Драгомощенко, Александр Скидан, Антон Очиров, Татьяна Щербина	
Д Ы Ш А Т Ь	
Нина Виноградова	42
Владимир Навроцкий	45
Данила Давыдов	49
Елена Кассирова	53
Гали-Дана Зингер	56
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Ксения Щербино	62
Д Ы Ш А Т Ь	
Евгений Сабуров	65
Василий Чепелев	77
Фаина Гримберг	82
Андрей Ильенков	94
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Сергей Соколовский	99
Д Ы Ш А Т Ь	
Тимофей Дунченко	102
Евгений Сидоров	114
Алексей Колчев	118
Света Сдвиг	120
Полина Андрукович	124
Денис Ларионов	129
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Антон Равик	135

Д Ы Ш А Т Ь	
Павел Гольдин	140
Леонид Шваб	152
Юрий Милорава	155
Глеб Арсеньев	158
Татьяна Грауз	161
Илья Риссенберг	162
 П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Маргарита Меклина	166
 Д Ы Ш А Т Ь	
Дмитрий Веденяпин	169
Шамшад Абдуллаев	172
Игорь Васильев (Кужак)	176
Анна Русс	179
Михаил Завалов	183
 Н А О Д И Н В Д О Х	
Александр Корамыслов	189
 О Т К У Д А П О В Е Я Л О	
Новосибирск	190
Евгений Минияров, Сергей Тиханов, Андрей Жданов, Борис Гринберг, Антон Сурнин, Виктор Иванів	
 Д А Л Ь Н И М В Е Т Р О М	
Ханс Фаверей / с нидерландского Светлана Захарова	207
Дилис Роуз / с английского Мария Галина	212
Кристина Кошель / с немецкого Татьяна Баскакова	215
Уильям Джеймс Остин / с английского Валерий Нугатов	217
 А Т М О С Ф Е Р Н Ы Й Ф Р О Н Т	
Собственная история: О поэзии Григория Дашевского / Анна Глазова ...	222
 В Е Н Т И Л Я Т О Р	
Поэзия и проза	229
Валерий Шубинский, Татьяна Щербина, Павел Жагун, Дмитрий Голышко-Вольфсон, Андрей Тавров, Александр Уланов, Александр Бельх, Сергей Соловьёв, Леонид Костюков, Фаина Гримберг, Полина Барскова, Валерий Нугатов, Александр Иличевский, Гали-Дана Зингер	
 С О С Т А В В О З Д У Х А	
Хроника поэтического книгоиздания под редакцией Данилы Давыдова	241
Кирилл Корчагин, Дарья Суховой, Татьяна Щербина, Леонид Костюков, Анна Голубкова, Мария Скаф, Мария Галина, Александр Бараш	

КИСЛОРОД

Объяснение в любви

ЕЛЕНЕ ФАНАЙЛОВОЙ

Место Елены Фанайловой в современной русской поэзии — совершенно особое. Особое настолько, что оно не поддаётся толком ни описанию (это такое-то и такое-то место, с таким-то и таким ландшафтом, такими-то и такими-то свойствами, населённое теми-то и теми-то), ни фиксации в той или иной области координатной сетки (столько-то долготы, столько-то широты). Каламбур не лучшего разбора, но кажется иногда, что это вообще не тоπος, а непрерывно дрящущая гетеротопия, специальная субстанция постоянного ускользания, не поддающаяся локализации, а при слишком сильном давлении — активно ей сопротивляющаяся. Это было заметно ещё в ранних стихах, где значения слов мечутся от мифа к ботанике («кливия и амариллис»), от орнитологии к архитектуре («яйца голубизны, / Белые купола зависти Корбюзье»), от ландшафта к зрению («Ты, как империя, видишь ценой / Гибели передовых полков»). Не зря Драгомощенко поминает картографию в предисловии.

Вышедшая шестью годами позже книга «С особым цинизмом» вызывает у тех, кто пытается о ней написать, растерянность и явное чувство тревоги, которое хочется заговорить: «для окружающих Елена Фанайлова не опасна». Да нет, опасна: «авторская маниакальность, антихристианский пафос, а также виртуозная лживость». Подобные декларации не следует принимать на веру, они, в общем, только запутывают следы. В предуведомлении к сборнику Фанайлова говорит не только о бесстыдстве как цеховой доблести, но и о том, что становится важным в «сгущающемся письме»: «...кто ты. Что за бессмысленную жизнь ты прожил, кого похоронил, кого любил, за кого умирал, и как: от разрыва сердца, от рассеянного склероза, от диабета, во сне». Здесь уже не важно, как в «Путешествии», что плывут и ландшафт, и значения слов, и страны, и города («Нет, не хочу я в Москву, чтобы видеть там что?»), — важнее оказывается ускользание самой речи, отказ играть по правилам просодии и видимое отвращение к дискурсивной машине, затягивающей в себя любого пишущего по-русски, как станок — короля Матиуша. Не то чтобы мужество было абсолютным («Жить как улитка хочу, в вате хочу»), но Фанайлова слишком хорошо знает, что из этой машины можно выйти (если вообще можно) только без руки, или без обеих рук, — и в итоге дело всё равно кончится смертью, — поэтому во второй части книги окликание этой самой перемалывающей дискурсивной машины русского стиха — дивно пахнущие мёртвые слова, карлицы Анны, белые шторы, Самара на блюдечке, — становится чем-то иным: «непредставимая, чуждая ранее / Бесчеловечная речь, другая судьба». В «стихах 98-99 года» сквозь речь поэтическую прорастает совсем другой говорок — куда более страшный, некоторые тексты в глазах нарастают (как показывают в фантастическом кино) живым чёрным льдом бормочущего просторечия, которое (но это только кажется) не рефлексивует само себя, приближаясь к полному

разговору, когда языки уже не просто развязаны, но даже их затёкшие суставы почти перестали болеть, циркуляция восстановилась, когда, вроде бы, можно всё, — «но и это на первый взгляд». Просто в этот момент окончательно определяются стороны: по ту сторону — просодия, приём, инерция. По эту — *свой* язык, *своя* речь, не присвоенная, но изобретённая и созданная заново по *своим* правилам.

Позже, в сборнике «Трансильвания беспокоит», основным текстом которого по праву, но, видимо, не по авторскому замыслу стало стихотворение «Они опять за свой Афганистан», — и окончательно — в «Русской версии», — выясняется, что необходимым условием обретения своего языка является отказ от него: то, о чём говорит Борис Дубин, лёгкость, с которой Фанайлова впускает в свою речь чужие голоса. Если «Жития святых» — то в пересказах друзей и товарищей. Если Катулл, — то «живёт быстро, умирает молодым». «Я была уверена, — говорит Фанайлова, — что это не литература, не поэзия». Но это — да, литература, и да, поэзия в их ультимативном изводе, поэзия как она должна быть, в самом последнем её смысле. Некоторым образом эта фигура отказа — от просодии, от конвенционального представления о поэзии, а потом и от собственного о ней представления имеет радикально христианский характер: награду (Фанайлова в интервью называет это «пировать в Валгалле», — и эта наперекор осуществляемая референция к язычеству вместо христианства тоже важна) получает именно тот, кто имеет непредставимую — по крайней мере, для меня, — смелость отказаться ото всего.

В «Чёрных костюмах» и следующих за этой книгой текстах отказ облекается в практику непрерывной трансформации: как только автор замечает инерцию (а инерция свойственна речи точно так же, как и физическим телам), он производит усилие и меняет направление движения. Нынешние тексты Фанайловой — длящийся, непрерывный излом, обнажающий строение мира во всей его болезненности, ничтожестве, величии, радости. Репрезентирующий несовершенство, незавершённость, уязвимость и непоследовательность, имманентные живому вообще. Фанайлова находится там, где реальность существует «не в виде символов и метафор, а в простом человеческом виде», где «надо уважать своего врага». Это место, этот калечащий, как Герника, сам себя топос, эта протяжённая в пространстве и времени гетеротопия называется линией фронта. Елена Фанайлова — фронтовой поэт. И мне кажется, что её длящаяся, сбивчивая, задыхающаяся, невозможная речь в самом прямом смысле отодвигает от нас — ото всех нас — ту границу, ту линию, по другую сторону которой стоит смерть.

ГЛУБОКО ВДОХНУТЬ

Автор номера

Елена Фанайлова

СТИХИ

КОРОЛИ УЛИЦ

✦ ✦ ✦

Кто меня убьёт — последний в роду
Мать или дед
Дядька или брат
Бабка и отец
Сестра и сестра
Или новая девочка папина внучка
Нацепивший свастику, надевший голдú —
Их уже нет, кто меня убьёт
Кто и был бы рад
У кого что болит
Верёвка вода свинец
В Сонной Лощине, в Мокром Логу

Бывшие совки кагебешные хорьки
Давно обивают пороги ларьков.
Мои родаки — их уже нет.
Остались оболочки новогодних конфет.
Кто меня убьёт?
Язык и народ,
Дункан МакЛауд, умлаут,
Сила ночи сила дня
Кастанеда и пейот.
Но весь этот теленаркотраффик не для меня.

Никто не выступает к простолюдину на бой.
Дед Пихто, Рэмбо с нимбом над собой.
Любовь моя, только ты меня выводишь на убой.
Протестовать не стану,
Воля твоя, говорит Изольда Тристану.

В сущности, первый встречный
Воробей над Москвой
Бесчеловечный
Срёт мне на чёрные левые грудь и плечо
Мечет как путь млечный.
И отлично.

Я кричу в ночи, сворачиваясь в калач
Червём
Кольцами давя кирпичи, как Владимир Ильич:
Никому не сдамся живьём,
Хоть он будь бессмертный паяц и небесный палач —
Мы ему споём

Никого не видно окрест опричь
Пары товарищей с АКМ,
С наглыми лицами ангелов
Наголо бритых голов
Расчехлённых стволов
Поминальных столов,
Не сдающихся в плен,
Каберне Совиньон
Употребляющих винтом
На понтах вдвоём и втроём
На мостах
Говорящих русскую речь.
И какой-то там далее женский плач
Но и он
Не имеет смысла теперь.

И кому я песни своих поэм,
Как енот вонюч
Что ходил к нам с Таней каждую ночь
На помойку, куда мы курить как брат
В Миссисипи, где русских поэтов сдавали под ключ
А за ключиком холст и клад

Да никто меня не убьёт
Хоть и был бы рад
Ни ракета земля-воздух, ни установка град
Дураки, смерти нет, дураки.

Но и это на первый взгляд.

КОРОЛИ УЛИЦ

Капитан убойного отдела
Полиции Города Ангелов
Бывший народный водитель Киану Ривз
Просыпается утром с похмелья
В своей засранной мелкой квартирке
С опухшей рожей
Берёт три мерзавчика водки
Проверяет пистолеты и автоматы
Садится в машину
И отправляется мочить китайских негодяев-
Наркоторговцев
По дороге за рулём он выпивает пару
Выбрасывая тару на тротуар
Последняя доза —
После того, как он всех положит
По траекториям, недоступным простым смертным
Это было довольно красиво

Три года назад у него умерла жена
Он всё ещё находится в этих обстоятельствах
Которые выясняются
На примерно тридцатой минуте фильма
Из его разговора с судмедэкспертом

Она трахалась с другим человеком.
Кто это, непонятно.
Возможно, кто-то из сослуживцев.
В момент совокупления
Точки оргазма
У неё лопнул мелкий сосудик в мозгу.
Эксперт оказался выдать заключение
Анализ вскрытия
В частности,
Слюны и спермы в её влагалище.
Капитана Киану Ривза это до сих пор достаёт
Кого бы не достало
И он бьёт морду эксперту
И там у них в помещении анатомички
Воздух довольно спёртый
Несмотря на кондишн.
Им трудно драться.

Потом он сразу опять отправляется мочить негодяев
Ещё нетрезвый
С двух рук, по-македонски
Его вовлекают в сложные обстоятельства,
Но он с ними разбирается

Автору этого текста
Явно необходима сильная мужская проекция

Друзья-подельники ему говорят:
Ты любишь мёртвую женщину
А остальных, живых, ненавидишь.
Вернись в этот мир, Киану.
Он отвечает им: отъебитесь и не пиздите
Не ваша забота, товарищи
Не трогайте блядь эту рану

У него есть подружка
Медсестра полицейского госпиталя
Она его иногда сексуально утешает

Ира, мне сейчас не нужна работа на
Другого мужчину
Мне плевать на его сложные обстоятельства
Мне нужна настоящая человеческая поддержка
Товарищеская, командная
Как принято у прирождённых убийц

Капитан бразильского элитного отряда
(Имени актёра я не помню
А режиссёр выиграл главного медведя
На Берлинском кинофестивале
Фильм так и называется:
Элитный отряд)
Короче, командир такого отряда,
По-русски сказать спецназа
По борьбе с наркотиками
Обучает своих пацанов жестокими
Методами,
Доходящими до комизма

Возит их мордами в грязи
Как во Взводе и Апокалипсисе

По его вине убит двадцатилетний парень
Стоявший на стрёме в наркопритоне
К капитану пришла мать этого парня
Спросить, кто вернёт ей её ребёнка
Жена капитана ждёт ребёнка
УЗИ показывает: это мальчик

Капитан пытается справиться с этими чувствами
Даже идёт к полицейскому психоаналитику
Но не может говорить: аналитик женщина

Жена всё-таки от него уходит
Потому что он на неё орёт
Потому что она пыталась ему советовать
Как разруливать на работе

Но его пацаны
Сделают всё красиво и страшно
Несмотря на человеческие привязанности

Это неполиткорректное кино
Типа русского Балабанова
Оно говорит, что сила в правде, а правда в силе
И всё начинается заново

Об этой идее апостола Павла
Мне сообщает бывший капитан ФСБ
Ныне начальник охраны
Пресс-службы
Крупной московской медиаструктуры
С которым мы случайно встретились
На очередных поминках
Общего друга, Лёши Шведова, военного журналиста
Мы умудрились друг другу понравиться
С этим капитаном

Он говорит: эти люди, которых ты видишь,
У меня в кабинете
Вели бы себя совсем по-другому.
Они бы кололись и плакали
И чё-то я не применил к тебе НЛП
Чтобы ты начала колоться
Хотя я знаю кто ты
Даже не сомневайся
Не понимаю
Что вы такое, бабы, с нами делаете

Я говорю: хуйня твоя энэлпи
Её всегда заметно
И это всегда выглядит со стороны довольно глупо
Лучше бы ты поехал с друзьями к Лёхе на кладбище
Выпил бы там водки
За упокой его некрещёной души

Но мальчишки такие тупые
Он запомнил, что я его враг.
Реальный, до смерти, до уничтожения

Его жена за него молится
Повесила крестик ему на шею
У него Афган и две мелкие судимости
За то что дрался с начальниками в армии
По его словам

Мы смотрели это кино с Юлей Идлис
И она сказала:
Мальчики не могут вынести настоящую жестокость и нежность
Только девочки могут

Я ему сказала: твоя проблема в том
Что ты думаешь, что ты сильный
Но вся твоя сила у Бога
Я пошлю тебе один текст
Его написала женщина
Он о том, как Бог работает в суде
И почему Христос оказался среди разбойников
Это перевод с французского

Ты, говорю, русский офицер?
И я русский офицер
Старший лейтенант медицинской службы
Как офицер офицеру тебе говорю
Как говорил мне твой коллега в Беслане в больнице:
Садись, дорогая, я всё расскажу тебе
Как это было

Такая у меня теперь жизнь.
Офицер запаса
Старший лейтенант медицинской службы
Отлично до сих пор помнящий
Как организовывать пути эвакуации
В случае военных действий

Сидит у себя на кухне и горько плачет
Криком кричит
Как простая русская девка
Оттого что её не любит её товарищ
Киану Ривз,
Капитан спецназа

Ты выходишь, говоришь, утром с опухшей рожей
Как будто я тебя бил
Да, ты бил, товарищ, давай не будем пиздеть своим ребятам
Да и я тебе отвечала матом
См. сцену из Mr and Mss Smith
Когда Брэд Питт накидывает Анхелине
Которая за бабки снялась у Бекмамбетова
Я всего ожидала, но только не этого
Это ставит под сомнение её подвиги
На ниве благотворительности в Африке
И превращает их в индальгенции
Это нечестно

Да, ты пиздил меня ботинком в лицо
Ну и цо? Оно всё равно разбито
В старой аварии.
Сильнее того, что со мною произошло,
Уже всё равно нельзя
Сильнее таких сюжетов
Уже нельзя
Какие там нахуй Лукьяненко и Бекмамбетов

В 19 лет я выезжала на трассу
На отцовском спортивном велике
И тормозила передним ручным тормозом
И это была неверное решение
Меня подобрали дальнбойщики
Довезли до больницы
Где работал когда-то отец
И разбитую губу мне грубо и больно шили

И многим мужчинам потом это казалось секси

Этот невоенный шрам,
Я не буду его оперировать
Скорее, сделаю татуировку
На левом плече

Я хочу,
Чтобы у нас были человеческие отношения

Куплю красное платье
Пч
Моё нью-йоркское протёрлось на жопе
Пч
Я слишком часто его носила
В Мюнхене с рюкзаком
В 2003-м году
Когда мне Саша
По смс говорил:
Посмотри направо-налево
Ты увидишь нереальную красоту
Могилу Людвига и подвиг фашистов
Старые барочные церкви
Чёрные жемчужины
Пьеро в роли Христа
Запомни навсегда
Ничто не отслоится
От старого холста
Я смотрю эту карту по Интернету
Я вижу тебя на ней
Вас с Машкой
Поднимающихся на башню
Ты же боишься высоты
Но оставайся на ней
Иначе это будешь не ты
И я с тобой не справлюсь
И ты со мною не справишься

Старое красное платье было льняным
Новое будет шёлковым
Мы пойдём в нём с Алматом на вечеринку
И будем там лучшей парой
Рисунок тату обещает Эдик

Говорит Уме Турман
Отец её ребёнка
Специалист по разным единоборствам
Дэвид Кэррэдайн
В конце второй самой важной серии
Пытаясь её урезонить
Положи детка пжлст наземь

Своё оружие
Ну, вы сами знаете
Чем это закончилось

Но я попробую к нему прислушаться

ПУБЛИЧНАЯ ЖЕНЩИНА

1.

Она встаёт на обе нѳги
Она идѳт на перекличку
В программе Итоги
И прикрепляет табличку
Ей благодать ни за что даруется
Но боже мой она гримируется
Никак не может успокоиться
Это входит в дурную привычку

У неё чѳрный лифчик и белые чулки
Лаковые каблукки
Еѳ окружают мѳртовые моряки
И жиголо танго
И прочие грустные мудаки
Она ведѳт себя как блядь
Еѳ невозможно понять невозможно забыть невозможно
Она меняет свои решенья
Какие еѳ связывают отношенья
Со всеми этими людьми,
Персонажами еѳ пьесы?
У них различные интересы.
Ни одного движения ложного.

Она надевает чулки и боди
Серебряной кольчуги нечто вроде,
А сверху носит Levi's и худки.
Что говорят об этом люди?
Что в глазах еѳ лёд
И никто ей не брат
Не медбрат, вот.

А по ночам она плачет как девочка
Ходит по ножам как чужая дочка

Плетёт рубашки из крапивы
По лекалам французских пижам
Вынимает из-под ногтей булавки
Словом делает всё что положено
Бедному ангелу нашей провинции
Женскому ангелу в отставке
Молится: хоть бы остались живы
Её братцы сестрицы

2.

Он пишет однозначным почерком
Ей только что
Понравившимся:
Ты моя роза и язва
Ты моя жизнь и смерть
И чем ты бессмысленней
Тем больше тебя не стереть

С остальными я всё искусственной
Всё боле и более врозь
Ты моя тайная рана
Ты моя тайная связь

Как вырванный под наркозом
Корень, не действует наркоз.
Как говорит европейский разум:
Всё это только джаз

Мы еблись без гондонов
Знаешь ли, мы еблись
Как разжалованные без погонов.
Сюрприз.

Но это можно разве что в прозе.
Я буду лучше тебя разве?
Не стой возле.
Не стой на таком большом морозе.

3.

Согласен, она никто,
Твоя королева ню
В красном дешёвом белье

На чёрных лаковых каблуках
В драных шелках
Но девушка может одеться
За две копейки, если её
Сопровождают ангелы танго
О моё сердце

В чёрно-красном белье
И дешёвом фальшивом колье
Не имея сваровски в ближайшем киоске
Там продаются сердечки из красного камня.

Твоя королева фавелл
Ступает в Пушкинский переход
Мертвенная как мел
Один джин-тоник, другой джин-тоник, ей этого мало
Ей нужно величие другое обличье
Беличие птичье
Не бизнес её от ментов

Как нам теперь с ней быть
Когда продают дивиди
Со всеми фильмами о любви
А потом говорят: уходи
Форгот, форгив, фаревелл.

Но это ещё не финал
Не другая его фигня

Кто она есть —
Ни поцеловать ни выпить ни съесть
Бессмертная как Ван Дамм
Настоящая жесть

Я тебя никому не отдам

Не ходи по её следам
Не смотри ей в тоске вослед
Не ищи в ней благовую весть
Как заезжий корнет
На лице её только тень
Крыльев ангелов танго
Само же её лицо,
Поверь,
Ничего не выражает

4.

С её тела падает жаркое платье
Сегодня буду звёзды с неба срывать я
Бросать астероиды к этим ногам
А завтра стану прямой хулиганкой
Маленькой дрянью французской цыганкой
Светскою пьянью кабацкою львицей обаятельной блядью
И шёрстка дыбом
Не чета вашим гламурным рыбам
Напевая проклятия как Вальсингам

Знаю он любит меня и желает
В смысле хочет но молчит
Иногда мне кажется: щас залает
Мой мальчик, мой друг и брат, меч и щит

Приезжает парень на мазератти
С её тела падает жаркое платье
Как с актрисы Светличной
У него на шее цепочка в палец
Говорит с акцентом: тебе нужно мужские объятья
Отвечает: пока погуляй как Мельмот-скиталец
Пойди на луну полай милый
Подумай о жизни личной

Мы потом разберёмся с нездешней силой
Что стоит над нами как алое знамя
Пионерской клятвы военной мощи

5.

Кармен, пока ты будешь кривляться,
Мир наш пойдёт ко дну.
Я не отдам и пятнадцати сольдо
За его свет, антр ну.
Ни за то, как свистят твои братцы
Перед корридой, ни как креститься
Начинает тореадор.
Кармен, пока ты будешь кривляться,
Нам закроют единственный коридор.

Кармен, пока ты не отделяешь
Личное от общественного,
Это опасно и это нечестно.

Никто из нас не выйдет отсюда живым,
Ты знаешь.

И знаешь ли, Кармен, между нами,
Ты никогда не казалась мне прекрасной
Но что-то необъяснимое
Интриговало меня в тебе
То ли свет на скуле, то ли карие глазки,
То ли смешная мальчишечья стрижка,
То ли детский шрам на губе

Ты глупа как пробка краткая юбка
Чёрные каблуки
И мне обсуждать с тобою голубка
Мужские дела не с руки
Красные коготки
Белые колготки
И солнечные трусы
Золотые сердца весы

Ты лучшая тварь вековых поколений
Горящее дерево на образах
Кармен, пока ты будешь кривляться,
Я тысячу раз умру у тебя на глазах

Ты лучшая девушка старых традиций
Звезда европейских провинций
Но я увижу тебя с этим парнем
И я убью тебя, Кармен

Твои письма валяются и пылятся,
Словно ты в постели моего детства,
Покуда ты продолжаешь кривляться.
Я не просил тебя раздеться,
Но ты начала раздеваться.

Соберись тряпка соберись тряпка
В театральных занавесях паруса, хлопка
Скажи публике что она хочет
За неё выступает её холопка

Кармен, пока Пречистая Дева
Ещё потакает нам
Пока ты ещё моя королева
Дай доплыть пацанам

Я должен стоять к тебе близко
Одним из твоего блядского списка

Дело поверь не во мне
Я не должен пройти тебя мимо
Хоть это необъяснимо

Пока ты будешь кривляться
Но это известная старая пантомима
Пока нам читают Псалтырь и Святцы
Береги себя моя душенька лапка

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Господь и Бог мой, Ты видишь: это декабрь, тюрьма.
Те, кого я люблю, в одночасье сошли с ума.
И как в блокаду в столице пустые дома.

У храма ХС стоит большая толпа.
Я хочу записаться в УПА.
Куда Ты дел любовь Свою, спрятал в подол?
Да нет, висишь над Москвой распятый, вроде всем далеко видеть.

Она говорит что меня любит но мочит в упор с носка.
Она говорит что он её любит но он ей никто, тоска.
Он говорит что меня любит но моя любовь ему не нужна.
Этого ли Ты хотел, мой Господин, когда ночь нежна?

Что за хуйня
Любовь зла и слепа

Тайное дело в мире творится, мой Господин.
Я как в глазу Твоём спица больше не сплю
(То есть Ты не один)
Ни днём ни ночью
Хочу быть Твоею дочью
Подбирая соплю

Москва заебала не могу её защищать
Твои святые и то еле-еле держали щит

Не принадлежать вещам
Не принадлежать любви

Как говорят в попсе иностранной: хочет, но молчит

Я, мелкая вошь, сосущая кровь Твоих ран —
Не ставь между нами экран.
Я вошь на Твоём плаще
Я плащ для Тебя вообще
Который Ты поправ ногами
Как бесприданница в грязи
Провинциальных моногамий.
Потом встаёт и говорит: вези.

Я, нежная ложь, для всех наркотик и сон
Не давай мне вставать с колен
Не давай мне надеяться
Быть одной среди нас

Самое важное в мире —
Сердце моего братца
Сердце моей сестрицы
Хотя она бывала неласкова
И он бывал отвратителен
Не тому нас учили наши родители
Маршируя у Мавзолея с пробитой костью
И фотомодель Паулина Прохазкова,
Ускользящая красота Твоего присутствия

✦ ✦ ✦

Что будет с Сербией за Дриной?
Лучше решайся, что будет со мной.

Знаю, я чистый Дункан МакЛауд,
Что кажется неуязвим.
Нет, я мёртвый обернут.
Нет, я Зидан Зинеддин.

Нет, я кавказский пленник в зиндане,
Которого вряд ли откупит родня.
Пока я думаю о Зидане,
Он делает за меня.

Нет, я маленькая жирная крыса
В белой лаборатории.
Студенты распяли на пыточном столике
И трогают без наркоза

Нет, я нежная русская роза
Лучшая девушка этой провинции,
Утверждают местные алкоголики
Слушая музыку революции
И комментарии тайной полиции

ПО КАНВЕ БРЕМА СТОКЕРА

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

Я вспоминал тебя в Румынии
Простою девочкой и птичкую
Как обманувшее оптическое
Я ехал в поезде заранее
По делу прошлому юридическому
И видел разные пейзажи
Такое общее рисунком
Как ты была в соседнем доме
Так кратко видел эту карточку
Как будто ты прошла в вагоне
Как стюардесса в чёрном платье
И маленьких простых серьгах
Как на ресепшене в заброшенном Хайяте
На медленных каблуках
Среди облупившихся стен

Я был там ради господина,
Которого и ты любила,
И ради женщины, которой
Ты иногда кому-то кажешься
Или являешься в реальности

Там очень плохо с гигиеной,
Но хорошо с былым величием
И с прошлой музыкой военной.
Имперское как вампирическое.

Когда народ казнил правителя
Под лозунгами демократий,
В своём уме фотолюбителя
Я видел флаги цвета платий.

Я проезжал долину Муреша,
Пока ты двигалась по Вене.
Я ехал в поезде с товарищем.
Мы будем гибнуть откровенней.

Я видел дом его и кладбище,
Но не входил в его могилу.
И ты наверно догадаешься,
Поскольку ты его любила.

Я наблюдал дворцы наместника
В их утопическом кошмаре
Под каменными перекрытиями
Толпились неземные твари
Как в сновиденьях об инцесте.
И я немедля принял двести
И вышел во дворы с церквами
И крылья чёрные над вами

Я окликал тебя по имени
Но ты почти не отзывалась
Я чувствовал сквозняк из пламени
Который проходил по темени
Возможно под влияньем виски
Ни волоска меж нами милая
И в то же время мы неблизки

Поездка шла почти по плану
Но были и неожиданности.
Ну например что, если надо,
Приходится убить любимое,
Моя душевная отрада
(Была тюремная баллада
На этот счёт одним написана)

Скажи мне, с кем ты целовалась
Нет ничего не говори
Умри-воскресни

И если наша жизнь потеряна
В огне невидимых светил,
Я сделаю как ты намерена

Я сделаю как ты просил

ИЗ ДНЕВНИКА ГОСПОДАРЯ ВЛАДА ЦЕПЕША

Я вспоминал тебя в изгнании
Ты путешествовала с другими
Во сне как чистый разум знания
Для общей смерти, дорогая.

Я вспоминал тебя в рассеяньи
Я вспоминал тебя в постели
Я вспоминал тебя живою
С отрезанною головою
И часто думал: неужели

Я вспоминал тебя как ласточку
Мою голубку и красотку
Твои вьетнамки и кроссовки
И белую льняную юбку
И чёрную шёлковую кофточку

Как медленно пройдя меж пьяными
Ты на плечо моё ложилась
Обыкновенно, свет без имени,
И плакала и сторожилась

Какой-то нервной тенью ланью
Чужою длинною ладонью
Угрюмый тусклый огонь желанья
И сожаленья

Я вспоминал твою историю
Твоё холодное несчастье
И солнечную акваторию
И женские твои запястья

И то, как раскрывалась медленно
Навстречу новому роману.
Какая ты смешная, милая.
Я точно помню эту рану.

И если наша жизнь поделена
На старых картах внешних сил,
Я сделаю, что было велено.

Я сделаю, что ты просил.

ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА ВАН ХЕЛЬСИНГА

Я вспоминал её в Голландии
На берегу у самой дамбы
Когда вступало наводнение
К коленам Господа и Дамы
Когда к Никольскому собору
Спешили моряки и девки
А я заканчивал уроки
В анатомическом театре

В столичном городе, в котором
Я понял после: сердце бьётся.
Она была таким партнёром,
Что редко человек дождётся.

Её лицо во тьме менялось
Её душа во сне светилась
И как она не сомневалась
И как бесилась

Я помню колотые раны
И помрачение сознания.
Она пересекала страны.
Она была моё созданье

Когда познания в медицине
Я положил к её спасенью.
И если жизнь казалась длинной,
То после говорю как циник:
Я лично видел Воскресенье.

Музыку я разъял как труп.
Она держала эти струны.
Затем мы основали клуб
Её друзей с её законным.

И если наша жизнь на милость
Каких-то варваров сдана,
Я сделаю, как ты стремилась.
Ты предупреждена.

И если наша жизнь утрачена
Как разорённая страна
Я сделаю как предназначено
Я стану слабым как она

ИЗ ДНЕВНИКА МИНЫ ХАРКЕР

Я наблюдала как тебя колбасило
В процессе усложнения сюжета.
Я ничего не приукрасила.
Порою я тобой гордилась
Как девочка дарёным гаджетом
На дискотеку нарядилась.

В тебе не нужно сомневаться.
Твоё притворство и коварство.
Ты господин, достойный царства,
Но отвергающий корону.

Не бойся, я тебя не трону.
Я врач войны, а не лекарство.

На лбу моём пройдут стигматы.
Ты вёз меня через Карпаты
До самой пропасти, до замка
Как тяжкую и дорогую ношу
В огненном волчьем круге.
Нам нельзя сомневаться друг в друге.
В наличии у каждого
Креста кинжала и лопаты
В готовности исчезнуть заживо
Не бойся, я тебя не брошу

И если наша жизнь закончится
Не так, как мы предполагали,
Мы сделаем, как нам захочется:
Мы просто встретимся в Валгалле.

✦ ✦ ✦

Я видела их всех
Они были очень смешные
Они думали, что способны
Уберечь меня от судьбы как от заразы
Но судьба человека
В холодном советском смысле
Не зависит ни от Бога
Ни тем более от людей
От их желания быть хорошими
Или что-то изменить.

Понадобится только мужество
Невыносимая твёрдость
Любовь сумасшествие милость
Чувство юмора
Ты должен делать что должен
Джентльмен выбирает безнадёжное дело
Пока мадмуазель поёт блюз
Ты будешь как военный моряк
В 12-балльный шторм
И вера и преданность друг другу
И готовность идти до конца
Без тени сомнений
За эти годы ничего не изменилось

ПРИЛОЖЕНИЕ: РУМЫНСКИЕ ПЕСНИ

+

Чёрная кровь чернее вина
Чёрная ночь как чёрный платок
Если есть сила сильнее тебя —
Покажи мне её, мой друг.

Бабка сказала, ты будешь со мной.
Мать вздохнула и отвернулась.
Отец помолчал и пожал плечьми.
Брат рассмеялся прямо в лицо.
А дед мой умер так давно,
Что его уже ни о чём не спросить.

Кому мне верить, карты молчат,
Подруги советуют: позабудь.
Гадалки показывают два пути.
Попы говорят: дорогая, ты блядь.

Я взяла тебе старый цыганский крест
Я достала старый цветной платок
Из бабкиного сундука
Если есть сила сильнее тебя
Покажи мне её мой друг
Я подожду пока

Снег засыпал все проходы в горах
То ли то ревность то ли страх

То ли твои подруги
В белом-белом небе жутко кричат
Как волшебные птицы

Брошу косынку — река протечёт
Брошу расчёску — вырастет лес
Брошу булавку — город встаёт
Закурю сигаретку — парень придёт
Начнёт сладкие песни

Ну я послушаю речи его
Достану ножик, к губам приложу
И отправлю гулять восвояси

Для нас есть место у Бога в руке
У Мадонны в потайном узелке
У Христа под плащом
Но мы здесь боюсь совсем ни при чём
В холодном и высшем смысле

✚

Приносила господину зеленá стакан вина
Он не плакал не смеялся принимал его на грудь
Стороною вытер тыльной запотевшие усы
Мама, что во поле пыльно? — так он смотрит на часы
Он совсем не верит чуду, у него в груди война
Но куда писать я буду? — напиши куда-нибудь

Крест на нём лежит румынский и турецкий ятаган
Он не знает, где ночует, и не помнит, что курил.
Я просила, но устала: положи к моим ногам,
Что награбил в Македонии, в Стамбуле разорил

Пистолеты под кроватью, под подушкой ножи
Забери меня отсюда или больше не держи
Зеркала мои в тумане, перевалы замело.
Как поют во тьме цыгане, что случилось, то пришло.

Подносила господину вина чёрного как ночь
На снегу остались капли, как он выбросил стакан
Никого нельзя утешить, никому нельзя помочь
Только мёртвым в белой церкви, но на то другой закон

Подносила господину вина красного что кровь
Подставляла белу шею, отворяла воротá

Страшен Божий суд над нами, но страшнее красота
Маленького мира в смертной оптике Креста

Кто же может уходящему сказать мою любовь

+

Золотые весы в груди у моего мальчика
У моего мальчика в сердце золотые весы
Он умный как чёрт и нежный как девушка
Он тяжёлый как меч и лёгкий как пуговица
Он гибкий как лёд, который вот-вот проломится
Но он отлично, просто великолепно держится

О закрой мою душу своею душою душа моя
О закрой моё сердце своею рукою душа моя
О закрой моё солнце грудью душа моя
Не то нас поубивают наши родители

О закрой мою голову головою душа моя
О закрой мою тень своею, душа моя,
И моё дерево своим деревом
И реку мою своею рекой
И всё тело моё своим телом

Спокойно, мне нужно сосредоточиться

Стань как стена за мною
Стена Плача Иерусалимская
О не бойся более Бога душа моя
Постои за меня как за Его творение

Стань за мною как волшебное воинство
На защиту города от неприятеля:
Щит ко щиту, ни волоска меж ними
О закрой мою душу своею душою душа моя
Так душа моя твою душу просит,
Королева вызывает союзника
Шлёт гонца в сопредельное королевство

Сердце моё, много мне твоего сердца
Но нужно мне ещё более
Сердце моё, много тебе твоей любви
Но тебе нужно ещё более

Все победы этой войны будут твоими
Все флаги падут к ногам твоим

Нет никого мне дороже товарища
Ты моё сердце душа моя
Ты из самого сердца
Моего со мной говоришь

✚

Полюбила одна волшебница
Простого человека,
Русского мальчика, воина и короля,
Очень хорошего, с открытой душой,
С золотыми весами в сердце.
Но он что-то печальный сидит
Как западнославянские начальники
Накануне решающего сражения
И смотрит в глубокую воду
И не видит там своё отражение

Как будто сердце его в другой стране,
У другого человека, ранено или забрано,
Всё равно, это мужчина или женщина,
Властелин Трансильвании или местная ведьма,
Деревенский колдун или любовь несчастная

И пока он так думает
Эта битва наверняка будет проиграна

Она думает про золотой ключик
От этих весов
Забывтый его матерью на дне колодца.
Про его правую ключицу.
Выемку меж головой и плечом,
Куда женская голова так хорошо ложится.

Если нырнуть, можно достать
И вернуть этот ключ хозяину
Накануне того, как сойдутся войска
И пойдут басурманы на приступ —
Она не боится кессонной болезни,
Дева воды, глубоководная рыба —
Но он может не узнать сразу
Этот маленький чуждый необходимый

В военном любовном спортивном и смертном деле
Предмет

Дорогая, любимая девочка, просит, сосредоточься,
Душа его её душу просит
Но он сам об этом пока не знает.
И её душа выходит из сумрака
На его мужскую королевскую просьбу

ИНТЕРВЬЮ

В последние два года (или больше, — три? Начиная с «Чёрных костюмов», но бывало и раньше) всё сильнее кажется, что автор и лирический герой у тебя сливаются постепенно, что вот эта пресловутая дистанция, про которую вечные умные разговоры, просто перестала тебя интересовать. Как будто ты решила больше не тратить силы на разделение Лены и Лены. Или эта дистанция теперь просто устроена как-то иначе, менее очевидным образом, чем мы все привыкли видеть у других и у тебя прежней?

Со мной в 2004 году произошли такие вещи. В сентябре я попала в Беслан по долгу службы журналиста, через день после штурма школы. Я была дико зла на Басаева и не меньше — на идиотов, которые этот штурм планировали. Я интервьюировала там довольно большое количество людей: бывших заложников, безутешных матерей и отцов, учителей, судебных медиков, врачей, детёнышей в больницах Беслана и Владикавказа, просто горожан, заходила в дома, ездила на опознание тел и на кладбище. Там был один эпизод, который описан в тексте про Элитный отряд. В больнице я встретила человека, говорю: мне надо то-то, я с Радио Свобода, с кем поговорить? Он ответил: а я старший лейтенант ФСБ, садись, дорогая, поговорим. Он так и сказал: дорогая. Он осетин, не знаю, сказал бы так русский. И он рассказал на микрофон об эпизодах ада, который наблюдал своими глазами. То есть ситуация в обычной жизни при её взаимной подозрительности невозможная: лейтенант ФСБ не может давать интервью репортёру Радио Свобода. Этот парень лет тридцати с небольшим вёл себя как простой человек в трагических обстоятельствах. Не помню теперь, как его зовут, но за этот опыт я ему страшно благодарна. В Беслане мы были с коллегой Олегом Кусовым, он родился в этом городе, у него были свои переживания и интервью, мы сделали какое-то огромное количество эфиров и две часовые программы. Мы ничего не комментировали, просто давали в эфир голоса. У всех людей была одинаковая замедленная речь, пепельная интонация. Безэмоциональный голос траура — это самый убедительный голос. Через полтора месяца у меня умер любимый человек, во сне. Я не писала почти год. Моя собственная личность казалась мне вполне ничтожной (каковой она, собственно, и является). С той поры важным мне кажется только то, что выдерживает сравнение со смертью. Главным текстом этого опыта я считаю не «Чёрные костюмы», а «Историю Катулла», там это соотношение ценностей вполне прописано. «Он любит мёртвую девушку». Какие уж тут границы и дистанции.

Тут же надо спросить про почти рэповую интонацию — уличную, королям улиц изначально принадлежавшую, а потом перенятую у них проповедниками и героями баррикад, — что ей удаётся такое сказать, что не выговаривается иначе?

Я бы не назвала эту интонацию рэповой, Линор, это просто ближайшие аналоги. Это внутренняя интонация состояния, когда граница между мирами стирается, между миром живых и миром мёртвых. Старая ритмическая конструкция абсолютно рушится. Когда я писала «Катулла», я была уверена, что это не литература, не поэзия, это графомания. Я не понимала, что делаю, и не была готова это публиковать. Меня очень поддержали Маша Степанова и Глеб Морев, которые сказали: не бойся, это стихи, и это круто. Это атональная ритмика, там свои законы. Она позволяет впустить реальность не в виде символов и метафор, а в простом человеческом виде. Выговаривается то, чему мало места в культуре, что неприлично: как жить со смертью близких. Из русских только Тютчев, пожалуй, мог об этом говорить, у него был соответствующий опыт. В это поле попадает всё важное: ужас и психоз, уличные демонстрации, детство. То, что по-настоящему имеет значение. Реальность начинает прямо-таки вваливаться в текст. В это же время появляются на поэтическом поле Херсонский и Сваровский, с которыми я абсолютно солидарна: такое почти механическое страстное описание, как дёргается человеческая тушка под током истории среди ненужных вещей.

Одна девочка рассказывала мне, что её воображаемые друзья детства — Жанна Д'Арк, кот Леопольд, несуществующая сестра-близнец, семь гномов, Двенадцать месяцев, Муций Сцевола, Спартак, и ещё, и ещё, — так вот, они все как бы ходили за ней, маленькой, такой единой толпой, и она говорила с ними со всеми одновременно, обращалась к ним собирательным «вы» и разделяла только если надо. Я пытаюсь понять: как построены твои отношения с обитателями этого твоего единого населённого пространства, не знающего границ во времени и реальности, — с его Mr. & Mrs. Smith, мёртвыми Папами Римскими, Йоко Оно, майорами ФСБ, Ирой, Ксенией Петербургской, дедом, Киану Ривзом, самой собой?

Кажется, я знаю девочку, о которой ты говоришь :-). У меня есть ещё девочка Суок, Фрида Кало, Кармен, Франциск Ассизский, Симона Вейль, Патрис Шеро, Вальмон, Кафка и Милена, Гэри Олдмен, он же господарь Влад Цепеш. Они мне все очень нравятся, по разным причинам. Они приходят и уходят в разное время, от меня это не очень зависит. Мы сохраняем прекрасные отношения.

Каждый античный, библейский, сказочный, балладный сюжет, который ты берёшь и размещаешь, в манере обитателей позднего Возрождения, среди сегодняшних декораций, оказывается в результате ещё страшнее и безжалостнее, чем в своём первоначальном варианте, — хотя, казалось, куда бы? Что-то есть такое в твоём сегодня, от чего прошлое, перенесённое сюда, оказывается таким невыносимым, — или это просто так работает наше воображение, когда обстоятельства событий становятся понятны ему даже в мелких деталях?

Думаю, то, что кажется нам историей литературы, в момент её написания было так же страшно, так же остро, как сейчас. Я просто рассказываю, что так всегда, люди не ме-

няются. Для меня большой пример — Пазолини с его версией «Кентерберийских рассказов» и «Декамерона». Повторение — мать учения состраданияю.

Женщина вот эта, которая то стреляет, то плачет, то вина подносит, то маленькая дрянь французская цыганка, то Mrs. Smith, то русский-офицер-старший-лейтенант-медицинской-службы, — чего бы она хотела, если бы её спросили, предложили бы дать, чего пожелает?

Умный, добрый, простой мужчина, без выраженных неврозов и комплексов, не сентиментальный, с чувством юмора, не богемной профессии, ответственный, проживает в маленькой стране. Национальность и вероисповедание значения не имеют. Знакомство с моим творчеством не обязательно.

Это предельно редкая ситуация в поэзии (ну, по крайней мере, так кажется мне), — когда автор ставит себя (лирического героя? см. выше) на одну доску с «королями улиц», хозяевами жизни, оказывается с ними равным, говорит, что он их «...враг. // Реальный, до смерти, до уничтожения». Этот лирический герой — он один против них, или всё-таки — «капитан элитного отряда»? И если второе — кто у тебя в отряде? Откуда они берутся? Знают ли они об этом?

Автор ничем не лучше и не хуже ни королей, ни нищих. Он периодически сидит в зале суда на одной скамеечке, можно сказать, плечом к плечу с православными боевиками в чёрных костюмах. По их иску возбудили уголовное дело против устроителей выставки «Запретное искусство» Андрея Ерофеева и Юрия Самодурова. И как не любить этих добрых людей? Они вчуже прекрасны, как боевые машины. Надо уважать своего врага.

Отряд, разумеется, есть, я в принципе люблю работать в коллективе, мне важна товарищеская поддержка, но я его не капитан, скорее медсестра или старшая группы «группиз». Почти всегда эти люди знают, что они со мной делают. Берутся из профессиональной среды, из обеих профессий, журналиста и литератора, из мира вообще. Из воздуха.

В момент же создания текста автор абсолютно одинок и принимает на себя всю ответственность. Хотя он использует не только свои, но и чужие чувства, знания, мысли, переживания и умения. Этот круг людей — ещё один элитный отряд. Например, Лена из киоска, она в прошлой жизни, как я выяснила, была учителем младших классов.

И дальше, про то же, — как тебе удаётся любить их всех — тех, «с крысиными мордочками», и этих, «У него Афган и две мелкие судимости», женских ангелов в отставке, товарищей с АКМ, королей улиц, «говорящих русскую речь», — тех, кто нас всех убьёт?

Сколь бы ни были бесчисленны живые существа, я клянусь спасти их. Сколь бы ни были неиссякаемы разные скверны, я клянусь устранить их. Сколь бы ни были бесчисленны врата Дхармы, я клянусь постичь их.

Дорогая, я обещаю, нас никто не убьёт. Мы умрём естественной смертью. Нас убьют не они. Нас убьёт инерция мира, если мы это допустим. Разницы между людьми нет.

«Нет вообще разницы
Между нирваной с сансарой.
Нет вообще разницы
Между сансарой и нирваной.
То, что создаёт границу нирваны,
Является также границей сансары.
Между этими двумя мы не можем найти
Даже малейшей тени различия».

Есть ли жанр, которого не хватает — тебе-автору и тебе-читателю (может быть, два разных)? И ещё: когда ты говоришь — «Но это можно разве что в прозе», — это обещание? намерение? или, напротив, сообщение о том, что это не будет написано? Где вот эта грань для тебя проходит, — что можно «разве что в прозе» и почему именно это?

Мне не хватает не жанра, а позиции автора, для которого реальность и человек важнее идей и конструктов. И такой же позиции общества, публики, которая заслуживает не только своих правителей, но и своей пластиковой литературы. Жанр мне кажется пред-рассудком. Я с удовольствием читаю Ксению Соколову в GQ, где она одной рукой пишет секс-колонки за Собчак, а другой — репортажи из Краснокаменска, или как Ревзин описывает в том же глянцево-м журнале свой инфаркт. Умеет редакция работать с жанрами и авторами. Из жанров терпеть не могу только журналистский комментарий, бессмысленный советский пиздёж.

В прозе технически можно гораздо больше всего, чем в поэзии, больше жизни. Про это Левкин недавно отлично сказал, когда мы писали программу памяти Парщикова: проза позволяет стыковать фактуры вплоть до совсем мусорных, с поэзией такие номера плохо проходят, она слишком утончённый инструмент. А реальность желает быть описана поэзией, прямо-таки ломится в текст, и это конфликт интересов, который не очень понятно как разрешать, пересказываю мысль Андрея своими словами. В тексте, который ты цитируешь, описывается взаимный сексуальный невроз персонажей, который этим текстом не может быть уловлен полностью. Не только смерть, но и любовь имеет поля смыслов, которые очень тяжело поддаются словесному выявлению. Вообще мир сильных чувств почти не имеет языка или имеет фальшивый язык. В трауре или страсти человек впадает в ИСС*, а язык — инструмент логики.

Что это значит — быть русским офицером, старшим лейтенантом медицинской службы?

Ответственность, дисциплина, понимание долга, работоспособность, ясный ум и способность принимать решения в сложных ситуациях. Возможность использовать свои профессиональные знания для людей, у которых этих знаний нет.

Беседу вела Линор Горалик

* Изменённое состояние сознания. — Прим. ред.

ОТЗЫВЫ

Александр Иличевский

Марина Цветаева — главный из ряда великих русских поэтов Серебряного века, которые бы прочли Елену Фанайлову с завистью. И при этом неважно, что многое — идиоматическое, лексическое — осталось бы М.Ц. непонятно (тем более, степень этой непонятности только бы усилила доброе чувство). Без сомнения, ясной, как день, предстала бы для неё стихия родного языка, его сознательное подсознание. Елена Фанайлова работает именно в этой дельте речи: твёрдый ум языка берёт в свои руки раскалённое живое языка, борется, осаживает и не справляется — с причетом, воем, ужасом, одиночеством, болью, любовью. Точка говорения Фанайловой одновременно глубока и высока, интимна и гражданственна, лирична и цинична, суха и слёзна. Это говорение по лезвию бритвы бесстрашно в своей виртуозности, эстетика его фундаментальна и нова. Рецепта здесь быть не может, кроме на всю катушку отдачи существованию, кроме совершенного брака беспощадного ума и беспощадного языка.

Дмитрий Голынкин-Вольфсон

Что меня завораживает в книгах Елены Фанайловой (особенно датированных второй половиной 2000-х) — это происходящее в них перерождение неповторимой поэтической интонации, издевательской и пронзительной, в авторскую этическую программу. Поэзия Фанайловой словно отстаивает культ этического долженствования. Она предьявляет этику принадлежности, принадлежности к множеству социальных прослоек, бытующих в современном (русском) мегаполисе. К множеству типовых психо-биографий, сформированных — и искореженных — властью капитала, масс-медиа, институтов моды и престижа.

Но такая этика принадлежности реализует себя через нетерпимость, объективную неприязнь или даже яростное отвращение к наличествующему социальному контексту. Уровень непримиримости к той реальности, где разжиревшая от сверхдоходов поп-звезда «фигурирует» рядом с поработённым таджикским чернорабочим, в стихах Фанайловой настолько велик и этически оправдан, что поэтическая речь преобразуется в манифестацию несовместности с этой реальностью, невозможности её принять и простить. Причём этическая несовместность с глянцевого столичной медиаэлитой или прилизанным культурным истеблишментом (заявляемая практически каждой строчкой «Чёрных костюмов») оборачивается симпатией и сочувствием к тем, кто вычеркнут, добровольно или вынуж-

денно, из систем буржуазного успеха, кто, будучи социально принижённым, свою отверженность обращает в метафизическое вопрошание — «кто я?».

Лирическое «я» в стихах Фанайловой образуется наслаением множества чужих голосов: в книгах 90-х это декадансные речевые маски, в циклах 2000-х это социально принижённые языковые идентичности. Но вместо бахтинского карнавального многоголосья в стихах Фанайловой возникает эффект сдавленного коллективного крика, рвущегося наружу, но надёжно заткнутого — медиа- или самоцензурой, циничным конформизмом или пассивной усталостью общества. Взгляд поэта на такое дегероизированное общество по-современному трезв и нелицеприятен; чего в нём нет, так это облагораживающего утопизма либеральной народнической интеллигенции. После чтения Фанайловой понятно, что поэзия сегодня не улучшит и не исправит социум, зато способна придать неотчуждённому переживанию его несправедливостей этическую глубину и убедительность.

Аркадий Драгомощенко

Её поэтическое зрение прежде всего освещает её саму.

Это потом, когда «отразится», вот тогда и ответ, отблеск. Собственно, так всегда. Т. е. для тех, кто пишет, что она намеренно вводит в разрезанную кожу — ртуть, порошок, бактерии, чернила, заражённую слюну, червей, небесный воздух и тлен, и прах. Это было важно так сказать, — так, в данный момент. Здесь. На проспекте Мечникова.

Потому что так можно понять, почему иногда некие персоны из детской библиотеки типа Франциска Ассизского начинают говорить с вещами. «Люби людей и почитай вещи» — это Сэн Цзю, трактат о войне. Елена незаметно переправилась на берег войны, но как? Почему? Я спрашиваю, поскольку слышу: что-то существует вне освещения поэтического зрения. А как это? Деньги? Нет. Смерть, книги, пыль, любовь, словарь до последней корки — выходит, ничего не существует вне поэтического зрения?

Иначе «они» (оно) бы не существовали в тех гнёздах, в которых «их» заперла память или сознание. Следовательно, Лена Фанайлова никогда не «запирает», никого не истязает неизменностью. Тогда почему она приехала тогда в Ленинград? Сколько лет тому?

Я не стал бы писать о Елене Фанайловой по многим причинам. Одна из них заключается в том, что мне никогда не удавалось написать что-либо о поэзии вообще. Однако произошло так, что на Гаванской, когда мы с Еленой Фанайловой следовали умственной прямой ранней осени и сухой до судороги в горле тротуар не отставал от мысли, его изгнавшей, у ног с дремотным хлопком разбился голубь. Вдребезги. На этом можно было закончить и войти в автобус, чтобы услышать сообщение о зиме, которая непременно наступит.*

Что означает *немногие*? И где та, ментоловая зима? Или ещё что-то?

Прочее означает почти что «белый шиповник». Но дальше, мой друг читатель. Пройти несколько дальше, имея чашу, в которой пляшет магнитная рыбка. Тогда она коснулась того, что не имеет ни поверхности, ни обратной стороны, etc., но обладает словом.

* Первое предисловие к её первой книге. — Прим. автора.

Такое слово угрожающе, я бы не рекомендовал его произносить.

Лена писала о «ментоловой» смерти и некоей точке, где разрыв дыхания, бытия сходится в луч, устремлённый в сердце другого. Мне, как мужчине, неизбежно быть влюблённым. К этому привыкаешь, поскольку это позволяет проходить друг друга насквозь.

Странным образом любовьность восходящей речи была неприметным образом изменена, поменена, расторочена, утрачена, разменена, отдана ради прожжённой армейской карты склизких, страшных ступеней к тому, что теперь называется «разрезать кожу и поселить среди кровеносных сосудов, нежнейших тканей, слизистых оболочек то, чему там не место изначально, — *дым отечества*».

Вот это и есть второе зрение поэта. Да, она видит ад и остаётся навигатором среди деревьев, людей, строк и ступеней лестницы, которые не всегда в очередь и вверх. И потому не столько нам, а мне, мне самому — ослепление. И хорошо.

Александр Скидан

Начиная с книги «Трансильвания беспокоит» (2002) традиционный регулярный стих, оставаясь главным орудийным средством, претерпевает у Елены Фанайловой серьёзную ломку. Ритм становится всё более раздёрганным, нервным; в силлаботонику вторгается раешник, верлибр (и наоборот). Рифма то исчезает, то появляется вновь, зачастую там, где её не ждёшь — посреди строки, в виде ассонанса, а то и в следующей строфе. «Блуждающей» рифмовке отвечает и строфика, которая тоже теряет упорядоченность, оползает, гнётся, как гнутся и плавятся несущие конструкции под тяжестью обрушившегося на них удара. Возникает ощущение сбитого дыхания, судороги, заставляющей корчиться и прикусывать язык. К этому следует добавить резкое столкновение различных лексических пластов и культурных кодов: просторечия, сленг, скабрёзности, мат взрывают, рвут на части ложноклассическую стиховую ткань, состоящую, при ближайшем рассмотрении, из лоскутьев — прозрачных (и не очень) отсылок, реминисценций, парафраз, от сводки теле новостей до житийной литературы, от кинематографа до лирики высокого модернизма (Кузмин, Ахматова, Ходасевич...). И не только: всё настойчивее в эфире Фанайловой прослушиваются голоса советской эпохи — Вознесенского, Галича, Высоцкого.

Формально подобный тип стиха, объединяющий разные системы стихосложения, можно вслед за Юрием Орлицким назвать гетероморфным. Исследователь возводит его генезис к Хлебникову и Введенскому (забывая почему-то о «Двенадцати» Блока) и отмечает широкое распространение в 90-е и последующие годы *via* поэтов старшего поколения, среди которых я бы выделил прежде всего Елену Шварц и Василия Филиппова. Однако у Фанайловой гетероморфность не ограничивается собственно формальными признаками, а достигает размаха настоящей разноголосицы — лексической, тематической, жанровой, особенно заметной (чтобы не сказать — режущей слух) при обращении к острой социально-политической проблематике, пребывавшей на всём протяжении 90-х под запретом как нечто непристойное (куда более непристойное, чем «исповедальная» или «любовная» лирика). Фанайлова реактуализирует эти оттеснённые на обочину, «табуированные» жанры именно через гетероморфность и многоголосье, через открытость голосам других — в том числе косноязычным и голоса лишённым, пробивающимся сквозь хорошо поставленные голоса культурындустрии, моды, гламура, массовых коммуникаций.

Кому-то это может показаться эклектикой, граничащей с дурновкусьем. Но автор,

похоже, сознательно добивается такого эффекта, прибегая к технике, давно опробованной в музыке, визуальных и синтетических искусствах. Так, о сюите-действе «История солдата» (1918) Стравинского музыковед М. С. Друскин (брат философа-чинаря Якова Друскина) писал, что в ней «виртуозно варьируются народные мотивы скоморошьяго склада, отзвуки бытовых напевов, предвестия джаза (танго, регтайм), помпезные военные марши и протестантский хорал». Если «протестантский хорал» заменить на православную литургию, добавить «причитание» или «тренос» («погребальный плач»), мы получим описание зрелой поэтики Елены Фанайловой, поэтики саморефлексивной, отдающей отчёт в собственной генеалогии и орудийности:

Величие нет ничего смешней
 Когда ты вспоминаешь
 Дрожащую и близкую мишень
 Что движется на гребне трэша

Эта новая манера — ожесточённая, конвульсивная — начинает кристаллизоваться в отдельных стихотворениях «Трансильвании...», таких как «Облака идут по мозгам», «Человеческая ласка и забота...» (особенно последние две строфы), «...Они опять за свой Афганистан...», «(Памяти деда)». Характерно, что насыщенным раствором для неё (кристаллизации) послужила тема войны, коллективной памяти, страдания. При этом конкретные исторические войны — Великая Отечественная, Афганская или обе Чеченские кампании — у Фанайловой как бы взаимопроникают, накладываются, образуя один континуум. (Так на микшерском пульте «сводят» разные звуковые дорожки.) Война инкорпорируется и меняет физиологию, метаболизм речи. В «Русской версии» (2005) метаморфоза завершена. Отныне Фанайлова пишет не о войне, а войной: её письмо не просто напоминает репортаж с места боевых действий, но и само как будто отплёвывается короткими очередями, зарывает в землю, шлёт позывные, выходит из окружения. В «Чёрных костюмах» (2008) у неё уже «в обеих руках по два астральных пулемёта: / Отстреливаться по-македонски»; мир, с его локальными конфликтами, этническими чистками, лагерями беженцев, бандитскими разборками и уличной преступностью, но также и светскими раутами, литературными премиями, нефтяными скважинами и «случайным коитусом» предстаёт здесь как всего лишь передышка в тотальной гражданской войне. Тотальной, потому что масс-медиа; гражданской, потому что никакая медиатизация и риторика «террористической угрозы» не могут скрыть очевидного: «невидимой руки» экономических, геополитических, в конечном счёте классовых интересов, ставкой в игре которых и выступает «гражданское население». Не успеваешь похоронить и оплакать мёртвых. Работа траура продолжается. Микрофон включён.

«Барышни, я говорю голосами», написала когда-то Фанайлова в книге «С особым цинизмом» (2000). И ещё раньше, в «Путешествии» (1994): «Ты, как империя, видишь ценой / Гибели передовых полков». Тогда это было обещание. Чтобы его сдержать, чтобы обрести эту «гибельную» оптику, понадобился сквозняк истории, её мусорный ветер, сметающий декорации и прекраснодушные иллюзии 1990-х и громоздящий перед нашим взором обломки.

Антон Очиров

Елена Фанайлова. Интереснейший поэт своего времени. Уместно сказать: один из

наиболее, но (это) как бы субъективно и сразу пахнет иерархиями, а Ф. — поэт демократичный. Если, конечно, острое понимание (пограничных) ситуаций, блистательное языковое чутьё, способность быть *историчным* (Кривулин), а также *верность* в смысле готовности погрузить язвенные ладони в огонь (Цветаева), а также — по мере сил — отрефлексировать (этот) процесс с точки зрения «Лены» может служить слагаемыми слова «демократичный». «Блистательные 90-е», выражение Прохоровой И. Нет, она просто слушает и передаёт: место лобное, место злчное, место покойное. Эфир — не менее загадочная среда, чем поэзия. Послушаем. Поговорим. Охуеем. С какими-то старооскольскими рэпперами. Он всадника себе искал среди нас.

Хорошо, но ты не сказал самого важного касательно «интереснейший» и «своего времени». Почему «интереснейший»? По тому, как меняется и чем обусловлены эти перемены. Поэтика — страшно консервативная (тёмная) штука, но поэзия — один из самых чутких инструментов прояснения того, где я и где мы, где что, Господи.

Не только «временем». («Твой брат, Петрополь умирает» // «пиздострадалица») книги «Путешествие» (книги 90-х). Блистательные стихи, хитрый Секацкий. Тяжелы плоды твои, Церера, тёмные и страшные. Нет, не стихи (как «отдельные произведения, по-своему совершенные»), а движение, «форма времени» — да, «Трансильвания беспокоит». Белая рыба его жена, дура со вспоротым животом, у меня в сумке книга стихов Айзенберга, органайзер, трава. Работа корреспондентом Радио Свобода как фактор, обуславливающей развитие (переосмысление фигуры автора, привнесение в ткань поэтического текста нового — «в священного безумия страну // не допустила, словно отрубил»). Кем быть? Наблюдателем? Доносчиком («строчку донесения»)? Крысой? О, Йоко Оно, пальцы на курках, мои стихи не изменят мир, там больше нет стола, мир меняет нефть и автоматы калашникова, маленькая глупая русская. Мир живых и мир мёртвых. Спокойно, здесь прикуриваем сигарету. Страх и отвращение в Лос-Москве. «Это не кризис — это пиздец» (2004). Для чего им наши стихи, Аркадий (Драгоценко)? Не-встреченная глазами к глазам Анна Горенко, которая «медиамиф» и «в некотором смысле оправдание нас всех» (Давыдов), и Лена Костылева, которая — вот она, заставляет плакать Псою Короленко, которого ничем не проймёшь, кроме. Юлия Идлис, молодая подруга по светским вечеринкам, сказала мне, что «хочет быть сухой». Детская шейка бедра, воробышек, подруга пидора, русская версия. Поразительный способ оставаться молодой. «Лена, Лена, голова от члена // я, я, головка от хуя». Свобода в клубах, ролики на ютубе, сегодня наша тема путинский гламур. Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья. Стояла, толстик, в пионерской форме. И эта звезда у меня во лбу.

Прости, что пересказываю. Представь, что это ZOO, письма не о любви. У меня в обеих руках по два астральных пулемёта. Молодые леваки немножечко местные дураки. «Да не пиздецами, а позициями», как чеканно сформулирует Ника (Скандиака).

Я не сказал самого главного, прости. Пусть сказанное выше будет чем-то неуместным. Я думаю, что не стоит *взвешенно и отстранённо писать о живом*. Живое — ножевое, понятно же. Но только мы не будем рифмовать бездумно: видишь, синий-синий иней лёг на провода, и далее по тексту. Я хотел бы остаться с тобой, просто остаться с тобой, но высокая в небе звезда, высокая в небе звезда. Не остановиться, и слава в вышних богу и на земле — мир значит война, свобода значит свобода есть свобода есть. Я не сказал самого главного, прости. Очень сложно, Нестеров, вовремя остановиться.

Можно на расстойнии восхищаться.

Я не сказал ничего о понимании, разумеется. Но письмо дошло до адресатов, не сомневайся. Намокает, темнея, подмышек его зверобой, а благодарные юноши ебутся чисто

из благодарности. Но как бы понарошку, целуясь невзятяг.

Все цитаты (вся каша) по памяти, Мнемозина, здравствуй, Саша Петрова, мы идём по парку так быстро, потому, что мы — влюблены. Женщины в чёрном наблюдают за ходом войны, может быть, я под кожей чечен. Авалиани, лазурные, лазурные, лазурные, переверни, прочитай. Не бомжи вы — небом живы. Дорого небо, да надобен огород. Я думаю, что не стоит взвешенно и отстранённо писать о живом. «Отождествились // осуществились», как скажет Ника С.

Татьяна Щербина

Ленке, с любовью

Женщин описывают по-военному —
женщина-танк, секс-бомба —
и по-граждански:
соска, ведьма, наседка.
Лена Фанайлова — женщина-катер.
Потому что с мотором
и с острым углом,
который рассекает поверхность,
и флаг впереди — микрофон,
и провод его оголён.
Лена выслушивает эфир
стетоскопом, не шелохнувшись,
изо дня в день.
Отвечает потом, в одиночестве:
стихи,
то, что вертится в голове, когда засыпаешь,
Катулл пишет Лесбии, пишет цезарю.
Он не то что не может с собой справиться —
белый катер всегда на страже,
пограничный, злой,
и спасательный, быстро реагирующий.
Музы молчат как микробы,
говорят только чёрные костюмы,
бандитские, коктейльные, похоронные.
Проблески молний,
Когда ты стоишь
Только перед собой
В абсолютном одиночестве
Страшная голая голая бля
С оскаленными зубами.
В 2009 году Лена стала красивой.
Это выбор, волевое решение:

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Нина Виноградова

ГОРЯЧИЙ ГРАЧ

✦ ✦ ✦

Горячий грач, как глечик, обожжённый
в горниле неба. Гранула свободы.
Вот он идёт, ленивый и голодный,
враскачку через талый снег и воды,
левадами, овоид бытия,
погрешность шара,
допускаемая космосом,
и лужи зырят в небеса, и я
смотрю наверх сквозь
ветреные космы.

✦ ✦ ✦

Плыла и пела.
В пальцах — пластилин:
залепливать пробоины и дыры,
лакуны запахов. Бездомная полынь
в бездонный свет вырастёт
и сердце вырвет.
И вырвет глаз у лошади Уччелло.
Черешневый мундштук изгрызен в кровь.
Меняет очертанья пепел тела —
так раздувает ноздри чёрный конь.
Антоновки античная холодность
(мертвее мрамора), раскатаны шары
антонова огня. Не упusti сегодня!
Купи петарды — будет что дарить!
Раскат гиперболы, как взрыв гипертонии,
подранки ртути, лопнувший термометр

сошёл с ума — не выразить такие
разрывы цифр, как телефонный номер.

† † †

Мир мутный, непрозрачный, натянувшийся
плёночкой под языком.
Оглянешься, не проснувшийся, — бывший сад
и бывший дом.
Странно, до чего неважно,
верней, не больно.
Только нежно.
Лесничий грузно топает по бархатному мху
и в бархатной же фуражке.
Не попадает (слава Богу!)
в зайца чернобровый Брежнев.

† † †

Вложим деньги в землю, в дым,
в даль, и синь, и смех сорочий.
Бак забрал сосед. Чёрт с ним.
Хоть последнюю сорочку!
Из прозрачной нищеты
накроим себе рубашек
для воскресной суеты
и для будней бесшабашных.
Проча долгую юдоль,
чуя длинное безмолвье,
тёс, и шпон, и чёрный толь,
тёмные протоки крови, —
одинаково важны,
равно дороги, любимы,
как развалины страны,
как ветшание любимых.
Как свивание любимых
лоз, стволов, теней, корней.
Быстрый свет вода уносит.
Вспышка спички в темноте.
Кто кого о чём там просит?

† † †

Люблю людей, любящих подробности,
не ленившихся произнести «фужайка» вместо «ватник»,
их души-труженицы не стареют (максимум — душа-подросток),
нерасположение их к математике.

Глубина всего, вязкая, как сметана.

Машины буксуют, ломаются вёсла,
весело выходят из строя громоздкие механизмы

тут и ангельское железо взвоят, устанет,

станет просить красивой смерти

у некрасивой жизни.

Владимир Навроцкий

НИЧЕГО ПЛОХОГО НЕ БУДЕТ

† † †

снег на губах, лёд в голове, утром темно, вечером сонно;
прямо сидеть, тихо тупить, вечером долго гулять по району;
сахаром мокрым метко топить кружочек лимона —
будто нахимв, первую ложкой; так-то и прорубоно.

пили вчера на детской площадке возле качелей.
всё ничего, только из теремка иногда тянуло говном.
позавчера корпоратив, глинт и сердючка, ничо посидели.
что ли руками махнуть; рыба я, рыба, блядь, всё об одном.

*знаешь ли ты, насколько мне тут ничего не надо.
не представляешь себе, наверно, как мне легко.
словно бы мир обновился после быстрого моря и глады,
только остались валькирии, фьорды, снег, молоко.*

† † †

Читали плакат про использование противогаза,
Потом про потоп две тыщи тридцатого года,
Потом про ангелов Апокалипсиса методичку,
Трудно их сразу запомнить, особенно области применения и имена.

Потом перерыв, покурить выходим из класса —
А там одуванчики, солнце, ржавые пароходы!
В красную полубочку летят окурки и спички
И как-то не верится, что завтра с богом война.

† † †

Смородина тёплая в половине пластиковой бутылки,
арбузная половина, наполовину же вычерпанная ложкой,

широкий оконный проём, за которым синее небо.
А где же тут кто-нибудь, с кем бы теперь поздороваться?

Ну вон на блестящем комодике усатая кошка-копилка —
огромная белая, с щелью в спине, в полоску синюю кошка —
вот вроде и всё условно живое, не считая арбуза, хлеба
и тёплой смородины (теперь она по полу катится, досками ловится).

Короче, тут нет никого; да, в общем-то, и не надо.
О чём говорить с живыми, говорить-то и некому, кстати —
ведь я-то смотрю снаружи, из ледяного ада.
А как бы мне внутрь-то попасть, хотя бы вон наволочкой на кровати.

† † †

*Господи, как не хочется возвращаться в школу.
А, похоже, всё к этому — сны, социальные эти сети,
отпускные фотачки одноклассников и одноклассниц,
загорелых и полуголых.
«Я в машинке»,
«В кресле Большого Начальника».
Натуральные дети.*

Я реально уверен, что скоро, когда мы внезапно погрём,
Не с родными нам вечность тянуть. И уж ясно, что не с любимыми.
А в воняющем краской классе, нескончаемым сентябрём
Тусоваться с вернувшимися из жизни
Ленами, Юлями, Димами.

Пацанам-то полегче — мы ж как роботы, блядь, без затей;
А у девочек будут — помните? — потайные такие тетрадки,
Где фольга от конфет, фотографии бывших детей,
Письма бывших мужей и гербарии — именно в этом порядке.

РОМАНС

В переулках Тамбовской заставы, в доме тихой глухой старушки,
в окружении серых заборов, сараев, объёмных взрывов сирени
обитает бледная девушка
с тонким тоннелем в прозрачном ушке
предаётся предсессионной
сладкой тянучей лени

Затенённая тихая комната деревянного старого дома
её чёрные туфли на шпильках под радиолой на лампах

на коленях её и моих чужие фотоальбомы
и рука к руке, и висок к виску, и сиреневый горький запах

А фарфоровые пастушки при ударе о стену не бьются
и не то чтобы жалко облетевшей сирени,
мы же знали, что всё ненадолго
но ты помнишь, как празднично
крошатся бабкины блюдца
но я помню тебя богиней во гневе
в платье чёрного шёлка

БИОСИНТЕЗ

А ничего и не надо из этого,
кто нас теперь заставит —
музыку не обязательно слушать
альбомами, по порядку.
Фильм недосмотренный можно стереть
и не катать на болванку,
и простыню ни к чему стелить
как-то особенно гладко.

Хочешь смотреть в окошко —
в фортку тупи и висни.
Ёлку можно держать
хоть до нового Нового года.
Надо ж, в каких потаённых
и потненьких складках жизни
прячется и находится
наша свобода.

✚

Слишком много свободы, нахрен мне столько, зая?
Слишком ты нежно меня
привязываешь к батарее.
Вот и ремень твой брючный с кисти моей сползает.

— Слабо вяжу, я вижу. Может, уже старею.

✚

От «Биосинтеза» изредка
тянет пенициллином.

Так биомасса разумная
стонет в огромном баке.
А в потаённых пазухах
у теплотрассы длинной
орды клопов-солдатииков
строятся в цифры и знаки.

‡

Вот нам и справки об окончании
двадцать второго класса.
Вот нам конфета «Цитрон» из подарка
и мандарина долька.
Вот мы выходим из дома, видишь,
в скверик у теплотрассы.
Сколько свободы, на все четыре,
нам и не нужно столько.

Девочку в жёваном шёлковом
галстукe рыже-алом,
мальчика с синей пастой на пальцах,
самого слабого в классе —
белую стеклотканью, белым коаксиалом
крепче нас надо было
приматывать к теплотрассе.

‡ ‡ ‡

По офисным коридорам, как крокодильчики по водопроводным трубам,
разбегаются женщины и мужчины друг другу чужие.
А за спинами у них лифты схлопывают обрeзиненные губы:
сначала малые, потом большие.

Зажигаются жолтые окна, заводятся сплит-системы,
суровые дядьки в галстуках расходятся по местам.
Вдруг девочке на ресепшене падает мейл с незаполненной темой,
а там! —

И что ей ответить андеррайтеру из отдела автостраховок?

Да как-нибудь, думаю, разберутся; взрослые люди.

Главное, что я не хотел ничего плохого.
Ничего плохого, значит, не будет.

Данила Давыдов

ИЗЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЧУЖОГО ОПЫТА

† † †

краденые колесницы огненноглазых? нет жукоглазых
криволинейных требующих ссуды у времени
трилобитов ли просто фантомных образований

мы вскачем на них помчимся за тридевять земель
в царство куда они не ушли
которое оставили про запас

† † †

враги и врачи и прочие вороны слетелись
над телом кружит ты смотри дорогой кто кружит
он смотрит в сторону будто бы но смотрит он в то же время
сюда

не говори ему
сколько стоили ходики на измайловском саквояж на преображенке
где ты разбил коленки
впрочем он это может узнать и без нас

† † †

в яме да в просторной яме
месили глину сапогами
а отчего её месили
да потому что некто в силе

некто смотрит вниз
ему нравится процесс

† † †

кризисные моменты на ленте мёбиуса
разрешаются с точностью до наоборот
пешим ходом по внутренней-внешней поверхности в райский сад
к мировой основе к самому незаметному уголку
там где хождение монет и проливные дожди
абсурдны в равной мере как и связки бубликов или баранок
или хризолитовые поделки увиденные некогда кем-то в одном из музеев
ныне уже забытых закрытых позаброшенных

† † †

стеклянные точнее прозрачные лишь с одной стороны
нет не сновидения просто так какие-то миражи
какие-то недоовплощённые способы перемещения
из мест где нас нет в места где нас нет
простые как воровство как случайный гость
даже не гость а сосед зашедший спросить
или просто некто перепутавший дверь

† † †

в крысиной полночи светло
там светит нам незримый
и удивительный как зло
ничем не победимый

там фитили горят как бусы
на шее оживающего Будды
там много ещё чего
неведомые груды

† † †

крайний случай действий против себя
не смотреться в зеркало или смотреться в зеркало
погребальные принадлежности все эти распашонки и погремушки
все эти бубенчики и мишки солдатики мячики
если ты не раскроешь книгу на этом месте
я не скажу тебе ничего я не скажу тебе ничего

† † †

в камне ли в воде ли
всегда и все при деле
кроме как на кромке
где смыслы ломки

там сидит сплошное То
невнятное какое-то
у него ни дна ни неба
ни ботинок ни пальто

† † †

запах палёной резины стук молотка за стеной
ящики за окном так и норовят упасть загрохотать покатиться
самолёты выбирают самый ответственный момент
парашютист приземляется напротив церковной лавки
видит там за холмом поднимаются во весь рост
страх и трепет лишённые глаз и ртов
они никогда ничего не скажут никогда не подпишут необходимую бумагу
они в общем-то никому ничего не сделали

† † †

покрытый скажем копотью
скажем утирающий пот со лба
нет конечно же никаким не платком
рукой
он выходит за дверь наступает на пожухлую траву
его сапоги кажутся бесконечно лёгкими

† † †

крытые колесницы варваров несущиеся по степи
собственно а почему бы именно крытые?
так рассказывали те кто прятался за курганами

какие такие курганы в степи? что за степь?
я именно я видел как они проносились быстрее ножа
летающего в цирковую актрису экстремального жанра
за мгновение до того как она всё поняла

† † †

в рамках данного рассказа
я поведать не берусь
что творила антитеза
в миг когда возник авось

эта странная молчанка
между логикой и сном
обернулась мокрой плёнкой
мир отправила на слом

между кражей и поклажей
между солнцем и лицом
между призрачной надеждой
и торжественным концом

† † †

вставая с насиженного места
мы покидаем не только его но и разные приложения
не предусмотренные преискурантом
разного рода едва заметные движения жесты
всяческие намёки и едва уловимые кивки головой
всевозможные умолчания
многочисленные невидимые контуры
неисчислимы ускользящие отблески

Елена Кассирова

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ

МУКИ БЛАГОДАРНОСТИ

Подражая первой леди,
отвечаю плавным кник-
сеном на даренье леде-
нцов, игрушечек и книг.

Добрые не знают люди,
что челом и я, как Бью-
кенен по секрету Люде-
ндорфу, сувенирам бью.

Впору примитивно тупо
все места планеты бом-
бить из бомбовоза Тупо-
лева благодарным лбом.

ЛАМПОЧКА ЛОДЫГИНА

Позорно, голубчики, разве,
что был искони у нас вест-
ником просвещения разви-
тый греко-латинами Вест?

Угар в боевом Баркашове,
сумевший российское дик-
татурой посконности шови-
низировать общество, дик!

На Западе первой Россия
усильем лодыгинской лам-
почки в недалёких просия-
вала бесконечностях лам!

Кому, как не нашему Севе
Некрасову, новшеством по-
этических концептов из севе-
рных рек генерировать По!

ЗАКСЕНХАУЗЕН

Опостылел в ходе пира
людям, и царям, и плеб-
су, болеющим без пира-
миды разносолов, хлеб.

Вопреки цифири в загсе,
численно, сырыми рост-
бифами питаюсь, Заксе-
нхаузен гурманов взрос.

Кличут аматёров купли
благодатно постных зла-
ков рунетовские купле-
тисты воплощеньем зла.

Недоед у наших добран
распеваньем песен Руб-
цова, Тихонова, Доброн-
равова, вкусивших круп.

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ

К населенью на засове,
контингенту вечно нет-
резвых угрызений сове-
сти моей симпатии нет.

Мне торгующие в Риме
индугенциями штам-
пик поставили о прими-
реньи со скотиной Там.

До утра, задраив двери
способом ручного сплю-
щиванья висков от вере-
щанья полушарий, сплю.

Не гостиница я «Плаза»,
не приют фантомов Бос-
ха, прикинувшихся Лаза-
рем, который гол и бос.

СЕКЬЮРИТИ

Ставлю в виде оберега
к уголку с рабочей лам-
пой, агрессорам перего-
раживая доступ, хлам.

Упокоена, как в штабе
мудрый натовец за гру-
дами, ворохами, штабе-
лями документов ГРУ.

Голове, Лужкову Юре,
не по росту даже с тен-
дера разорить секьюри-
ти полуметровых стен!

Домовой владыка пола,
крикну, закрываясь пли-
нтусом при угрозе поло-
вецкого вторженья, пли!

ПТИЧИЙ ГРИПП

Почто, сизокрылые птахи,
обсели с бескрылыми вор-
чунами, к скамеечке тахи-
кардией прибитыми, двор?

Убоиной птичьего гриппа
на фермах полезете в кур-
дюки инкубаторных гиппо-
потамов, петелинских кур.

Айда с микояновских боен
глазеть на молодчиков вах-
хабитов, пирующих в боин-
ге, скорый которому швах!

Гали-Дана Зингер

ЧУЖАЯ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЖИЗНЬ

✚ ✚ ✚

два её завтра,
по всей видимости, не задержались.
только, падая, теряли свою встречу,
как цветочные горшки с балкона

✚ ✚ ✚

на герани и расстались.
расстояние малинового бархата и живаго молчания
измерялось в мулетах.
талисман потерялся.
отчаянье потёрлось на локтях.
окончания прилагательных проглочены временем.
кто-то носит мои часы, зовёт амулетом.
кто-то грозит ремнём
и всё чужое
глокая бодланула.

✚ ✚ ✚

снулая зелень.
г-н Нннннннннннн(н)
это, вроде, в той самой жизни,
границы байхового чая и кубик рафинада —
в другой.
огорчая себя, не надо спешить с выводами.
предоставь их людям, они не замедлят.
не благодари за советы.
de nada.

муляжи фламинго и чаек
с соседской крыши,
да галошная байка петуний
втуне говорят: уютно.

не для тех,
кто дугой под поркой
выгнувшись с пеной
- подпоркой
потолку и выше —
у рта докажет —
спиной чувствуем
приближение
не одной лишь боли,
вообще любое
приближение.

‡ ‡ ‡

Я — Нина! — раскинула крылья
гипсовая моёвка.
Я — заречное! — повторяет
за стеной пианино
гамму.

всуде говорят: gemütlich.
не суйся, не зная броду,
не то восковому сердцу
вычертишь кардиограмму:

оно не скулит, не ноет,
не зовёт на маёвку,
не ловит жемчужную мойву
в мутных оконных рамах.

оно токмо замрёт
как в школе
у доски гробовой забывая
забивая гвоздик гипсолюбки
в молнийный шар перекасти-поля.

‡ ‡ ‡

клялась тщетой и нищетой.
да кто ж поверит!

ей на плечи, спружинив, ужас
с золотым галуном с бахромою
вскочил, обложив акцизным
протянутые руки-ноги.
так изгнали её из храма
мелочной всемирной торговли.
теперь отговорке хромою
не убежать англицизма.
я — мне, ты — себе
солгали:
нога в ногу, рука — руку моет,
у конечностей свои законы:
ноги в руки и спасайся, кто может.

‡ ‡ ‡

всё-таки приснится

суглинок, снег и не слышал
шёл, я и суглинок
жёлтый снег
бурый снег
серый
серный
косяной
деревянный
нэцке тисовой синицы
прядают с тихого неба
падают с тихою негой

было ясно, что не доходят
- только я только —
и-мэйлы

и-цветки
так естественно перейти к ним
меловые немощные соцветья

слухом её с другой стороны в письмах
стали последняя зима оловянные запчасти
издержки стилия
мелкие кузнецкие несчастья
где он способен открыть рот
и-наконец
сказать слово
инако

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ МОЖЕТ БЫТЬ

в вуальках шушукаются с бегающими глазками
бегающие глазки им и говорят:
ни шатко, ни валко
не идёт наше дело да и только
а уж мы-то бегали-бегали, разбежались,
всё пытались их взять на любовь да жалость
мы уж им и в окошки бросали морскую гальку
у ворот протягивали мандариновую дольку
копировали на кальку
итальянскую польку
да нам-то для них ничего не жалко,
мы уж и на салазках
везли свою ляльку
в шёлковом полушалке
по тальку —
в сердце ёлкина иголка
мы в любую пролезем щёлку
а всё никакого толку // а всё бёз толку да без тóлку

а те, что в вуальках,
им строго так отвечали:
событие случается по объявлению
оставьте свои печали
встаньте с коленей
поскольку эта цель вам не по средствам
ограничьтесь добрым соседством
вам и в самом начале
не совпасть с лестницей
заверенной печатью
вы мои прелестницы
вам не почать их
сургучную да сюртучную
нешуточную натуру
судьба ваша нештучная
всё будете дуры

бегающие глазки продолжают:
попали в съёмной комнате на счастье
от скуки крайне аккуратно
все буквы разложили в ней на части
на бу-бу-бу и ква-ква-ква
но двум они не кратны
и вообще ведут себя неадекватно

вот кто, скажите нам, поймёт
как стыдное обходится без эм
в единственном числе берём мы букву стыд и хризантемы
нет, воду мы берём от хризантем
они похожи на слепого эму
она — на бегство от запретных тем
и букву погружаем в воду
и наблюдаем пузыри
но думаем, что стыд в воде не тонет
и в пламени не очень-то горит

а он нам говорит моя Ана Лиза
а мы на чистом глазу:
какого анализа
спектрального гранулометрического
многомерного статистического
качественно-количественного морфологического
нарративного автоматического
но это был сравнительный анализ не ический
сравнивали: псих и матанализ
а их сравнишь ли?
сравнивали подравнивали уравнили
говорили о законе и дышле
в потолок смотрели, прислушивались к птичьей трели
это свиристели? нет, это не коростели
это не ели в коросте ели свою коросту
а сослепу сосны
но нам с ним и это не просто
мы ростом не вышли
мы только сним ся

а в вуальках которые возражают:
пытаешься понять, что он начал давать советы
с цветными картинками в любви
но отчего-то стало мало света
это констриктор вас обвил
своим боа как повиликой
вам кажется он это по великой страсти
за чаем вы без корсета
вам подсунули какие-то закономерности
а вы их покрасьте
от них только больше воображения
склизко и скользко
и при этом всё держится
как на носу слёзка

и ждёт поражения:
устремить свои заострённые знаки
к злонамеренности

мысль о политике или вето
раскачивалась меж сосновых веток
и язвила
наступаешь на новые грабли?
на последние вилы?
на сосновых иглах
росли лимоны и апельсины
свет был зелёный как в иглу
если вы понимаете о чём я
и немного си

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Ксения Щербино

ПРО РУ, СУ И МАЛИНОВКУ

Для вас рута. И для меня. Её зовут воскресной благодатной травкой. О, вы должны знать, как её носить. Это маргаритка. Я бы ещё дала вам фиалок, но, когда умер мой отец, они увяли. Говорят, у него была лёгкая смерть.

Славный Робин, мой малыш, —
Вся радость моя.

Даже когда в википедии написали, что её расстреляли в 1937 году, она продолжала жить. Каждое утро у зеркала проверяла, расширились ли зрачки — она ли. Жизнь после смерти чем-то напоминает театральную постановку с неперменным «смотри на зрителя, не оборачивайся назад». Кто убил Эвридику-малиновку?

Нас было две сестры, верней, всего десять детей — но должен же кто-то умирать во младенчестве? А смерть была ежедневной — помню, пришла я на комиссию — это был двадцатый год, голод и холод, страшная скакалочка, — это потом скажу, что было страшно, а пока — весело в нетопленном помещении, я в шубке, парадная, с красным бантом и, конечно, пачку надела — и все тоже, парадные и в шубах, революция, значит. И все они живые, весёлые, раскрашенные — а завтра мёртвые, бледные, и все на одно лицо. Так я и влюбилась в балет.

Робин-бобин-барабек, кто в результате оказался в твоём желудке? Непременно мистер-твистер, бывший министр, жрица, которая жрёт пшеницу (так я случайно переделала детский алфавитный стишок), мальчик-с-пальчик и королева Виктория. Робин-малиновка, птичка с сытым алым брюшком, из какой ты страны?

Робин-малиновка и Рен-Крапивник, пегая и алая сестрички, одна сдохла в России, другая — в Англии, вот вам и сказки матушки-гусыни.

Из примечаний Чернова к Гамлету: «Робин — малиновка, небольшая певчая красногрудая птичка. Очевидно, само имя «Робин» ассоциировалось с детской душой, а в контексте драмы Офелии — с нерождённым ребёнком. И, надо полагать (по аналогии с русским поверьем о том, что утопленницы становятся русалками), в позднесредневековой Англии должно было существовать поверье, согласно которому души неродившихся (а значит, и некрещёных) младенцев становились эльфами».

А что становилось с родившимися детьми? Су отправилась на приём к главному прокурору Вышинскому — не кардинал Станислав Вышиньский — не принял, но потом посоветовали, к кому обратиться, как забрать ребёнка Ра. Потом она приехала ко мне, я с девятимесячным, будущим летуном, будущим французским пёрышком, только забирать не надо. Мы уже эльфы, нас уже отправили в страну мёртвых, а пока я считалась кормящей матерью, меня освобождали от тяжёлых работ.

Здесь, в королевстве теней, только женщины. Жёны погибших героев. Молодые, ссохшиеся, сильные, не понимающие, за что. Почему я, а не она? — самый частый вопрос. Легче всего — однажды утром всё забыть, словно завязать глаза марлевой повязке, и путаться в пространстве, называя вещи чужими именами. Но и тогда найдутся любящие товарищи, которые напомнят. Вопреки распространённому убеждению, здесь шутят, но шутки не переводятся, а язык забыт.

Привыкни уже к тому, что ты умерла, сказал мне каменный хор голосом крапивника. Согласно легенде, малиновка и крапивник покрывают мхом и листьями мёртвые тела, которые им случается найти непогребёнными. Привыкни уже к тому, что мы здесь голые и не имеем лица. Ты так долго находилась на киноплёнке, ты знаешь, что это такое — не иметь собственного лица. Привыкни. Мы изображаем мир жестами — ты же помнишь походку, мимику, пальцы? Воспоминания возвращаются к нам тоже в виде визуальных картинок; не пытайся забыть, вспоминать болезно. Терпи.

Ты помнишь, но не ассоциируешь. Принимаешь своего отца за гостиничного боя, когда он разыгрывает перед тобой твою собственную свадьбу. Да, Орфея давно разорвали менады коммунизма, если что.

Пойдём с тобой в тюрьму. Там будем петь вдвоём, как птицы в клетке.

Здесь и поют жестами, немногословно. Он, муж твой, тоже здесь, узнаёшь? Разорванный на полоски, укрытый листьями. Твой сын играет со своими нерождёнными братьями-эльфами на полу.

Тебе нужно так мало — отречься от них. Тогда горло окрасится красным, и ты снова обретёшь голос. Красный цвет появился на грудке у птицы, что пыталась выдернуть тернии из венца распятого Спасителя. Новогодний король-робин-малиновка в день святого Стефана убивает крапивника обыкновенного, чтобы стать солнечным героем. Снегирь обыкновенный. Смерть.

Мы были две сестры, две ипостаси — танец и образ; она так и осталась немой балериной, я — немая актриса — заняла её место в царстве мёртвых. В википедии написали — я умерла. На самом деле меня освободили, а не расстреляли. Освободили незадолго до расстрела.

Раскин писал, что, кроме красногрудой малиновки, есть малиновка синегрудая, *Luscinia svecica*, правда, её очень сложно найти.

Кто малиновку убил?
Я, ответил воробей.
Лук и стрелы смастерил
И малиновку убил!

Если малиновка влетит в комнату через открытое окно, то в доме кто-то умрёт.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Евгений Сабуров

ХУДОЖНИК В СТАРОСТИ

1.

Художник в старости угрюм и равнодушен.
Он начинает песнь, как он привык.
Незамутнен и пуст привычный Пушкин,
неиссякающий родник,
в верховьях глупости народной расположенный
и ею же стреноженный и развитой,
как брежневский социализм.
И очарованного глупостью той
художника пленяет катаклизм
своею неприглядной рожей.

— Пришёл e-mail, — протягивает секретарша
две скрепкой сшитые бумажки.
Помощница выскакивает из каморки,
довольно всё-таки просторной, на мой взгляд.
— Вам нечего идти туда. Какие-то какашки
организуют вроде как демарши
по поводу того, что кто-то гад.
Ну, в общем-то, какие-то разборки.

Естественно, художник говорит:
— Я бы хотел понять, о чём там будет речь
идти. Не зря же вдруг прислали.
— Вам присылают каждую неделю
e-mail'ы мелющих Емелей,
а надо бы здоровье поберечь
и не ходить туда, где не горит.

Помощница — она помощница и есть.
Её задача — сохранить начальника живым,
а секретарша приручённой кошечкой
тоскливо тянет вкось бумажки жечь.

Ей неудобно. Рот отверстием ножевым
сочится, и, помахивая ложечкой,
она стремится чай подать, пролезть
через упругость столкновенья
художника с помощницей, снять швы
или хоть швов бы звенья.

Художник зрит бумажку и урчит.
Ему ведь тоже непонятно.
Уже второй бумажкой вот зовут.
Не отвечает он, но на попятную,
по-видимому, из каких-то там причин
никак, по-видимому, не идут.

2.

Художник, оказавшийся в больнице,
по телефону связывается с помощницей
и спрашивает: — На какое там число
меня вот эти приглашают?
Она ему смиренно отвечает,
что если бзик его начальственный продлится,
и выпустят его, и сможет двигаться
он, то, насколько ей-то помнится,
та конференция есть полное фуфло.

3.

Я рассыпаюсь. Постепенно
уходит воля к жизни, и,
плечами опершись на стену,
подвижность пробую ступни
довольно-таки безуспешно,
но, сильно сократив куренье,
я понимаю, что беспечен
и сделал так не потому,
что хоцца жить и жизни дленье
потребно сердцу моему,
а потому, что по ступенькам
спускаться надо было вниз,
где мне надменная врачиха
назначила тот заповедник
- где ты вот там хоть обкуришь,
хоть вот до розового чиха!

Спускаться было не с ноги —
о, как же я классичен! —
Плохи, однако, дураки
и скопом, и по личностям.
Они на лестничных площадках
взасос смолили сигаретки,
после шунтированных шаткие,
а внутренне, возможно, крепкие.
Но я не мог, ну, я не мог —
два раза затынусь,
со всех оставшихся мне ног
пушусь назад и, пусть
не докуривши, рассыпаюсь,
уходит воля к жизни. Да,
стекает по ноге вода.
Несчастливая жена купает
меня. А после я сижу нелепо
и ломтик ветчины, маслины,
а также вот кусочек хлеба
вкушаю медленно и долго.

4.

Она была влюблена,
но была жестокой женщиной,
и глоталась ею слюна,
готовая сжечь его.
Его, который просторы
открывал ей историями,
им рассказываемыми,
которые, как всю науку историю,
он считал маразмами,
исторгаемыми молодыми людьми,
кажущимися нам учёными,
учёными круто верчѣнными,
отсвеченными в тех и иных СМИ,
в духовке с бараниной запечѣнными.

С бараниной рядом
лежит моё сердце — жалкий мешочек,
жестокая женщина
суровым обрядом
принимает к стирке мои шмотки:
рубашки, трусы,
а вот эта ни с кем не обвенчана,

смотрит глазом косым
с осуждением,
женщина думает: она бы
шмотки в мешочек — ну, как все бабы —
погрузила и этим гадам
дала бы сто очков вперёд.
Жадным рыданьем
жив человеческий род.
Вот.

5.

Врач Белов отказался делать художнику операцию.
— Непонятно, как всё это может закончиться, — сказал он ему.
Посоветовавшись с врачом Груздевым, они решили, что рационально не ввязываться. Ни к чему.
Художнику посоветовали принимать лекарство,
которого нет в России и вообще-то нет нигде,
но где-то есть. И вообще уёбывать в царство,
развёрнутое в пизде.
Художник позвонил помощнице
и, конечно, жене.
Он, может быть, и поморщился,
но дело — сказал — в вине.
Наша цивилизация основана на чувстве вины
в отличие от других цивилизаций, основанных на чувстве стыда,
и он сказал помощнице: — Ну, я пойду туда,
а жене сказал: купи бутылку вина.

6.

Художник в старости
словил себя на том,
что в середине дня не может восстановить в памяти,
что он чувствовал утром.
Нельзя сказать, что это художника поражало,
но он этому удивлялся,
что-то в нём скрипело и даже дрожало,
лилось и простиралось.
Он чувствовал лёгкость,
которую чувствовал его друг,
за три года до того умиравший в Иерусалиме,
но он чувствовал и подлость,
может быть, реальную, а может, и мнимую.
Ощущение подлости происходившего
в какой-то степени поддерживало его в форме.

Находясь в шкуре пострадавшего,
художник в старости, в общем, был в норме.
Он огрызался на недобросовестных оппонентов,
читал недобросовестные книги, рекомендованные друзьями.
Предположительно это было связано с кем-то,
кого нет, но кто всегда с нами.

7.

После того, как художника выперли из больницы,
он сказал помощнице: — Я пойду на конференцию.
Он подъехал. Пошёл на второй этаж. Ноге хотелось согреться,
а она холодела, как птица.
Ну, по крайней мере, нам кажется,
что птицы холодеют вверху в полёте
и на ветру. Художник понял, что кается,
ну, что не понимает, о чём вы, тут собравшиеся, речь поведёте.
По одну сторону стола сидели наши немецкие товарищи,
несущие Бог знает что,
по другую сторону стола в меру кающееся
наше смитьё.
Художник, как всегда, сидел в торце
с ещё несколькими придурками
и, как всегда, не интересовался, о чём, в конце
концов, идёт речь на этой разборке.

8.

— Видимо, мне отнимут ногу, — думал художник, приветливо улыбаясь, —
если ниже колена не осталось сосудов, какая там может быть жизнь?
Дни мои скукожились, съёжились, вовсе съебались,
а ноги мои вусмерть сожглись.
И тогда обратился к художнику наш немецкий товарищ,
ведущий действо и понимавший, о чём речь,
но совершенно не понимавший, как с этим художником кашу сварить
и с какой стати его надо было к этой беседе привлечь.

По пути в машине художник переживал две бестактности,
которые допустил, по его мнению, по оплошности.
Во-первых, это бездарная безрадостность беспомощности.
Ну, вот уходит художник оттого, что у него с ногой разные разности,
а в это время объявляют,
что говорить следующим будет тот, кого он уважает,
и обернется бы художнику, возвратиться,
а он идёт себе и идёт.

То, что носки подстреленной птицей
свешивались вниз, он видел в гробу. Вот
то, что он уходит, когда будет говорить Рогинский,
это бестактно, но он ушёл, и что же?
Но о том, что во-вторых, — это позже.

9.

— Угол смотрится тяжело.
Угол смотрится как стена.
— Эта полоска тут, ну, куда ни шло, —
беседует с дочкой жена.
Я пью вино.
— Девяносто сантиметров, — вступил зять, —
это много, серьёзно, так.
— Разноцветный кафель — это под статью
празднику. — А стойка — пустяк.
Я пью «Фаустино» из Риохи.

10.

Художник в старости не то чтоб слаб глазами —
ему уже и ноги трудно за собой тянуть.
Он думает, пуститься ль в путь,
когда делов-то — протянуться за очками,
а перенервничает и хватается за грудь,
весь вытянувшийся в удобном кресле.
Художник плох, ну, а вы сами,
вы представляете, как выглядите, если
вам неожиданно по заднице дадут?
Откажут ноги, и забеспокоитесь за чресла?
Художник в старости не то чтоб слаб глазами,
но вот отвлекься бы на пять минут
от всех телесных неурядиц ему бы,
а вот со всех сторон полезли,
назойливо целуя в губы,
когда делов-то — протянуться за очками.
Ему уже и ноги трудно за собой тянуть,
и приступы любви едва ли любы.
Всё это вот приходится когда-нибудь
переживать в удобном кресле.

11.

Милый хороший корабль, пришедший из детства,
корабль, на котором я шёл из Одессы в Ялту

неоднократно.

Например, палубным классом со своим классом,
или с бабушкой третьим классом,
или с завлекательной женщиной, блядью, дочерью друга моего деда,
которая тут же пристроилась в каюту к помощнику капитана.

Место внизу на одной из коек уместно
мальчику, выглядевшему совсем не блистательно,
от прыщей лоснящемуся
так отвратно.

Я из Одессы в Ялту еду,
и корабля белая масса
по морю передвигается неустанно.

Милый хороший корабль, ты куда, ты куда?
Я на чужбине? На родине? Где я?
Мало сказать, что кругом вода
или воды идея.

Важно, что корабль идёт, как идёт, блистательно,
и на этом корабле на беду я иду
из Одессы в Ялту.

Я иду к себе, а куда к себе, интересно?
В детство я иду или из детства?
Что сегодня меня интересует, кроме обеда?
Куда я ехал? Куда я еду?

Палубным классом со своим классом,
ночами крутя какой-то кран и точка лясы.
Идут корабли, и неустанно
на мостиках спят капитаны.

12.

Нам мудрость ни к чему, но, во-вторых, я думаю, что облажался вот как:
я должен был сказать о том, что тьму
российский человек трактует как вино,
и это главное, а не икра, гармонь, не баня и не водка,
и если кто-то поперёк тому
вдруг вытянул в длину мою страну,
сказав, что мы ни перед кем не виноваты,
то опрокинуть он решил тем самым лодку,
в которой мы спасались от расплаты.
Я шёл вдоль немцев, не сказав об этом,
носки сползали без резинок и свисали,
ну, просто потому, что этим летом
меня болезни новые достали.

Одна моя нога не то чтоб перестала хоть что-нибудь и чувствовать и жить, но якобы её не стало в ночной глуши, и я проснулся без неё. Жесть вместо человеческого тела — жить, кашлять и шалить так неуместно. А за тобой собачье тянется смитьё.

13.

Так безусловно, так безудержно любим
какими-то мне неизвестными людьми,
казалось бы, я должен быть доволен, ну, как мим,
обласканный бесчисленными СМИ,
растиражированный песнями о прочем,
не обо мне, но всё-таки вокруг меня,
но я воочию столкнулся с прочностью
неисчезающего в вечер дня.
Мне безусловно и бездарно было страшно,
без удержу я появлялся вновь и вновь.
Ненастоящий вечер, вечер дачный
растягивал вокруг меня любовь.

Его любовь вилась, как паутина,
рассвеченная заходящим солнцем,
и столь вот неприличною картиной,
хоть в чём-то неприличною картиной,
надеюсь, мы исполнимся.

Обидно мне, что я вот так во-первых
и во-вторых, как видно, обосрался.
— Не нервничайте, — говорит мне врач. На нервах
оставшаяся жизнь ко мне прокралась.

14.

Когда я говорил с Гонтмахером и Чернявским,
с растиражированным по ТВ Гонтмахером и весьма затёртым Чернявским
о пенсионных делах,
я уловил ощущение боли
в пальце, который уже ничего не ощущал.
Какие-то козявки запóлзали. Краски
стали проявляться более и более явственно.
Больно, но об этом я и мечтал.
Больно, но прям-таки ах!

И Гонтмахер ушёл, то есть Женька с Верой ушли,
а Чернявский ещё задержался.

Мы по пьяни оценивали ситуацию нашей земли,
по возможности с любовью и жалостью.
Это было странное застолье.
Как я говорил, я уловил ощущение боли
в большом пальце той самой правой ноги.
И пускай это были самые мимолётные малости,
но боль была, и давай не лги.
А Женька с Верой ушли.

Ги или ли? Пли или не моги?
Делать операцию
или доставать лекарство,
по поводу которого врач в США обосрался?
Какие нам предпринять шаги,
чтобы не лишиться ноги?
И каким боком к Богу прокрался
тот, кто к Нему прокрался?
Впечатление такое, что, напрягая своё рацию,
ничего не решишь.
Шиш.

А Чернявский вызвал такси, или моя жена вызвала ему такси,
и он поехал в Коньково.
Коси, коса, коса, коси,
но не меня — другого.
Господи, такие слова простишь?
Шиш.
Я этого и не говорил. Я это сейчас придумал.
Ради красного словца.
Вдруг нога сдунулась.
Совершенно не ожидал такого начала конца.

15.

Не только Ницше — сам Господь
нам говорит, что Бог, мол, умер,
стёрт губкой горизонт, и плоть
не исключенье. Общий ступор

соединяет милых нас,
в отличие от прошлой фазы,
когда соединяла сна
прекрасная зараза,

но вот проснулись. — Всё гниёт, —
так некоторые говорят.

Другие же, наоборот,
твердят, что всё тип-топ подряд,

что бодрость духа, трезвость слёз
есть честности залог
и превозмочь возможно злость,
хотя и умер Бог.

Проникся правдой я одной,
проникся и другой.
Тут стала каждая родной,
а также дорогой.

16.

Стёрт губкой горизонт. Художник в старости
не так уж полн, воодушевлён не так уж.
Он сочиняет рой причин неочевидных
с тем, что, с утра-то всласть прокакавшись,
становится чуть менее ригидным.

Конечно, он по-прежнему себя не ощущает смертным,
хотя вокруг него по-прежнему все мрут,
и даже чаще, чем обычно. «Ну, омерта —
пособие коммерции», — вещает он. Какая жуть

в его остановившихся глазах! В его ноге
какая-то идёт своя непознаваемая свара.
Тут хоть смиренным будь, а хоть наглеи —
не избежать последнего пожара.

Стёрт горизонт. Общего мира нет.
Пожара тоже, откровенно говоря, не ожидается.
Стёрт горизонт. У каждого своя, как говорится, клеть,
другой же, видимо, не дана.

17.

У меня была голова.
Неужели Господь в своей неизмеримой благости её у меня отымет?
Все остальные органы отказывали, но она была такова,
что я не стыдился собственного имени.

И хотя я был несравним с окружающими
в отношении всего другого, содержащегося в моём теле,

но от самого дальнего и до самого ближайшего
меня все считали завязанным в деле.

В каком деле, не очень понятно, но теперь говорят,
что одна артерия, идущая в мозг, напрочь забита,
а в другой артерии полно бляшек,
и может случится, что там ни говорите,
всё, что угодно, в любую минуту, такое блядство.

У меня была голова, и в каком-то смысле до сих пор она есть,
но что мешает Господу в Его благодати
взять и голову эту съесть
и не подавиться от этой гадости?

18.

Иди за мной, моё покаянье.
Художник в старости на многое способен.
Его любовь — его литании.
Все на повторах, каждый же — особенный.

Повтор, однако ж, противоположен подражанию:
в повторе есть Платон, а в подражании — Аристотель.
Любовь — лишенье, тёмное, как сжатие,
а пониманье, как огонь, блистательно.

Два искренних профессора и ассистент
свершили над художником своё.
— У вас артерии — как сливочное масло, — сказал один
из них (Дроздов) с досадой.

В подвздошную артерию один, а вот второй же стент
подставил подошедший Кавтеладзе.
Художнику была та операция усладой —
хоть кто-то согласился на неё.

Весь в синяках, он отвезён в палату,
где милые повторы так нежны:
мошонку вправо, а теперь с другой вот стороны.
Художник в старости обласкан и залатан,
его любовь идёт за ним как покаянье,
повторами колыхнется литания,
и внешний мир, на многое способней,
играется в тиши своей особенностью.

19.

Жизнь — милая возлюбленная смерти,
но не единственная и не самая хорошая,
ну, не такая, ну, ради кого, чтоб встретиться
с ней, всё бросают и с перекошенною рожей
бегут обнять, достать хоть в шею поцелуем,
и нет возможности её измерить,
ту страсть, которая так тошно
с мозгами нашими балует.

Отдалённые созвучья смерть связывают с жизнью вроде,
но только вроде, а не с самою ею.
Мучительной задача выглядит. Природе
не надо подражать, но и идею
нельзя считать серьёзным для любви предложением.
Мучительно всё то, что я имею,
как мишка, вывалившийся из берлоги
и очутившийся на огороде.

20.

Художник в старости на многое согласен.
Его терзают: вот, финансовый, мол, кризис
обрушился на Штаты и Европу,
а как у нас? — Идите все вы в жопу, —
сказать бы, но излишний пыл опасен,
иначе всё внутри разрежешь.
Неточностей, непопаданий
художник в старости нисколько не стыдится.
Он даже ими чуточку гордится,
поскольку они — знак непреднамеренности
его случившихся рыданий
и вообще ненужной нервности.

Пора устроить праздник ноябрю
то ль в честь изгнания поляков,
то ль в честь другого всякого,
то ль в честь того, что заживают швы,
зашелестели листья с ив,
и снова я тебя люблю.

Василий Чепелев

РЯДОМ СО МНОЙ ЕДУТ

1.

Я открываю глаза и вижу
Я открываю глаза и понимаю:
Рядом со мной едет куча народу.
В плацкарте у сортира
Рядом со мной едут:
Поэт Д.С.
Десантник из Перми в парадной форме
Избитый армянин с синяками под глазами
Майор строительных войск с перхотью на погонах
Мать и сын-подросток из Шарьи
И ещё какой-то мужик.

На полу стоят два ящика с пивными бутылками
Часть из них — пустые
Часть — полные.
Я протягиваю руку и беру бутылку «Глазовского»
Не вставая с нижней полки начинаю опохмеляться.
Вспоминаю, как ночью мы покупали эти два ящика
На станции, на которой поезд стоит три минуты.
Как мы успели, Боже, как мы успели?

Мы подъезжаем к Москве, но проводница не хочет нас выпускать
Потому что ночью в ходе пьянки
Мы вызвали начальника поезда с книгой жалоб
И заставили избитого армянина сделать в ней запись
На армянском языке.
«Что это такое?» — спрашивает проводница.
«Лишь благодарность, но по-армянски» — мы отвечаем.
Проводница заставляет нас написать перевод.
Перевод выглядит так:
«(Благодарность на армянском языке)».

Мы выходим из поезда
И ещё долго, часа два, до открытия метро
Опохмеляемся с майором и каким-то мужиком на Казанском вокзале.
Майор регулярно разговаривает с ментами, называя их «земляк».

Мы с Д.С. приехали на фестиваль верлибра
Но перед Музеем Маяковского мы едем на ВДНХ
Чтобы Д.С. купил там себе кеды Конверс.
В Москве становится жарко.
На ВДНХ жара и кудрявые биэмиксеры
Которые тоже едут рядом со мной
Пока я стою и мне плохо и я не могу идти ни за какими кедами
И Д.С. уходит за кедами один
А я стою и кормлю слона за деньги
Десять рублей банан
А вокруг рядом со мной едут маленькие биэмиксеры.

2.

Я открываю глаза и выпускаю дым
Отпиваю эспрессо и закрываю глаза
Мы с Д.С. сидим на бизнес-ланче в «Хуче»
И вспоминаем ту поездку
Мы смеёмся.

С нами за столом молодой поэт Н.И.
Рядом со мной едет поэт Н.И.
Мы жалуемся друг другу что здесь медленные официанты
Что за такие деньги приносят не то
Стоит только прийти в обеденный перерыв.
А ведь здесь даже не для клерков вроде.

Я и Д.С. говорим про кризис.
Я говорю, что нанял себе водителя чтобы не нервничать в пробках.
Д.С. говорит, что ему нужен личный помощник — молодой человек,
Потому что если это будет девушка, то его жена сразу уйдёт.
Д.С. пьёт морковный сок.
Н.И. пьёт вишнёвый сок.
Я сморю на часы — час дня.
Я вспоминаю, как в Миссисипи прозаик З.П. говорил мне
Что если пить не раньше часу дня
То никогда не сопьёшься.
Я заказываю пива, потому что пока официантка принесёт, будет как раз час.
Кружка пива здесь стоит как те два ящика.

Д.С. и Н.И. смеются надо мной,
Что я заказываю обычный лагерь, но тот,
Который здесь дороже Гиннеса и дороже Килкенни.
Я говорю, что просто люблю хороший лагерь.
Вот в Америке — говорю — с ним были проблемы.
И к слову рассказываю, как хотел купить в Миссисипи
Всё те же кеды Конверс
Для В. и для С.

Но в Миссисипи был маленький выбор
И я в итоге купил кеды Конверс
В «Шумэнии» на Юнион сквер в Нью-Йорке,
Как я долго мучился, выбирая модели,
Как всё время не было нужных размеров,
Как я на пальцах и на своём чудовищном английском
Объяснял, что мне нужно, и в результате начал материться
И как тогда продавец, чёрный как гудрон,
Спросил меня на чистейшем русском без акцента:
«Парень, ты откуда?»

Потом мы выходим
Распределяемся по машинам
Я и Н.И. рядом со мной (на заднем сидении) едем в офис
Д.С. рядом с нами едет на встречу по банкротству клиента
В своём «Ниссане».

Я машу рукой Д.С.
Задеваю плечо своего водителя.

3.

Я открываю глаза.
Рядом со мной едет М.
Он спрашивает «Вася, где мы?»
Я говорю «Мы катаемся»
М. снова спрашивает «Вася, где мы?»
Тогда я спрашиваю водителя, где мы точно.
«На Объездной» — водитель улыбается.

Рядом с нами едут многочисленные машины.
Рядом со мной едет М.
Кажется, что дело идёт к утру.
Темно, и только рекламные поверхности освещают нам путь.

Мы с М. сегодня пили:
Пиво «Килкенни»

Пиво «Харп»
Виски «Макаллан» пятнадцатилетней выдержки.
«Хеннеси ХО»
Курили сигары.
Хотели шампанского, но официантка нас отговорила.
Сказала «Ребята, вам только плохо завтра будет, а у нас только «Вдова»».

М. два раза пил абсент.
Перед вторым разом ко мне подошёл охранник в итальянском костюме
И спросил, контролирую ли я М.
Я соврал, что да.

Я открываю глаза.
Мы снова на Объездной.
Рядом со мной едет М.

Я останавливаю водителя.
Мы выходим. М. не может ходить.
Я покупаю цветы. Мы садимся обратно.
«Поедем домой» — говорит М.
Мы едем домой.
Рядом со мной едут цветы.

Я отвожу М. домой.
Под ногами путается котёнок.
М. чудом на него не наступает.

Я разворачиваюсь и захожу в лифт.
Чтобы закурить, я лезу в карман и понимаю:
Рядом со мной в лифте едут:
Зажигалка зиппо М.
И его мобильный телефон.

Я доезжаю до первого этажа
И возвращаюсь обратно.

4.

Я открываю глаза.
Я понимаю: рядом со мной едут буквы.
Теперь рядом со мной едут только буквы и точки.
А запятые теперь можно вообще не ставить.

Ещё, пожалуй, рядом со мной едут
Торговые марки.

Я встаю с дивана и иду на кухню.
Я включаю кофеварку и смотрю в окно.
За окном дети бегают по гаражам.
Я закуриваю и вдыхаю запах кофе и дым.
Я вижу, как мальчик в голубой куртке не долетает до следующего гаража
И падает на землю.
Мне его не видно, но он не встаёт.
Я вижу, что его друзья спрыгивают с гаражей и убегают.
Я вижу бегущих детей.
Мальчика в голубом среди них нет.

Я достаю из кармана рубашки телефон и звоню «03».
Мне говорят «Неправильно набран номер».
Тогда я набираю 911.
Соединение идёт.
Никакого мальчика в голубом не видно,
А значит, он лежит между гаражами.

Я рассказываю всё это оператору.
«Кто вы?» — спрашивает меня женщина-оператор.
«Я вижу это из окна» — отвечаю я.
«Как ваша фамилия» — спрашивает оператор.
«Чепелев» — отвечаю я. «Чепелев».
Оператор не слышит и просит повторить ещё раз.
И тогда я диктую себя по буквам.

Фаина Гримберг

СКАЗАНИЕ О БОЛГАРСКОМ ПЕРЦЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ДРАМА

Марии Ходаковой и Владимиру Строчкову

Всё начинается с одной строки в ресторане

И вот она:

«Именно болгарский перец придаёт украинскому борщу настоящий грузинский колорит»
 И вдруг

пресс-конференция

международных объединений кухнепарламента кулинарийной Европеи

Мадам Меню, корреспондент газеты «Форель о блё»,

корреспондирует народного певца Чахохбили:

— Это ваши слова о болгарском перце, который придаёт грузинский колорит?

— Нет, это не мои слова,

я говорил совсем другие слова,

я говорил, что грузинскому колориту не нужен ни болгарский перец,

ни украинский борщ!

И тут подаёт реплику от журнала «Салад Рюс» Тульский Самовар:

— Ну и катись колбаской!

— Вы имеете в виду салями? —

спрашивает Куриный Пилав —

от агентства «Имам баилди»

— Где же коллега Болгарский Перец? — волнуется мадам Меню.

— Я против трафика пряностей! — заявляет Куриный Пилав, —

я предлагаю мирное урегулирование требований...

— Нет, это не тот перец, который пряность! — восклицает экспансивный народный
 певец Чахохбили, —

Это перец, который можно резать!..

Так он говорит, этот экспансивный народный

певец Чахохбили

А пресс-конференция идёт, идёт

А в это самое время

самолёт летит в московскую Москву

длинный самолёт летит в московскую Москву

И слышит тихий таинственный и доверительный ответ:

— Да, я Болгарский Перец

И тогда спокойно говорит суровый Хачапури по-аджарски,
чуть вскинув ладонь, почти коричневую, в жесте показа,
и говорит:

— Украинский Борщ — там!

И даёт суровый Хачапури по-аджарски сакраментальное интервью
Болгарскому Перцу

И Болгарский Перец

на мгновение скрывает свои глаза фотоаппаратом

И наутро

во всех газетах мира

на первых полосах

смотрит чёрно-серое с белым лицо сурового Хачапури по-аджарски

И наутро

Болгарский Перец просыпается знаменитым,
осыпанным сахарной корицей международных премий
и немножко получившим большие деньги,
которые золотая какая-то «кард»

А Украинский Борщ уже ок! —

через два часа

И Болгарский Перец зажигает ногами на танцполе,

топает подошвами чёрных туфель,

плещет вскинутыми руками

А музыка гремит

А разноцветный электрический свет

загорается и гаснет в темноте

судорожными вспышками

Я зависаю с девчонкой в баре

Красные ворота, Чистые пруды

Чёрные ворота, Красные пруды

Ася, Катя, Миша, Володя

На хуй!

Толстый том Зданевича

Тонкая книжечка Андрея Николева

В спа-салоне «Вишнёвый десерт» пахнет немножко банно,

резко ароматно-влажно

Тайская Стекланная Лапша делает сильный массаж

Болгарскому Перцу

Мобильник «нокиа» звенит

Закончена работа

На Новом Арбате казино «Корона»

Большая корона сверкает, как будто золото в мультфильме

Шарик металлический подпрыгивает на узком чёрном прямоугольнике

На Новом Арбате в казино «Корона»

В какую-то минуту
мощная, толстая, опасно мускулистая действительность,
страшно и широко потянувшись,
разрывает хитиновые хилые путы-цепочки
всех возможных мелких и мелочных
соглашений, пактов и прочей фигни!
И!
 прёт напролом,
взрывая землю копытами,
вперёд рогами прекрасного критского быка,
уносящего деву Историю,
поющую восторженным голосом:
 «Война! Война!»

Огромное жаркое небесное создание —
 военный огонь! —
 гигантским прыжком с размаха врывается,
 прыгает на эти балконы провинциальные,
 вонючие мирной жизнью

А ты сидишь, как будто Ницше,
 на большой дороге беженец,
прижав ноутбук обеими руками к груди,
 к этой мокрой-мокрой от беженского пота майке,
 надетой впопыхах,
 счастлив, кто посетил сей мир
 в его минуты роковые

Призвали, как сор трапезника,
 на пир!

Даже не в качестве бараньего жаркого!
И только Болгарский Перец
 и вправду счастлив!

Он в танковой колонне
 Он в танковой колонне
Он подбегает
Рвутся бомбы
Люди в страхе бегут
А он спокойно стоит
 На плече камера,
к лицу прижат тридцатипятимиллиметровый
 фотоаппарат

В дыму и пламени
Болгарский Перец стоит в программе новостей
 на экране всех телевизоров
Болгарский Перец
Болгарский Перес Реверте
Болгарский Перец,
 у которого бывает много всего!

У которого бывает:

кэноновская зеркалка — фотоаппарат

натовские армейские штаны

чёрный тельник

ботинки такие большие

на ногах больших длинных

ботинки,

которые называются:

«коркоран»,

или «копкопан» —

не помню в точности

видеокамера цифровая профессиональная

«камкордер» «сони» «сони»

Названия разного оружия, разных камер и фотоаппаратов —

всё латинскими-латинскими

большими прописными буквами!

Болгарский Перец!

Болгарский Перес Реверте!

Рвутся снаряды

Свободу словам!

Свободу фотографиям!

Свободу самому разному кино!

А ты умоляешь в пространство

душного горячего дыма:

«Дайте немного здоровья,

немного жизни,

картриджа совсем немного

и!

чтобы мне совсем не умереть!

Не хочу!

Не надо умереть!»

И тут и Франция с флажком бежит

«Миру мир!» — кричит

И Россия тут как победит!

Быстро танками вперёд

Ты куда это всех побеждать?!

Распобеждалась тут!

Победившая такая!

Да!

А вот и победила и иду!

Всё равно приятно всё-таки!

Угу!

Нет, смотрите, как она распобеждалась!

Марш в дипломатию сейчас же!

Ататюрк

даёт пинка греческим кораблям Венизелоса

Греческие корабли ахейцев кубарем катятся в Пирей!
Троянское знамя борьбы танцует на ветру «зейбек»!
Троянский конь не пройдёт!
Измир — наш!
Анадол — наш!
Да здравствует,
да живёт Приамов скворешник!
Летят империи, рыдая и смеясь
И женщины совсем убиты
 под мышкой с булками сидят
 скамейкой деревянной лавкой
 зашпилив кофточку булавкой
Бомбёжки улетают в грязь
Сонаты и Организации
 поют мужчины ариями баритонов
Огнями дети факелами вспыхнут
Машины быстро-быстро уезжают
И вас на пир случайно пригласили,
 как сор трапезника
А я — счастливая!
Я вижу этот мир!..
Куда
 Туда
 идти
 так много счастья впереди
 свободности легко в груди
Гляди
Лети
И самолёт опять летит в Москву
 опять зимой
Болгарский Перец прилетел в Москву
Он великолепный
в камуфляжных штанах и в тяжёлых армейских ботинках
в чёрной кожаной гражданской куртке
в кепке-бейсболке
В метро мраморно-душно
Станция «Кропоткинская» моя любимая
колонны толстые и лёгкие —
сёстры тяжесть и нежность, что ли?
Мимо листочка в метро на выходе:
«Саакашвили — фашист.
Грузинский народ, не верьте ему!
Россия Грузия — дружба!
И весь Кавказ» —
почти детский почерк —
шариковая ручка —

великой княгини Ольги Александровны Гольштайн-Готторп-
Романовой —
русское немецкое московское лицо
в короткой стрижке серенькие волосы-пёрышки
в прямой чёлке

Маша
худенькая девочка-студентка
учится на филфаке ЭМГЭУ-
античная филология —
какие-то комментарии Порфириона
к чему-то что-то Горация —
Комментарии Порфириона к шестнадцатой Горациевой
эподе
Машин отец — ветеран афганской войны —
разменяли трёхкомнатную квартиру на две одно-
комнатные —
живёт отдельно
учил её, говорил:
«Надо целиться между двумя ударами сердца.
Поэтому женщины — самые лучшие снайперы.
У них сердца бьются слабее, чем у мужчин.
Надо выстрелить между двумя ударами сердца».
Маша Селищева
выбивает из духового ружья восемь из десяти.
Это без линз.
Она близорукая.
А когда с линзами в глазах,
может и десять из десяти,
из духового ружья.
Маша Селищева —
серые мягкие домашние брюки, цветастая блузка
Улыбка хорошая —
— Коля! —
с восклицательным знаком
— Здравей!
Он улыбается, как будто улыбающийся фокусник
Он вынимает из сумки блестящую позолоченную коробоч-
ку с флаконом «Опиума» от «Ив Сен-Лоран»
Из сумки появляются завёрнутые в целлофан
две розы
очень лепестково-махровые оттенками алого
У него в сумке —
два пистолета-«скорпиона»
дешёвые — для командос —
два пистолета австрийских — «глок» —
он купил хорошие пистолеты у Кибовского и Передерия

В сумке —
складной военный веер гунсэн
и очень маленький самурайский меч
и маленький бубен,
чтобы с помощью магического камлания
в мифического большого волка превращаться,
как будто царевич Баян в хронике Лиутпранда
Вкусные котлеты салат вино
Маша зажгла на столе свечу
в подсвечнике на белой скатерти
Вот он —
великолепный император Акбар в круглом тюбане
в кафтане алого шёлка,
перепоясанном тонкой персидской шалью,
расшитой серебряными нитями
туфли остроносые
Разлёт чёрных глаз
тонкий профиль
Это Болгарский Перец
Маша неотразима
Остроконечная шапка-эннен над её бледным лицом Симонетты Веспуччи
Маша —
бледная голубизна и коричневость одежд,
волнистость шлейфа на паркете
Два цветка дремлют ароматно-тонко
в простой стеклянной синей вазе посреди стола
Большая занавеска отдёрнута, как в театре занавес
Тёмное синее окно расцвечено праздничным летением снежинок
На подоконнике чистом белом — бутылка «Мартини»
Молча прижавшись друг к другу тёплыми телами,
совсем голые они смотрят на дивиди
«Мертвеца» Джима Джармуша,
курят лёгкую травку,
они забрались на диван с ногами
И ночь ночь ночь
Нежная подушка-гусыня
горьковато пахнет его «Землёй Гермеса»
Его тело горьковато пахнет «Землёй Гермеса»
Часы бегут бегут
ногами изящной длины
Кармен Висенте Аранды — Пас Вега —
чулки с подвязками красными бантами башмачки,
истёртые тонкими подошвами о брусчатку улицы Кандилехо
Твоя! Твоя!
И утро
утренняя любовь

будильник
волшебнo-горячий душ в тёплой ванной комнате
махровое полотенце, такое домашнее
— Коля!
Кофе!
Последнее объятие
Холодный свежий воздух для дыхания
Мимо домов — башен братьев Лимбургов
Далеко-далеко —
такси —
аэропорт
«Жизнь — благо!
Но если думать, что жизнь — череда несчастий,
тогда выходит, что жизнь —
одно сплошное несчастье,
тогда выходит, что смерть —
это счастье!
Только те, которые так рассуждают,
они или бедные, или совсем больные.
Вот если бы они были совсем здоровые,
и у них были бы деньги
и веселье в сердце
и много красивых девчонок
и одна — очень хорошая —
вот если бы у них всё это было
вместо болезней и разных тоскливых мыслей,
вот тогда они были бы счастливыми!
Потому что жизнь — всё равно счастье!
Конечно, бывают несчастья в жизни,
и даже и много несчастий,
но счастья всё равно больше!» —
говорит старинный Казанова!
Улетает Болгарский Перец
Завтра его работа —
быть выдержанным «Педро Хименесом»
Это не человек,
это вино такое испанское.
Счастья всё равно больше!

Андрей Ильенков

SOFT TIME

1

Шесть дней дул ветер, а на день седьмой
Дождь начался, и шёл он сорок суток.
А сорок первый был уже зимой.

Тогда, взрывая пеной первопуток,
Приехал к нам облезлый человек
В крови от рельс и станционных будок.

(Приказ о нём летел в тоннелях рек,
Под крышкой льда пустынным зверем воя.)
Он видел знаки на изнанке век

И с виду был недружен с головою.
Был странен и вонюч его тулуп,
А рядом с ним ещё сидели двое.

Тот год был праздник. Дым валил из труб,
На каждой печке женщина рожала,
На каждой ложке был куриный пуп,

И масло по локтям змеёй бежало.
Здесь стол был яств, здесь толоконный лоб
Сиял блином, полтина дорожала,

На каждой лавке парень девку ёб,
И краснощёкий седовласый Боже
Сидел в углу, как именинник-поп.

...И он вошёл, и эти двое тоже.
Запахло ржавой кровью и ослом,
И дикая разбойничая рожа

Одна в трёх лицах встала над столом.
И был в руках у первого, солдата,
Мандат с печатью «главный костолом»,

Но это было видно без мандата:
В дыре штанов с обломками костей
Зияли жерла ран, набиты ватой.

Второй, рыбак, уставясь на гостей,
Был также хром, но боли он не чуял,
Как будто дух, лишённый всех страстей.

А главный так сказал: «Во тьме кочуя,
Я был, как крот, и голоден, и слеп,
И к вам теперь пришёл, и не хочу я

Просить, как подаянье, потный хлеб.
Идём за мной — вам солнце станет хлебом.
Сломайте свой постыдный ветхий хлев —

И кровь, вином польющаяся с неба,
Омоет плод грядущих городов!»
(Он говорил «вином», но, видно, не был

Ни разу пьян от солнца и плодов,
Когда искал в вине кровавых меток!)
И мы притихли от подобных слов

И не спешили спрыгнуть с табуреток.
Мы видели — он голоден, избит,
Несчастный ум, как крейсер, зол и меток

И без причины обо всех скорбит.
И, так решив, к столу их пригласили:
Сам чёрт бывает мягче, если сыт.

Но он вспылил: «Вам говорю, не в силе
Ваш стол алчбу голодных утолить!
Как ваши деды вечно жрали, пили,

Так ваши внуки будут жрать и пить,
Не утоляясь, как морской водою!
Сегодня мне, чтоб вас освободить,

Одна лишь ночь дарована судьбою,
Назавтра будет поздно. Взяв детей,
Постройтесь и идите к водопою,

Где встанут рядом кроткий и злодей
И, плоть омывши, обретут свободу
От тяжести величия людей,

Безжалостно растущей год от году.
Вам и сейчас не надо перемен,
А через год, величию в угоду,

Ваш мир срастётся с временем, смирен».
Так говорил он, явственно сияя,
А в это время, ставши у дверей,

Его друзья, секунды не теряя,
Достали из-за пазухи штыки
И, на себе заточку проверяя,

Мозги и члены стали сечь в куски.
Все обмерли. Такого мы не ждали.
Такого мы, простые мужики,

Не вынесли. Иконы зарыдали,
Растаял снег с шипеньем за окном,
Как бычьи очи, закипели дали —

И вдруг сверкнуло голубым огнём
Из-под земли, из погреба, с конюшни —
И вспыхнул дом. Они остались в нём,

А мы бежали прочь из гари душной.

2.

Мы знали: был приказ с названьем «CREDO».
Никто его ни разу не прочёл.
О чём он был, забыли даже деды.

Мы сеем хлеб, разводим птиц и пчёл,
Тучнеют златошёрстые телята.
Земля цветёт, не ведая ни в чём

Насилья, разве в памятную дату
Бычка заколем... Впрочем, этих дат
Почти никто не помнит. Нынче свято

Всё то, что по-людски: ребёнок свят,
Священен час обеда и досуга,
Кувшины вин, где тает виноград,

Священна ночь любви и утро плуга.
И я священен так же, как пророк,
И ты, моя весёлая подруга.

Когда ты рвёшь на пастбище венки,
Десятки тысяч кормовых тюльпанов
Дохнуть боятся подле нежных ног.

С утра в ключах колючего нарзана
Отгонишь лёгкой бабочкой твой сон —
В чернилах тёплой соли океана

Уже под вечер вновь вернётся он,
Десятки лет не думая меняться.
(Мы не считаем лет: таков закон —

Не нужен счёт, чтоб просто наслаждаться,
И *чем* считать, ведь лету нет конца.)
И ты лишь розой стала распускаться,

А дочь твоя уже манит отца
Едва цветущим лоном, но налитым
Плодом груди, но свежестью лица.

Так мягко в нашем мире монолитном,
Где время мудро носит имя «soft»,
Вросли комли дерев в палеолите,

А ветви нежно гладят Гончих Псов.
И горы, и долины мягче тени.
Во льду воды не тлеет прах отцов,

Они встречают милых привидений —
То наши внуки эльфами кружат.
Мгновенность смены смерти и рожденья

Убила время. Заросла межа.

3.

Я отложил прочитанный буклет.
«Всё это так, — сказал он мне, кивая. —
Я сам живу здесь скоро триста лет».

И я воскликнул, недоумевая:
«Тогда зачем же едем мы вообще?»
Он усмехнулся, стёкла поднимая:

«Смотрящий вдаль сквозь танковую щель
Прав в частности, но в целом он обманут
Ошибочно мерою вещей,

Не замечая свойств иного плана,
Неясно проступающих пятном
На лике мира светлом и желанном,

Свидетельствуя больше об ином.
Теперь, однако, некогда возиться —
Сегодня на досуге перед сном

Перечитай последнюю страницу.
Сейчас мы едем, — он нажал педаль. —
Я должен показать тебе больницу».

И, газанув, мы двинулись туда.

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Сергей Соколовский

МОСКОВСКИЙ ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ДЕНЬ ВНЕЗАВИСИМОСТИ

Мать одного будущего врача просыпалась, варила кофе.

Раннее утро. Что-то случилось со всеми словами, вообще со всеми. Они не то чтобы перестали значить, они то, что надо, перестали значить. Мать одного будущего врача просыпалась, варила кофе.

Другое утро, другой день — один из тех июньских дней 1989 года, когда многие китайцы погибли на площади Тяньаньмэнь во имя свободы. Мать одного будущего врача была в те дни прозрачна для самой себя и абсолютно непостижима для окружающих.

Она любила китайские стихи, любила дальневосточную культуру — в то время подобное пристрастие ещё не было общеупотребимо. Друг её сына, позднее попытавшийся скроить свою жизнь по шестидесятилетним рецептам, часто вспоминал одно китайское стихотворение, которое она попросила выучить.

Стихотворение, впрочем, не помогло: отказавшись от радикальной революционности в пользу лёгкого тарантинообразного криминала и удостоившись острой сердечной недостаточности в качестве причины смерти, друг её сына пережил «дедушку Дэна» всего на два-три часа.

Она была довольна, что её сын стал врачом.

Электрическая кофемолка однажды сломалась, пришлось покупать другую. В июне восемьдесят девятого новой кофемолке было уже четыре года. И несколько месяцев, что заставило улыбнуться: четыре года и несколько месяцев.

МОСКОВСКИЙ ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Злые города моего счастливого детства, Белфаст и Бейрут, продолжившие русский Серебряный век, где многие тоже были на эту букву. Белфаст и Бейрут для меня роднее, чем Блок или Балтрушайтис. Только для Белого сделаю исключение, только он смог сделать с головой подростка что-то такое, отчего больше не хотелось цепочки убийств на политической почве в качестве естественного, органичного обрамления дальнейшей жизни.

Белый дом девяносто третьего сделал и мой родной город чем-то вроде Белфаста или Бейрута, правда, совсем ненадолго. Четвёртого октября я курил забористый драп на

крыше сталинского дома, расположенного напротив бывшего здания СЭВ, и понимал, что мои детские мечты сбылись.

Тогда мне и пришла в голову мысль об этом театре, в котором реакция на игру актёров позволяет зрителю окончательный диагноз.

СЕСТРА

У одного предмета была сестра Джеральдина. Она была хрусталиком, не глазным, а просто маленьким кусочком хрустала, помещавшимся в детской ладони куда как свободно.

Это была одна из немногих вещей, у которых есть личное имя. Своего рода Эскалибур. Дом, в котором жила Джеральдина, не мог похвастать богатым набором исторических предметов, и потому личное имя имелось только у неё одной.

Что ещё было? Кроме Джеральдины и её дома, из которого выходить разрешалось только со взрослыми, вы хотите спросить? Много чего было. Вот, например, была одна в высшей степени занимательная история.

В кустах вокруг дома завёлся вор. Сперва грешили на домашних животных, после — на диких, и лишь одна Джеральдина знала, как тяжело в этом мире даётся тайное знание.

Чья ладонь держит тебя сейчас, Джеральдина? Груба ли она, нежна, принадлежит мужчине или женщине, девочке или ребёнку — славянской ли внешности, африканской ли? Затрагивает ли эта ладонь вопросы религии и морали?

А ведь он любил тебя, мечтал, чтобы ты лежала с ним в одном гробу, Джеральдина. Но никого не мог об этом попросить перед смертью, потому что никто не знал этого секрета, самого главного, главнее прочих.

Если бы сейчас, в эту самую минуту, мы могли бы хоть что-нибудь изменить, я уверен, мы все были бы там. Просто для того, чтобы положить Джеральдину в гроб. Но у нас, по счастью или несчастью, такой возможности нет. А могла бы, не исключаю, быть.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ОВОЩИ РОССИИ

Воспринимая русофобию как простое, естественное и общедоступное чувство, трудно понять твоё горячее пристрастие к известной северной стране, если не знать одну небольшую деталь, которая окрашивает предысторию вопроса синим цветом старинных продуктовых витрин и дезинфицируемых больничных палат. Легко представить более или менее свежего человека на этих витринах.

У нас в отделении лежал один такой овощ. У него не было своей койки — он бы и не запомнил её. Пациенту дозволялось спать где придётся. Поэтому когда ты спросила, не являешься ли, часом, настоящим антихристом, то я сразу вспомнил этого человека. Будем честны: его поведение намного больше твоего смахивало на поведение грамотного антихриста, аккуратно расфасованного в полиэтиленовые пакеты той или иной массы, реализуемые сперва через оптовые, а после и через розничные торговые сети.

Ещё раз повторю: это рассказ о русофобии, коррупции и подлинной демократичности, написанный для одного реально существующего человека и нескольких реально существующих коллег по борьбе. Если с первым всё ясно (в лучшем смысле этого слова), то о борьбе — чуть подробнее. Потому что это — вольная борьба и силовой приём. Почти та-кой же силовой приём, как и тот, что упоминался одним временным жителем станицы Синегорская около пятнадцати лет назад. процитируем: «Я силовой приём и я знаю об этом». Здесь, наверное, следует уточнить, что мы говорим о русофобии в медицинском смысле, в лучшем смысле этого слова.

ИЗ ГАЗЕТ

Из названий газет, если быть точным. В том смысле, что сделано из газет. Вот уголок «Коммерсанта», а вот в самом низу виднеется кусочек «Les Nouvelles de Moscou» едва ли не семидесятых годов. Значит, эта куча собиралась здесь достаточно долгое время, несколько десятилетий. У неё есть имя, есть фамилия, но она сделана из газет.

Куча говорит. У неё неплохие шансы стать штабелем, но не хватает заботливых рук и, по-видимому, бечёвки: куча большая. Из газет можно многое узнать, и она говорит языком газет, каким же ещё.

Языком заголовков — мелкий шрифт уже никто разобрать не сможет.

Никогда, совсем никогда.

Просто не в состоянии будет разобрать, будем откровенны.

Без сомнения.

Но и заголовки всё тяжелее понять.

Остаются лишь названия, мне так проще говорить об одном известном теле. Живом, интеллектуальном, — да, но — куча кучей, вы же видели, и говорит языком газет. Мелкий шрифт уподобим порам на этом теле: если не приглядываться, так их и не видно. Вот и не надо приглядываться, прошу простить некоторую резкость. Вот вокруг дача, рядом сад, речка, школа — что ещё нужно? Для ориентации в пространстве, вот о чём речь.

РЕМЕСЛО КИНОКРИТИКА В НАЧАЛЕ ЗИМЫ

Когда ты умрёшь, а меня посадят, про наших детей снимут фильм.

Фильм, разумеется, будет безнадежно плох; пара наших общих знакомых, тем не менее, сочтёт нужным внести его в свои персональные рейтинги, подводящие итоги года, — в первую очередь по этическим соображениям: всё-таки не о чужих людях кино. Кое-кто, напротив, ровно из тех же соображений напишет правду: люди — хорошие, детей — жалко, фильм — ниже плинтуса. Почти не сомневаюсь, что душой буду на стороне последних — если хоть на чьей-либо стороне смогу быть душой.

Отдельное место, как обычно, будет занимать так называемый «Рейтинг Лилит»: тяжёлые, безвкусные, подчас оскорбительные попытки предвосхитить идеальную позицию кинокартины в соответствии с неким «гамбургским счётом грядущего» традиционно вызовет всеобщее отвращение.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Тимофей Дунченко

СПОЙЛЕРЫ

СВОЙ ЛЕПЕТ

1.

Поочерёдно смотря то на левое, то на правое — оно выдохнет за своё здравие.

Выдох облачком в небеса. А под ним остальное в пляс — заражает. Вслед за ним и душе плясать.

2.

Все серьёзные вещи с кривым лицом. Слишком много, и ухнут своим крыльцом, размежая порог.

Раскрывая коврик, как некоторое письмо.

Облизал и порезался. Настоящее действие снов.

3.

Ты гляди, какие звери, как их шерсть торчит. Как их кровь на губах горчит, как они портят привкус.

Исправляют прикус, заостряя зубы. Замолчать разумно, стряхнуть с рукава пепел.

Ребёнок что вылепил, то вылепил. Тысячекрылый бумер летит малёхонький. Его призумить.

Он пищит свой лепет. А его торопят. Он быстрее-быстрее и не сможет себя ответить.

Без лазеек, всё честно, течёт по рукам пресная
фонтанчиками сквозь вены. Бьют лучи свыше.

Ударяется об лицо — и лицо становится чище. Исправляется мясо,
блестят прожилки.

Течёт по рукам ясная, двигается, бежит.

4.

Детства шаровая как воздушный шарик — страшно,
но прикольно.

Улетит за вспышкой, до соседней вышки,
там отразится — уйдёт в землю.

Подземные волны срastить, зачерпнуть чуть-чуть, отпустить. А в пяту уткнуться,
это кто у нас тут дремлет.

5.

Недолго ждать ритма, постучать пальцем. Проглядевший сжалится, а кого ещё
мне бояться — говорил в рацию. А с другой стороны лески отвечал
глас небесный — тебе с ним бороться, по-девчачьи драться.

Приготовься.

Там лежит ровный мир, раздавлены комья, столп посреди глиняный. На нём
лишние имена твоего имени.

Будешь биться не за то, как видится, а за то,
как оно говорится.

Так и так проживёшь убийцей. Извергом, страшным чудовищем,
старухой с клюквой.

Набрала и пирог изготвила, убирая свой домик кукол. Подметая пыль,
вдыхая, чтобы лёгкие наполовину
заполнялись

кривое лицо и живые спины двигались в плясе считали звёзды
через пот через его медузы
пусть сидят на поверхности тихо сохнут
не они так другие почувствуют себя плохо

и хорошо. Недолго ждать ритма, он пришёл и крушит движения, чем быстрее, тем ярче снимется напряжение. Тем глупее желания и скорее желаемое сближение.

6.

Сам сидел, растопырив ладони, чтобы рваное ярило обожгло. Чтобы в шаре его обозначились тени углов.

И под них — подсунув ладоши. С облегчением самого себя уничтожил.

ВЕЛИКАЯ ОДЫШКА

1.

Через вытаращ, через пламя. Потащил чуть-чуть и брезгливо бросил.

Кучевые знамеры, поджигают хоругви, глотнув своё семя. А были б нами.

Обязательно выбросил или свернул во узел.

2.

Засопели дни. К ним приник, и локтями пальцев вести по дёснам.

Безобразные, как берёзы, как их сок белёсый, как сияющий штырь в груди, сердце опередил.

3.

На мгновенный грех, через комья щёк. Золотится мех, возвышается брег песчаный.

Не выдумывал, не сличая. Дальше в море оно горячее. Плывут печально, и поют сирены титана, за всех, за всех.

4.

Отмирали нервы, медленно проворачивалось колесо обзора. Город двигается, полыхает город.

Огнями. Небесными, и из окон. А прошло и прошло,
не вычислен, не потроган.

5.

То ли глаз косит, то мир висит, словно куколка на туннеле.
То ли волчий вой, то ли самка его голосит, то ли он так мстит,
то ли пахнет псиной.

То ли так они все запели.

6.

Грел ядро своё, полоскал бельё. Унесла река, и вода
в ней была горька.

Так сидеть и ловить рыбу, попадётся — погибнет. Попадётся — будет смешно,
как выплёвывает она воздух брюшной.

7.

По щепотке понятий, на годы старше. Определить,
что море лужа, а мир лажа.

Под колени пнуть, и в яростном раже самого себя вывернуть,
самого себя отвернуть.

Отказаться от слов, сейчас же.

8.

Где бы стыло, пока замер. По сусекам да по секундам
бежит таймер.

А потом попикало и закончилось. Вытер пот,
помусолил кончик.

9.

Прах и перья, тонка кишка.

Двинуть в пах империи исподтишка.

10.

Почему опять, через раз про море. Головные боли,
сады историй.

Сиплой нотой в прекрасном хоре. Опять про горе, опять про порево и безмятежность.

Хороводили, зрели и тешились.

11.

Чугунный яр, млечные реки. Почему опять, через раз о берегу. Головные боли, многочастные человеки.

Кучевые знамеры, локотные ламеры и заканчивающиеся резко прекрасные треки.

Музыка в этом веке.

12.

И горит костёр, и сидят детишки. Чокнутые кочерыжки. Так бы сказать им явно, но не слишком.

О том, от чего происходит великая одышка.

СРАМ ОСТЫЛ

1.

И за каждый щепоток мы определим свой итог. В нём подчеркнём ярое и ведущее.

Там бурлит на придуманном масле наше будущее.

2.

Холодок в груди победил. Стукнул в сердце флажок. Поставил палатку, заперся и уснул навечно.

Если бы да кабы да купил переносную печку, всего лишь по грошовой цене. Переносную печку. И брильянтови губы.

Не уснул бы.

3.

С пистолетами и с курбчками. С кочки на кочку,
с бревна на бревно.

Золотые любимые сочные. В море сразу
себя окунуть.

4.

Ну клялся, ну обещал. Мир сгустился до
маленького прыща.

Что и как, Расскажи, что делать. Кем кусал.

Проведи своим телом, как по стеклу мелом. Проведи своё время весело,
он сказал.

5.

Холоднее ищи, теплее ложь. Где теплее — там ничего уже не найдёшь.

и обманывает пустота.

Там прячется

Как увидишь лёд, так целуй его,
прямо в уста.

6.

У кого какая дрёма, у того
и щемит.

Слышишь звуки грома. Сейчас произойдёт
настоящее отпущенье.

Срам остыл. Застывает твоё теченье.

7.

Прыгают вокруг, а не ходят. Двигаются,
как прямоходящие кресты.

Посмотри на них,
и твой срам остыл.

НА КРАСИВОЙ ЛОШАДИ

1.

С той микросхемы передают, что там хуже. Там бензин лежит
во верблюжьих горбах.

Пересечь пески по проходим, по лужам.

За своё путешествие несколько раз пересмотреть точку зрения
на вселенский ужас, на обычный страх.

2.

Через мимо мифа, через колкие бьющие прямо в небо,
хорохорился мялся бох.

И чернь текла его река, он шёл, как будто спотыкался.

Через мимо мифа, сияем и дрожим. Под реверсом, глаза белёные,
розоватые подмышки.

И рябила рябина черноплодная, и лежали смотрели на грозди ягод
голодные. Плюшевые и нарядные.

Через мимо мифа через вену стебель, о сто сабель. Крутится опасным
шаром, отсекает капли, мы к нему всем миром.

Он нам в морду незаполненный табель. Решайте, чините, клубки
раскрываются не для всех.

Шарик-рубик без нити. Опьянённый бох закусывает
хвостами комет.

3.

И рябь стояла против шерсти, и по колено в этом счастье. Угрюм,
наивно помянули.

Красивые кисти, гибкие запястья, гладкие локотки. Пусть он нас
ведёт к реке.

Доверие под звук лязга сбившегося поршня. Всё равно
на красивой и белой лошади.

4.

А чего сияли, чего хотели. Круглые как жемчужины,
такое же нагноение.

Идут, через поры ползёт потовое пение. Жидкой массой, воздушной пеной
по ушам.

По желательному забвению, по безобидному трению, а земля, говорят,
хороша.

5.

Куснул и скривился, сплюнул в ладонь, по лицу растёр
и умылся.

Щит стоял как стена над гнилою почвой. Стойкий под ударами слепленных
наспех комочков.

Голубые глаза, румяные щёчки. Ухмыляясь осуществился.

По стеклянной дороге, высматривая отражения. Наспех,
на поражение.

6.

С этой микросхемы передают и вам здоровье. Наши нави заляпаны,
и боимся щекотки.

Бесчисленные армады, туда-сюда ходки. Не зная куда, не зная зачем,
полежим, печёные. От жары помутнеет, сгорая — околечеем.

Смертью своей увлечённые.

НИЧЕГО ЛЮБИМОГО

1.

Он бежал. И сильные рога его задевали облака низкие. Те, раненые,
на землю капали.

И всходили подсолнухи из этой крови. Кровавые лепестки. Если станет грустно —
веселись от его тоски.

Веселись от его любви. И вдыхая, как пыль, бесчисленные
 многокилометровые пески,
 поприщурь, посмотри, мы здесь тоже чуть-чуть наляпали.

2.

Никакого визга, просто так звучит. Он придёт, мужествен и плечист,
 положит ладонь на щёку.

Часто ладонь положит — отдастся в печёнке. Ключевая религия
 по расчёту.

3.

Через миг станет ясно, через миг станет тихо. Будет слышно, как думает муха,
 почему думает — так ясно
 почему думает — так тихо.

И услышать, как он колбасится, шелестит рукавами футболки, прыгает,
 и туда и сюда
 по танцплощадке носится.

4.

Ты не злишь, не злишь. И не жизнь, не жизнь. И ни в коем случае не смотри
 ввысь. Там
 сидит лягушка, держит во рту молнии.

Кашляет, молнии падают вниз.

5.

Тише, девушка, не плачь, улетел воздушный шар. Улетел, смотри, как далеко,
 а твоя верёвочка до сих пор видна.

Тише, девушка, не плачь, лучше подумай, что в нём — всё твоё дыхание.
 А если летит шарик,
 значит, оно гремуче.

Тише, девушка, перестань мучить. Уезжай за шмотьём в Финляндию.

6.

Нет улыбки краше, нет улыбки прямой. Тем, что та, которая всех длинней,
 всех румяней и белей.

Так земля держится своих корней. Если те вылезают — земля держится сильней.

И в пещерку утащит, положит в деревянный ящик, поцелует в уста,
разбудит страшное,
они вместе спляшут пляску теней невидимых.

Ничего любимого, только линии.

СПОЙЛЕРЫ

1.

Проповедник становится велосипедом. Та же цепь определяет движение. Двигается всем телом, седло скрипит. Предвкушение искушения.

Сыплется на руки греча, колеблется огонёк. Едет, под ноги себе плюёт и раздавливает слюну.

Одинокий за всю страну. Так он думает, в чём-то правый, мертвенный и сопящий.

Переваливаясь изящно, он падает на Земь, танцует лёжа. Содрогается и всматривается в серую пелену.

2.

Постоянные спойлеры, двигаться без удивления. Громовые раскаты под тихое, еле шипящее тление.

Нещадящие лижут пяты раскоряченным, тёпленьким, голеньким.

Ветер катит по пляжу пластмассовые красные столики.

3.

Из сияния бьёт ничья. Приникли губами к началу ручья, и сияния глухи, и мы тут играли в пятнашки. Пятна кровавые рассматривали на рубашке.

Кто это был, кто достал ножик. У кого одно сердце, но много ножек. Кто этот

месяц, кто пробует уничтожить
цепь, собранную из крошек.

И зияли вместо глаз чёрные дыры. Пытались
замять миром. Использовали пульки, убивали выроodka.

Упадёт жестяная банка, и жить с этим звуком, терпеть,
как мучительную пытку.

4.

Небо нимбы. Небо нимбы. А чего это они бы
стали калькой, стали маленькой ромашкой аленькой.
Были бы охочи — ломали тучи.

В целом теле есть клеточка, на которой счётчик. Обнаружишь,
когда будут сны повторяться, какой ты маленький,
золотой и бесценный комочек.

ПРИДЁТ ПОДИ УТЕШЕНИЕ

1.

и придёт поди утешение

В разговоре один на один червоточил вздохлѐб,
подхватывая волну. Это ж как оно
расширилось сразу, возможности
зашкаливали.

Жить себя расшаривая, придѐт
поди утешение. Больно пошаливая,
принимая себя, как вынужденное
решение.

2.

Отвечая за свой срам. Бога в храме нет,
бог ныкается по кустам, иногда выпрыгивает,
подставляя нож к горлу,
хрипло орѐт — отнимает мобилу.

Убегает за дозой, ты смотришь вослед
и думаешь, как мило. Вот теперь дозвонится,
вот теперь нужного наберѐт.

3.

Стало интересно, как они кишки. Ляпаются,
в понятное — зубочистки флажки. А там чары,
там чудесное, наливаются зреют глаза.

Каждый раз как услышать любимую музыку,
неприменно плясать.

4.

Хоровод. В одной потная, в другой холодная,
чем быстрее бежать, тем более
лётные.

Смерч создастся, посмотреть во смерч,
а соседа не опасаться. В одной
тёплая течь,
а в другой холодная течь.

Быстро двигаться,
аккуратно смотреть под ноги.

5.

И придёт поди утешение,
что на глупое мельтешение
накладывается чёткий ритм.
И солнце встаёт
вдали.

Погорит-погорит, а как раздул угли. Видно,
в огне твоём
гипнотически всё болит.

Евгений Сидоров

ЛУЧЕЗАРНОЕ

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Той ночью когда Денис Сюкосев
Напившись абсенту вывалился из клуба
Во дворе на улице Лейтенанта Ракитина
Собрались Саня Миха Димарик и Жека
Свободные одежды позволяли движениям
Обрести змеиную грацию
Они замыслили то же что когда-то
Всё-таки совершили три друга
Из оранжево-коричневой книжки про
Ромку и Фомку
В доме напротив третьи сутки
Не утихала вакханалия мужчины
Кричали дурными голосами и выли
Женщины визжали или шептали
Томными голосами преступниц и проституток
Дети не были кормлены с самого утра
А бывший фашист Андрюша
Находился на крыше пятиэтажного
Дома где возлегал осуществив голубую
Мечту выжрать ящик Сокола
В солнечный день на высоте
В одиночестве

ЛУЧЕЗАРНОЕ

Господи купи мне Mercedes-Benz
Мои друзья ездят на Porsche
Они ездят на этих приземистых
Тачках всегда и повсюду
Ездят в Ашаны и на работу

Отдыхать в Крыму и на Дальнем Востоке
 Несутся в больницу или на почту
 За продукцией Эйвон
 Эти автомобили покрыты сеткой
 Царапин от гравия из-под колёс
 Полиролью Turtle Wax
 Вмятины загрунтованы и покрашены
 Красочкой Шпис унд Хеккер
 Они пленяют и манят эти
 Создания фашистского унтера
 Ферри Порше точно так же
 Как меня в отрочестве сводила
 С ума шляпа Сергея Воронова
 Лидера группы Crossroads
 Помню номер журнала Мото
 За август 98-го года
 На обложке Воронов сидел на
 Круизере BMW с женщиной
 А внутри он сидел на нём прямо
 У барной стойки курил сигарету
 Трепался с барменом и потягивал вхискью
 Барменом был какой-то мулат
 Статья называлась Блюз вольницы
 И если её выдернуть из журнала
 Можно было использовать её как постер

ORKS

Именно тогда от неё пахло
 Туалеткой от Робски и Собчак
 Я сказал при первой же
 Личной встрече Ксюху
 Назову не лошадью — обезьяной
 А Оксанку с тобою вместе
 Прикончу сучки
 И Серафима Юркина
 То есть Серафим
 Святой Сыктывкарский
 Юркин или Юрки́н
 Эркин уркаган
 Лицом ляжет в грязь
 Местности Юркина-Фасо
 Ты милая терпишь
 Ты думаешь он
 Валентин

Как ты в Валентина
По-видимому родилась
Симпатичною назову дорогóй
Когда Павел разрядит
В меня пистолет
Серафима, любимая
Пирожок ты мой половой
Польский лопатник
Одухотворённые пальчики
Стул
Инвалида с дырой в середине
Билет
До Ноябрьска
Расплатись
Кошелёк твой подруга
Сырой

SGT

Сержант Трапезников ждал в полосе
Рядом с ними ползли
И теперь в мозгу его лишь патроны
Калибра 7,65 для его
Экспериментальной винтовки
Он теперь снайпер наяву
И без всяких
Он не живёт только лишь
Ночь напоминает о Будде
В родном Благовещенске на
Конспиративной квартире где
Не возбранялось
Во сне завопить
О Сидтхартха
Но не в Чите и тем более
В Диксоне обветренный папа
Корил умолял вместо Миши
Возьми себе лайку
Не посрами
Михаил верный
Святой
Для погранца
Рядом врос в землю
Чувствует
Ложь
Готов порвать

Маньчжурскую тварь
Он чует замес
И ёбаный стос

✦ ✦ ✦

Не страдала просто пела обещала продолжать потому что
Начинается снова и опять думая что ты теперь уверен был
Упрекал и без конца корил и убеждал уровень на ниже
Выйдя на подошве отпечатан химией я всё могу анальгетик
Так страдает самому ему бы аспиричику глотнуть плюс
Бражки литра пол закачал куснул да прикусил плеснул танцпол
Язык наш позитивный якобы болтал в реале же коварствовал
Гнусавил извращенья предлагал различно всяческих субстанций

Закружась наверняка потоком лавы в синем синем свете где нет
Ни слёз ни горя нет серебряной рукой наш дождь и слёзы далеко
Но снова на истёршихся подошвах в свете ласковом крадусь я
Усни и спи моя любовь прости меня моя Иисусе

✦ ✦ ✦

Раньше по вечерам они играли в бильярд
Пили корону и ещё что-то
Теперь это отвратительные холуи
Мой друг знавал мужчину который
Делал сигары для Черчилля
А теперь тусит с бромами во дворе
И иногда гуляет с собачкой в возрасте
Около тридцати лет у него жена
Немного похожа на бразильянку
Слава например опять заигрался
С наркотиками он торчок и иногда
Мне жалко его маму когда она говорит
Здравствуйте его папа он инженер
Похожий на клерка и выпивает
Пиво Балтика 7 и подороже
Говорят что вон тот нелюдимый
Лично знает Бетхена и они даже
Переписываются по почте и слушают
Он-лайн загадочные компакт-диски
А я всего лишь обязуюсь распространять
Учение Григория Грабового

Алексей Колчев

КИНОКЕФАЛЫ

ОБЪЯСНЕНИЕ СМЕРТИ

1

кузьма коноплёв незлобивый пьяница
убитый сыном на кухне
брови имел столь густые
что все его звали брежнев
гроб из подъезда
плотно исписанного подростковой абракадаброй
выносили соседи они же
проводжали в последнюю землю

2

человек
пишущий эти строки
в пожелтевшей тетрадке первоклассника
в косую линейчку с листиком промокашки
откладывает карандаш
и выходит
в небо
прозрачное и густое

3

небо прозрачное и густое
как столярный клей
скрепляющий части мира
чей стон раздаётся
усиленный динамиками китайской автомагнитолы

кольщик наколи мне купола

ЗАКЛИНАНИЕ

с умным видом
 с умным видом
 в красной шапке королевской
 я взываю к nereидам
 к ростроповичу с вишневской:

вы былинные герои
 вы чудесные созданыя
 чьей десницей пала троя
 и воздвиглось мирозданье

уничтожьте масскультуру
 полну гадостью безликой
 замените политуру
 на шампанское с клубникой

чтобы вновь благоухали
 прежним ароматом розы
 чтобы по небу порхали
 разноцветные стрекозы

чтобы с агнцем лев дружился
 и кружился в менуэте
 чтобы всякий спать ложился
 в бабочке и при берете

ИНДИКОПЛОВ

крыса забитая подростками
 висит возле мусорных баков
 как мёртвый нерваль
 средства массовой информации сообщают
 посетители книжного магазина N
 задержаны
 по подозрению в экстремизме
 народные празднества к людям сходят
 кинокефалы
 из правительственных авто

прекрасное далёко ты
 прекрасно ещё прекраснее
 чем 25 лет назад

Света Сдвиг

КАК МЕНЯ ВОДИЛИ ЗА НОС

✦ ✦ ✦

ставлю стакан воды
 полуоткрыв рот как веерами отмахиваясь
 у пинг-понгового стола переступают
 грузинская и слева украинская принцессы
 каждый удар как два их шага на каблуках
 города звучат серьезней стран
 стыд история идущий от шеи к пальцам свет
 рассказывают танцуют перегибаются над столом
 в зале заседаний говорят
 они скоро вступят в нато
 яна отвечает точно и резко
 шорена протягивает руку
 она берёт воду

✦ ✦ ✦

пока шевелишь губами подглядеть в чужие часы
 побыть одной побыть одним разбуженный бродяга
 снова не нашёл глазами дома детей ответил сейчас
 уйдёт подросток руки в карманы милицейской формы
 где мой медленный велосипед
 молодой человек приобнимает приятеля на бордюре
 замёрзли руки вычёркиваю слово
 в будке невкусной еды нет моей еды
 пугачёва средних лет кричит в мобилу
 ломит у виска через наушники пропуская буквы
 грусть не уходи от того что хорошо
 картинка с границами и законами любому
 не нравится нравится сохранить как

взбить волосы надеть шляпу ну и ворот с карманами
 ничего особо не придумаешь
 любить готовить дружить улыбаться

‡ ‡ ‡

грустно такие неидеальные друг на друга
 пить пропустить капельку и рукой
 говорят россия ничего самара ничего
 москва как будто вообще молчали
 петербург ага екатеринбург ого
 по утрам сайты находок
 типа ffffound и itsnicethat говорят
 сколько ещё всего пересказываем
 кто что нашёл где посмотреть
 между сиренью и американским клёном
 около которых не во что было играть
 под ямкой за стеклом землёй клад
 найденные детали истёртое в золото стекло
 юля и я откапывали его уже вполне девушками
 мы не остались довольны

‡ ‡ ‡

на телах шрамы недостатки ожоги
 в связке бананов битый и незрелый
 отдельные очень красивы неспорченные
 без особых примет
 как гости на свадьбах
 нечитанные книги турвизы на срок
 меньше двух недель с согласием на депортацию
 мои герои должны пережить массу
 нелепых ситуаций окно в купе разбито
 параноидальным узором вокруг
 пыщпыщ солнца весь город раскрашен
 в цвета билета каждый братский контроль
 цепляет их бумажники по количеству денег они
 начинают друг друга различать

‡ ‡ ‡

это особое время
 четыре дня о чём-то договориться

три дня чтобы и всё уже забито
помнишь зимой ветром надувает слезу
мамину она зеваает засыпает
ты птица ещё не рассвело
что пока с этим делать пересядь ко мне
никому не хочется говорить
мятный общественный транспорт
лошади спят стоя как поп-звёзды
сегодня мы успеем меньше
но знаем больше

✚ ✚ ✚

таня немного старше нас и смерть к ней ближе
как кинозвезда она носит морщинки под гримом
волга разливается и заполняет лес
320Gb блендеры 500Gb жёлтые пылесосы kϙrcher
1Tb косточки тонут отражаются в небе танины ресницы
оставляют след с каплей самолёта

✚ ✚ ✚

угощать и делиться для этого плитка
разбита на шоколадные кварталы а мы
на женские и мужские
тела в разных городах
как недописанное слово
видит тебя
целиком или как предложение

✚ ✚ ✚

всё говорит солнца до весны не будет
мы с этим навсегда под сливочной шапкой
угловатые трамваи по очередному из самых
важных опрятных но убогих
совсем не как наши платья и сумки
проспектов столицы что же вы тут
понастроили понаставили понавешали
каждый раз кто-то останавливается на мосту
над разверзшейся техникой и грязью
никому из нас не захочется тёплыми

как детскими руками прикоснуться к здешним
 сносимым капитально ремонтируемым
 пяти- девяти- четырнадцатизэтажкам
 и зачем мы только приехали с волги с урала
 с широких синих рек тёплых гор
 зачем мы оставили красивых женщин
 уверенных в себе молодых мужчин
 дешёвые и отлично прущие наркотики
 чтобы стыть под шершавыми
 светофорами отсчитывая свой цвет

✦ ✦ ✦

подземный ветер перелистывает страницы
 после зажатого пальцем нужного разворота
 в руках человека похожего на
 ты забываешь потому что в голове
 всплыло имя которое ты стыдно потерял
 за столом старший спросил как зовут
 вашего соседа и тебя овеяла эта
 свежая пустота белая полоска айпода
 из пальто она встаёт и смотрит в тебя
 её коричневый лучше волосы
 делают кольцо глаза как земля
 в глиняном горшке людей
 всегда хорошо снимать
 у них столько одежды столько лиц

✦ ✦ ✦

в то время как большая коробка pringles
 стоит 102 рубля а вокруг света по подписке
 100 собака у рыбного прилавка тихо моргает
 пакет проходящего кажется доверху
 набит мандаринами ты прекратил
 говорить я люблю тебя около ноля дождь
 французский хореограф сидит с техниками
 в кепке с диодами на козырьке смелее
 подбадривает из будки средних лет
 с дикторским голосом женщина и с этого часа
 все предметы вокруг кажутся умышленными
 ты кладёшь гитаристу в чехол сотню пока я пою
 неразличимые с детства слова отрадное
 наутро кажется русским павильоном на венецианском биеннале

Полина Андрукович

КОЛТУНЫ СВЕТА

✚ ✚ ✚

мы танцуемся
но тут растут другие животные
Гарпии между

моих и твоих пришло это

утро пришла эта ночь

я нарисовала торговца и отослала
тебе и-мейлом; есть ли это
мечтаемая разведческая дея
тельность? Тело ли твоё
я задела?

я рисовала
абстрактную боль в спине
торговца есть ли это развед
ческая деятельность?

✚ ✚ ✚

Колтуны света и лёгкое от
Ношение к снегу добрые
Люди помогли не смотреть
на сводников в метро

от ясного неба болела голова,
ночью шёл снег
прошлогодний,
естественно

† † †

когда подводные течения
вынося в улицы мальчишек
на ногах у них что? –
домашний суп, поле
вспахано и мальчишки
спотыкаются уже на лестнице

некоторые доходят до
лицеев нетронутыми, там
скучают по своим товарищам
снегом

† † †

«проголубить», говорят,
порождённо проворобить
просвистело: про порядок

горымецух, горымецух, съесть
котлету и заплакать по
потерянной душе

я родился внутренним экипажем

† † †

мой добрый Бог, останови
свои песенки, я пойду
покупать что-нибудь

и буду напевать что-ни
будь своё, пусть Небо
подарит мне мою судьбу,
чтобы я её успокоила

и, при Небе, свернуть,
в сломанной коробочке
нитки и иголки
в сломанной коробочке
ниточки судьбы и иголки

узнать в любви желание

† † †

Смотрю, ё-моё, дева
Мария, что за насущ
Ный боец

† † †

составляли корпус
разошлись в капусту
посветлело просто

† † †

Думала, что это шоколад
В салфеточке, а это сыр
Птичкам; бульонный суп
Чик, гавайская гитара,
Кофе с солью, мимикрия
Дня, шоколад нашла в
серебре

господни вороны в Мо

настыре, там же нелов
ко две девочки в пла
точках со сжатыми коле
нями и взглядами хо
тят конную статую, не сме
шивай смешно удовольст
вие неба со своим...

† † †

свет огрешный,
запонки давеча на блошином
вешня страда
птица огранённая
и метели конные
и водяные поезда
и водяные
пистолеты

дети
раздеты

✦ ✦ ✦

Волонтёра
раскрутили канителью
каруселью

на остатки volonť
je t'abandonne
cette danse
я бросаю тебе
я оставляю тебе
этот танец

мы задёргались в
рассвете, это снова
эти

✦ ✦ ✦

присутствуя в воде, как тело дня,
в воде вечерней, неосвещённой,
теплокровной,
как тело дня

я ищу в воде слово молчания,
неизменное её слово, присущее также и тебе, и
уйти от этого слова, не найдя его,
получается лишь у немногих, не у меня
а я так и вхожу в эту воду
каждый вечер, оставаясь
тобой

✦ ✦ ✦

слушай, во время взрыва всю одежду поела моль
в объётах непрекосных
золотые разгадать снег разгадать, —

растопить масло солнца, ты поймёшь, что
безопасно называться красным маслом

костные ткани
 косные
плести пальцами опасно в воздухе,
ничего не касаясь
и не забыть
проявиться пыль, пепел, моль – летают...
 как их не

коснуться?

✚ ✚ ✚

Вымоюсь, исчезну и полечу
к твоим садам так
 эмоционально и там уже
буду ждать решения комиссии по
исчезновениям
 не долечу, конечно, отв
лекусь, раздвою язык сига
ретою: кометою
 ответит комиссия
из комиссионного
 магазина, каких сейчас уже
нету.

Денис Ларионов

КОРОЛЬ СТАТИКИ

ИЗ ДАНТЕ

1

Кто это трётся
здесь

о воздух

Бом бим
бомж

путешественник?

Ещё не умер
Но уже один

И веко режет

Можно удалить

2

Дзынь дзынь логоцентрик
проснись.

Пошевелись.

Отправляйся

на восток раскалённой
комнаты

спроси

кто и откуда.

‡ ‡ ‡

зонтиком раскрываясь
нового не скажу
и вот улетаю

поёт: зонтиком раскрошив
я нашёл
и вот улетаю
я драматург
ненавижу

электронные
как если корунд
по стеклу
порез на обе
ваши руки

парез, шутила
детская венская
школа

‡ ‡ ‡

Жизнь скользких тел американских
В пустыне, нет, в снегу, нет, воз-
Врат, перемотай, в пустыне:

Пить сок песка, нет,
Пить песочный сок.

Светло до гипса, нет, до пусто,
До обнажения приёма:

Здесь будет операция на сердце.

ИРИНА ШОСТАКОВСКАЯ В КЛУБЕ «ЖЕСТЬ»

На грязной плёнке
Недочитанного М.
Растёт слепая vita
Нет-не-надо.

Бежит кино
 По третьему,
 Четвёртому

Седьмому
 Шейному:

Здесь дети театральные
 Сгорели наизусть

Ментолом
 В раковине горла,
 Например.

А что у М.?

.....

И он, о! перебитый,

Ползёт
 Обратным
 Раком горла,
 Например.

† † †

Следует держать камеру на плече. Любые движения — или неподвижное положение — «ручной» камеры допускаются (фильм не должен происходить там, где установлена камера; это съёмки должны производиться там, где происходит действие фильма).

раз два

Настройка

раз два три

Настройка приборов отчаяния чёрный
 Клюквенный пятничный сок

Переводы больше не переливаются до последней
 Капли буквы далёкий стук и

Листа пустота запятая [*«...пиши от руки, а
если не пишешь, пиши от руки...»*] медленный мёд
Ленивый ля ля ядови

‡

Прямая атаки [*«...письмо на стекле
–20 оси ординат.»*] кусает себя
За хвост

Вратарь пропускает мяч между глаз

<...> побеждает

Зола

Кусает себя
мокрый хвост

Или вот так
«ещё раз услышу вырву поганый язык»

‡

Человек, съевший диккенса
человека не съест

дорогой макс, пишу наспех
потому что меня клонит ко сну

Человек перед зеркалом
европа обеспокоена
три острых камня во рту

пишет Б.
пишет Б.

Дорогой С., нужно проникать в центр ситуации и
взрывать её изнутри

Парам пам пам

*Второй день месяца декабря обнуляет меня
если хотите*

‡ ‡ ‡

Ближе, но и
Отходить: сопротивление
Материала, звонок N.
По ошибке.

Я король статики,
Говорит J. в моём сне.
Переворачиваюсь, переносу:
Я король статики.

Чтобы потом зачеркнуть.
Если это неправда.
Встретил, но не говорили:
Языком не подцепишь шмеля таракана,
Заползшего в горлышко.

Три острых звезды
В мокром рту.

«Там, где...», но и
книгу поцеловал, «рубец
на шее» переписал
несколько автоматических раз:

какая горькая латынь

латынь внутри

внутри меня горит

В полиэтиленовом покое.

‡ ‡ ‡

Горят горчичные поля, смысловые — горчат
На чужом языке. Схематически это автоответчик: тире, а ещё
Некто X., приглашающий к разговору о
Том, что горчат, да, горят, и так далее.

Необъяснимы, минуя голос (через
Кого?), запахи саморепрезентации. Саморепрезентация,
Говорит Х., вот что сжимает
Меня как сердечную сумку
В этой жидкой воде: перепрыгнувший через «причины»: погибший
Не был фланёром.

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Антон Равик

ВЫСТАВКА

Не правда ли, материя организуется, выстраивается, отстраивает сама себя в поиске гармонии — Абсолютной идеи, абсолютного порядка?

Тёмный коридор — шторы слева и справа. Проходя через турникет, нажимаешь на кнопку, она выбрасывает тебе число клеточек, которые ты можешь пройти, и границу — занавес — фотографию — от пола до потолка — фрагмент, идею, иллюзию. Ты подходишь к ней медленно, чуть слышно. Ты один в бессветной тьме — ты удесятерён, укомплектован боевыми снарядами проектора, прожекторов, нацеленных на высокое полотно. Его линии колеблются на сквозняке. Над тобой захлопнулась крышка мира: ты в ином, в сгустке иного. Ты подходишь, ты смотришь, ты прижимаешь ладонью кнопку (они на каждой стойке, — слева и справа) — откроет ли она проход? Она говорит: Да, ещё три — непредвзятых шага в неведомом; ты пропустил три занавеса (они остались свёрнутыми наверху, под потолком, чтобы открыть путь). Три истории, три снопа. Тобой овладевает скудость, сдавленная, пока ты вышагиваешь тень своей фигуры к резонансу следующего полотна. Пока прожектор устраивает катавасию за спиной, пылит дымом. И по экрану текут тени — проектор желает текста, нагибается к тексту. Тебе становится душно. Ведь позади вошёл следующий, и открывшийся ему занавес прихлопнул тебе спину. Твой проектор смилостивился: корпус танка, обветвлённый костями падших на краю зелёной материи, красный плат на борту, белый рис пожухшего поля. Ты поднимаешь глаз, замечаешь, привечаешь: человеческое бедро на грязной муфте пушки, над ним ухмыляющееся, щербатое хайло, перекошенное каской. На висящем бедре лохмотья кожи, подсохшие шкурки, запечённое дряхлое мясо, изъязвлённая тонкая кость лодыжки. Ты нажимаешь кнопку — в губках мышц набухает перламутровая истерия: иск. Экран гаснет. Штора поднимается справа. Ты переходишь, смотря в пол. Поворачиваешь налево — простор — целая фаланга может выстроиться здесь: восемь клеток, а на экране впереди (в конце) — груз бетонных блоков, повисший над обломками здания — синее небо позади плачевно; оно бесстыдно расправлено. Шелест шагов по сторонам: случайные лучи, шорох границ. Змеящиеся тени на потолке. Зловещее одиночество. Голос запрещён. На минуту все двигающиеся в лабиринте приговорили друг друга к забвению. Это реалити-шоу. Ты нажимаешь кнопку вызова, и тебе поставляют выброшенную реальность. Администратор в крошечной клетушке решает, кого куда пустить из двигающихся вслепую. Раз в двадцать минут он промахивается, и ты видишь опечаленное лицо, испуганное, кто-то в ужасе отступает, когда ты тенью пепелишься в клеточном коридоре.

Вчера в глубине, в двадцать седьмом параллельном коридоре, на семьдесят втором метре, пожилой искусствовед, Синовский, умер от инфаркта: для него на четыре клетки загорелся алый цветок вокзального изнасилования, он потерял очки (в разъехавшейся, дребезжащей от колебаний о переносицу металлической оправе), ударился головой о металлическую перекладину, задел кнопку, штора слева взвилась вверх, из темноты на него посмотрели глаза с фотографии (в плывущей и пляшущей тьме) — молодая женщина в испуге отступила в глубину коридорчика, свет тут же погас. Синовский упал. Он хрипел, а ноги вокруг продолжали шелестеть. Через четыре минуты сектор Синовского засветился красным на экране администратора. Камеры с оборудованием ночного видения показали неподвижное тело.

В лабиринте включили свет. Началась паника. Каждый видел вокруг себя занавески из чёрной, экранирующей материи, чёрный потолок наверху — неподвижное, непробиваемое, будто матовые поверхности солнечных батарей, пространство. Они трясли лёгкие конструкции из металлических трубок — ширмы — и кричали: выведите, выпустите. Молодая женщина через занавеску от Синовского плакала, размеренно ударяя лбом кнопку. Перед кнопкой на коленях. Администратор сообщил по громкой связи, что произошёл несчастный случай. Пострадавшему уже оказывают помощь. Через три минуты охрана прошелестела по ячейкам, наполненным неподвижными людьми, к сектору Синовского. Через восемь минут экипаж Скорой помощи прибыл, констатировал смерть, и завёрнутое в мягкие носилки тело спешно вынесли, бесцеременно поднимая плотные, переламывающиеся по швам, пластиковые, прорезиненные занавесы. Люди, стоявшие в ячейках, ничего не говорили, отворачивались. Вывести себя не просили.

Двойное нажатие на большую кнопку означает — хочу к выходу.

Маленькая кнопка сбоку — скорая помощь.

Синовский так её и не нажал.

Через четыре минуты свет выключили. Проекторы засветились прежним светом. По ковровым дорожкам зашелестели стопы. Ровно через семьдесят два часа на том месте, на котором умер Синовский, четырнадцатилетний мальчик, пришедший в музей с мамой, увидел перед собой на экране белое, грубо намалёванное дешёвой косметикой и всё равно воспалённое, землистое, прыщавое лицо, вонзающее крик, умирающее стремглав, с вывороченной шеей, воняющее спёртым дыханием, гнилыми зубами — и позади, в густой темноте тряпья, массивный, бугрящийся силуэт мужчины. Смердящий. Вокзальное изнасилование. Алый цветок свежего мяса — язык несчастной — варился в красноте глотки. Он подчёркивал иерархию — позади — мера всего — мужской силуэт (и шляпа над ним), ближе — изогнутое нечто (тело, бесформенное), огибаемое материями, вывалянными в грязи, прямо перед лицом зрителя — мазня лица с вымаранными щёлками глаз, и упирается в горло — курок спущенного языка, спущенного с цепи.

Мальчик отшатнулся. Мать закрыла ему глаза ладонями. Поздно. У входа было написано: не рекомендуется детям до четырнадцати лет. Утром они были на выставке пейзажей в Русском музее.

Крещендо: ризы перегородок стелятся, случаются, искажаются. Проекторы вращаются: в пору бежать прочь. Ты огляделся: впереди космическая Пьяцца Спаниа, людские тучи и оранжевый, бордовый, кровавый — гусли бычьих внутренностей в вяленом, суровом Риме. Ты в восторге, настойчиво жмёшь кнопку: готовишься перейти в соседний коридор, идти налево, направо и видеть Пьяцца Спаниа. Вопреки всему.

Но администратор-коновал умеет только пускать кровь лабиринту — он прорубает поперечный коридор. Он опускает перед носом у двух десятков людей занавесы, и крутая лавина фотографий разматывается. Пути снова расходятся и меняются: люди должны были идти спокойно по параллельным коридорам в одном направлении, переходя от одного к другому, но коротасаровскому палачу претят простые операции сложения и вычитания. Поперечный проход — шесть пустых клеток, а в конце — медленно текущий дневник Анны Франк, тоненькие полоски телеграмм Тани Савичевой, коллапс колючей проволоки. Как воды Красного моря в нежные времена, поперечина смыкается за тобой: пребывавших в заточении вновь пускают их дорогой. Перпендикуляры поднимают людей на дыбы уже в другом углу. Вырастают пращи венецианских каналов, кулаки рабочих лондонских предместий. Забитый насмерть карманник. Толстой и Чехов в Ялте. Кисленькие ягоды на высоких кустах за белой террасой, на которой расположился Сталин в плетёном кресле.

Истерзанные последовательности чужих историй, незнамо что, без начала и окончания: ты в коридоре — на три клетки перед тобой — пустота, а там серебристый экран — панорама Навои. Узбекистан: ни песка, ни сажи — ни барханов, ни карьеров. Бетонные плиты, как платки. В плоском бассейне — узкие округлые стенки — статуэтки рек — иглопадение Ленинграда в Навои, сосуды на головах, грузные змеи, будто тяжёлые стволы деревьев оплетают колени Амударьи. Тяжёлое предчувствие: переход влево, в иную трубу мощного органа, в иной регистр, и там — будни советской бухгалтерии, может быть, пивная, огромные гранёные кружки, покосившиеся стойки, на мужчинах — мягкие шляпы, пальто, перетянутые мятыми кушаками, заплетающиеся языки их виснут в пластмассовых, блестящих пряжках. Ты приготовился, ты отрезвлён: кажется, не один год прошёл (а было только пятнадцать минут) в лабиринте, колосащемся темнотой и снами, видениями, тенями калек. Кнопка прижата, знакомый щелчок — невероятное, небывалое — экран впереди поднимается, ты проходишь — лёгкими шагами, легчайшими шагами — мимо него, он спрятался во мгле наверху, в конструкциях сцены, он опустится, скрипя фисгармонией, за тобой, — ты предвкушаешь счастье, но оно медлит наступить — в полной темноте, с кошками, радостно скребущими на сердце, пылающими коробками спичек в глазах, ты ждёшь, пока новые стены обретут устойчивость и зажжётся проектор — хоть ты прошёл вперёд — прямо, прямо, насквозь (преодолея) оскомину фотографического всеислия, особое измерение реального — ты всё ещё можешь очнуться в клетушке со сторонами — один-один. То есть запертым в одной клетке лабиринта. Тогда ничего не зажжётся. Чёрные шторы поскрипывают вокруг. Я вижу сверху: она сидит на корточках. Ждёт, уставясь на носки своих ковбойских сапожек: ожидает окончания ночи. Вокруг шелестят шаги — люди переходят туда-сюда. А она нажала кнопку и ждёт. Минуты двигаются медленно. Если бы она вспомнила, что она — клиент, она бы орала на весь лабиринт: вы тратите моё время, я платила, чтобы смотреть выставку, я отдала свои деньги! Но правила игры — она в игре. Игра так сильна, что она не мыслит сопротивления, не способна выдрать свои коготки (чёрный лак) за флажки. Она смиренно сидит и ждёт, и только молится, едва слышно, безразлично, равнодушно, чтобы ночь, в которой плавают призраки недавнего увиденного и давнего, счастливо завершилась. Игра заставила её молчать. Скорбно. Пальцами братья за носочки сапог. В поисках камешка.

Она в детстве играла в классики.

Она дождётся: администратор поднимет штору, передышка (на самом деле, она поймёт теперь, это было время вполне ничего) окончится, на экране в нескольких шагах

(как близко) она увидит себя с бультерьером. На фото она счастливая. Она посмотрит в морду бультерьера — булавы лобных костей, буравчики глаз — песочек в её костях и суставах заскрежещет. Тяжело вглядываться в своего бультерьера.

Но ты, что ты? Неужели никогда больше не увидеть каменные скорлупы Навои? Резной камень Навои? Палевые обои небес? Пружинистые сталактиты многоэтажек? Темнота и тебе откроет клетушку? И ты сможешь только, нажав кнопку, терпеливо ожидать очереди — и ты превратишься в веретено призраков? В руки женщин из коллекции Генри Буля? Кустистая темнота, мрак с прожилками и палками ничего не говорит — долгие секунды. А потом в грозящем колебании, в ковриге тьмы протравляется лохматая лапа света — четыре клетки вперёд. Прямой путь, накалённая нить, камень, падающий вниз, — и на экране — ты чувствуешь — Навои — воланы Фархадовых мышц мечут диск, а на голове — каска с гребнем. Везувий бетона, мрачные предгорья — прекрасные — плоские долины искрошенных гранитных структур, стержней, брусьев, кристаллов камня, сплавленных в единое целое — в Фархаде и памятных статуэтках рек ты видишь это. И долго не нажимаешь на кнопку — ты очарован историей, прервавшей хаотическое колебание лабиринта. Администратор сердито смотрит в камеру ночного видения: ты улыбаешься в огромный экран-занавес, в рябщее, выцветшее чёрно-белое изображение, и он, бог этого места, вынужден пускать людские потоки в обход твоих четырёх клеток. Ты жаждешь продолжения, и обратная сторона кисти лениво, неторопливо нажимает на кнопку. Администратор жаждет этого момента, он не может ничего сделать, пока ты не вызвал его, будто духа из бутылки. Он готов прикончить тебя, показать горы трупов, безглазых детей, их матерей с культями, живые скелеты африканцев и евреев, ямы, в которые их сваливали, он хочет запретить Навои, он гневается: ты исчерпал лимит мутящих райских благовоний в лабиринте. И всё же, долгие семь минут администратор не может поднять ни одну из штор: потоки вокруг тебя так плотны, клеточки вызовов мигают красным — вот первый вызов, слева, на него придётся ответить в первую очередь, затем второй, третий, четвёртый, твой — только пятый в эпицентре столкновений. Ты пристально смотришь на седого, безвременного Фархада, ты на площади перед ним, тебе так хочется увидеть: что вокруг? Администратор с ужасом смотрит на экран: он не в состоянии наказать тебя, он видит в этом предопределение: свободен только прямой путь. Он немедленно должен отправить тебя прямо — ещё три клетки, оставшиеся до каменной стены. Он не может ждать: вокруг закипают вызовы. Кому-то невыносимо больше смотреть на серебристо-зелёные, лазурные виноградники в Нагорном Карабахе, низенькие церквушки (кладка XVI века). У кого-то нет сил рыскать глазами по залатанным, старым атомным подводным лодкам, угрюмо утеснённым у утилизационного причала. Назревает бунт, скандал, восстание, и администратор выпускает тебя вперёд — он может дать на экран вестибюль Госплана (1978, сердце застоя), и ты упадёшь на дно пропасти, расквасив себе нос, хрустнув теменем, в общем, будешь плакать от обиды, но что-то (совесть? опыт? иное человеческое?) заставляет Администратора осветить штору невообразимым, почти невозможным: широкий проспект, знакомые плиты, белёсые, полустёршиеся буквы «Навои» — в левом нижнем углу, и — в центре, увеличенный широкоугольным объективом, изогнутый, толстенный, плотный дракончик с жадной огнедышащей мордой, спиральным остриём языка, любопытными, яростно выкаченными глазами. И откуда-то с верхней части фотографии почти неуловимыми тенями доносятся пряное узбекское небо, приплюснутое, остывшее, смуглое, непроницаемое, божественное, мудрое небо, тучное и

изношенное. Ты не чувствуешь лабиринт, позабыл о нём напрочь: о кнопках, скобах и металлических планках, конструкциях, проекторах и прожекторах. Уже не глаза, а внутреннее око — из изъязвлённого красотой, изуродованного, прожжённого живота, из самого дна Бытия, укрепившегося за пупком, — упёрто в дракончика и, одновременно, в статуэтки рек, в Фархада, в город Навои, который ты никогда не видел, за который группа ленинградских архитекторов-экспериментаторов получила государственные премии и награды, и люди были там счастливы — многие люди, — они укрывались в тени скульптур, и рек, и озёр бетона, потому что не было другой воды, и изображения стремнин, потоков: текущие из кувшинов каменные, тягучие струи, и небо — заменили им печаль океана. Ради этого ты пришёл в лабиринт: чтобы забыть, что ты в нём. Отклеить себя от своих стоп. Травить гончими красоты свою душу, припиленную к повседневности. Гнать бабочку сквозь тысячепетельные сети лабиринта к стреле взлётно-посадочной полосы — и ощутить воздух в лёгких, над диафрагмой, под диафрагмой — всюду. Ветер перевязать собой.

Администратор знал, что ты надолго увязнешь у последнего Навои, у нагретого тела, мёртвого, червивого фотографического Бытия. Нескоро покинешь призрачные берега Сырдарьи и Амударьи, он мужественно (и без злобы) рассекал подступающие, испуганные, ожесточённые, исполненные надежды людские потоки, прижимавшие — спинами, руками, головами, губами — кнопки вызова, — разводил строй налево и направо, вздвигал ряды, отпускал, подталкивал, заключал в одиночные темницы, только бы не нарушить твоего уединения. И ни одна штора (из восьми) на твоих трёх клетках так и не поднялась. Морской бой в муравейнике оставил только точки промахов на поле вокруг твоего корабля и морщины, и седину в редящих волосах Администратора. И когда ты приготовился расстаться со своей мечтой и, величественно спускаясь к смертным с высот прямого и понятного, и прекрасного, пути, нажал кнопку, он усмехнулся на таинственное и высокомерное, закрытое твоё лицо и открыл поперечный коридорчик — две клетки, всё, что мог выделить у самой стены, и на экране появилась яркая, огненная, пережаренная, гламурная, свадебная фотография: корова-невеста, боров-жених, блестящий лимузин, тупые ухмылки гостей, хмурый водитель, потеющие родители, всё это разместилось у Марсова поля, а вдали — мрачный, одинокий, едва видный на солнце — Вечный огонь, и кости вставших под ним.

Ты отвернулся.

Ты был опустошён.

После недавнего счастья, стремительных гонок, океанского аврала по имени Навои, случившегося по недоразумению в истерическом музее погребений, тебе вновь захотелось умереть.

Ты нажал кнопку на стойке слева два раза подряд.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Павел Гольдин

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

ЯНА

Девочка Яна
несла пироги и свитер
старшей сестрёнке Тане;
Танин любовник Артур
покончил с собой год назад;
через два месяца Таня явилась в ад
в розовом платье, говорит —
хочу быть с тобой всю вечность;
директор — толстый и лысый,
доверчивый и ленивый,
чесет в затылке, говорит —
девочка, можешь пожить поблизости,
на работу устроим в местной больнице;
десять месяцев Таня живёт на адской окраине,
раз в неделю свидание, любимый уже тяготится
Таней — ласковой и неловкой,
больные судачат — связался с какой-то чертовкой.

Девочка Яна
шла с пирогами
и свитером по равнине;
каждая роща акаций Яне
казалась оленьими рогами,
свалкой оленьих рогов,
сброшенных невесть когда —
так человек бросает корону,
увязает в грязи, разувается,
вынимает короткий меч
и сплёвывает: измена;
так студентка — приехала в город —
дворники и трамваи —

на третью неделю
закуривает и обрезает косу;
так наутро
единорог
лошадью выглядит,
и никто не поверит.

Болеть голова начинает —
девочка Яна приближается к цели;
Таня пишет, голова болит почти всегда,
а когда заходишь туда,
болит, как если бы разломил и заново сшили,
но где-то остались щели,
и рвёт;
директор говорит,
сильно умная потому что
(наверное, врёт;
была бы умная, ничего бы этого не было);
поэтому туда лучше идти голодной,
а лучше вообще не ходить одной,
да нет — лучше вообще не ходить.

Директор говорит — выходи за меня, люблю тебя безощадно,
у меня там есть комната, где не больно, только щекотно,
там стеклянные ветки, точные копии райских растений,
а твой любимый был дрянь человек и не зря у нас очутился,
и в больнице у нас слишком много вашего брата;
помолчав, добавляет — знаешь, моя работа
требует трудных и часто непопулярных решений.

Девочка Яна
держит сумку двумя руками,
потом вешает на плечо,
потом забрасывает за спину;
там вроде вещей немного
(пирог и свитер),
но нести очень тяжело,
почему — непонятно,
впрочем, она идёт уже второй день
от конечной станции —
всё время в гору
и совсем не спала,
в воздухе тёмные пятна;
вспоминает — дедушка
когда-то уехал в Америку

без денег совсем,
приплыл на пароходе
и два не то три дня шёл пешком с чемоданом,
работал два года, накопил на обратный билет и вернулся,
женился, а тут как раз и война.

Жарко, но снег кругом, сухая трава и камни;
сердце выскакивало, девочка Яна не помни-
ла, чтобы в жизни когда-то так уставала;
на ветке сидел насмешливый сорокопуд;
на перевале, кажется, снегопад —
думала Яна, глядя вперёд; девочка узнавала
местность по Таниным письмам;
Таня писала — из любого места, хотя бы из нашей
гостиной, можешь попасть сюда, однако гони взашей
эту мысль, сестра моя девочка Яна, можешь
за две секунды прийти ко мне, только помашешь
рукой — и уже у меня, но ты
приезжай своим ходом, дня четыре пешком по плато,
потому что тебе будет нужно идти обратно,
а в таких вопросах лёгких путей не бывает, значит,
и, пожалуйста, привези мне свитер — тут и летом совсем не лето,
и ты знаешь, это банально звучит,
но самая большая глупость — где бы ты ни была,
думать, что ты в безопасности.

...поднялась на заброшенную крепость;
с крепости Яна видела бухту, в ней полдюжины лодок,
по ту сторону пролива лежала цель путешествия;
дождь начинал накрапывать,
на воде был тонкий ледок;
оказалось, что переправа временно невозможна,
пожалуй, что до весны, поскольку
это тут не вода, и у льдин очень острые края,
так что не стану строить героя, —
говорил вежливый лодочник, в руках теребил свистульку;
Яна села на берег, заплакала, во льду
образовалась дорожка шириной в три локтя;
из-за борта выглянула круглая голова;
тюлень или русалка, — пожала плечами девочка Яна...

Шапки в кулак, к берегу подъезжает
автомобиль кадиллак на воздушной подушке;
на заднем сиденье дама с биноклем, в шиньоне,
в зимнем камуфляже, спрашивает,
это ты, девочка Яна? А где же Таня?

Давай-ка я вас обеих домой отправлю.
 Яна, от ветра и холода ни живая, ни мёртвая,
 только и видит цифры на номере два, два, — я,
 говорит, ох, откуда вы знаете,
 какие цифры я загадала, смотрит на кровлю
 будки лодочника, говорит, вы, наверное, вообще всё знаете,
 скажите, пожалуйста (обдумывает, формулирует),
 преодолевая боль, выпрямляется
 и открывает рот, спрашивает, кивает, спрашивает ещё раз,
 достаёт блокнот, переспрашивает, записывает по буквам.

МИТЯ

У Мити были мама и двое глухонемых слуг;
 в саду жили зубры, косули, бобры, рябчики, иволги;
 мама читала Библию, Митя боялся маминих книг;
 в девять лет он убежал с мальчиками играть в бабки.

У церкви сидели нищие — обрубки и обрывки,
 ожоги и плохо пахло, в пыли купалась ворона.
 Мужики крестились, лошади фыркали, слиплись волосы.
 Митя сунул палец в рот и слушал — сплетничали про папу.

Митя не понял про дыбу, зато понял про котёл и другое.
 Ещё Митя понял про две головы, копыта и асмодея,
 но не без оснований счёл преувеличенными эти сведения.
 Митя дошёл до двора, не вынимая пальца изо рта.

Кузнечным гвоздём он ткнул, как девчонка, в шею.
 Он побоялся в пузо и не знал, с какой стороны.
 К Мите прыжками приблизились ангелы с большими ушами.
 С ребёнком на руках они преодолели изрядное расстояние.

Когда Митя очнулся, он был молодая женщина,
 латинская католичка, и говорил по-польски.
 На месте ран были соски и щупальца, оттуда текли мёд и масло.
 По углам сидели смиренные ангелы. У них была своя хижина.
 В саду жили зубры, косули, бобры, рябчики, иволги.

✦ ✦ ✦

Яблоки, — думает Тим, получая под дых, —
 яйца, редиска, квас, — что же я не подох

вовремя, как они, как лейтенант запаса,
как гимназист, — хлебушек, колбаса, —
Господи, зачем ты дал мне сил
дожить до этого часа, —
я тебя попросил? —
зачем ты слушаешь всякую чушь,
думал, я тебе пригожусь? —
приподнимается на локтях, ощущает запах
мирта, инжира, печёного баклажана,
рядом что-то женоподобное, серая обезьяна,
говорит — я совершенство, я твоя глупость, спи — я тебя защищу...

✚ ✚ ✚

...он говорит — хнычет одними губами:
я бы хотел, чтобы она Шарлотта, Мария-Тереза
или хотя бы Фаина в шляпке — с грибами
в жёлтой корзинке — была; а она оказалась берёза
спиленная или даже трамвай — это смотря с какой
стороны глянуть. Холодно мне, я тут стою нагой,
то есть голый стою, холодно мне, горбами
вроде верблюжьими местность покрыта,
воняет и шерсть висит; шевельнуть рукой
боюсь; успел подумать — она оказалась Рита...

✚ ✚ ✚

Когда он ушёл к Веронике,
Виолетта остригла косу
и продала её в парикмахерскую,
на другой день улетела в Азию
распределять по уездам
муку, керосин, консервы,
футболки, презервативы —
за это в отдалённых деревнях
женщин до сих пор объявляют обезьянами;
носила мужской костюм,
пистолет, спутниковый телефон,
пила бренди, играла в футбол,
делала ставки на петушиных боях;
вернувшись домой, Виолетта
встретила Веронику на набережной:

на ней было вечернее платье
и ярко-рыжий парик,
рядом с ней шли
разноцветная нелетающая птица
с голой морщинистой шеей
и антилопа чуть поменьше добермана;
набережная была почти пуста —
только напротив причала
стоял автомобиль средних размеров;
в нём занимались любовью
Мария и Роберт, совсем юные,
ему было четырнадцать, он делал это первый раз
(впоследствии они доживут до конца света);
в порт входила фелюга, полная камбалы.

✦ ✦ ✦

Съеден, учитель рыбалки и изготовления лодок,
приезжал на санках по первому снегу,
сосредоточенно ощупывал тюленьи шкуры
(подростки поодаль стоят, смотрят под ноги);
Фридрих Съеден, рыжий, курчавый,
на две головы выше второгодников
(ещё не мужчины, а уже по двое детей):

— Что ты принёс? На воду не выйдешь до осени,
будешь медведем в малиннике шастать...

(В моей семье не бьют тюленей;
отец добывает нефть
для очагов и фонарей,
а мама — библиотекарь.)

...слова сливаются в далёкий лай;
овод на волосах...

...не сразу понимая сказанное:
...нет смысла, когда столько
шкур на школьном складе...

В классе слышно,
как кричат чайки
на озере в трёх милях.

ЛАСТОЧКА, ЛОДКА

1.

Когда наша «Ласточка» входила в Уэдделл-порт,
осторожно, кричали айсберги, очень опасно:
над кормой всплыл огромный морской леопард,
отгрыз кусок палубы, и было молиться поздно.
Русские альбатросы клевали наш флаг.
Мы теряли контроль над южными морями.
Земля расслоилась, как сказал бы Фалг.
Разочарованье сделало меня перевёрнутой лодкой.

2.

Лодка, думает ласточка, нехорошая вещь:
без вёсел она бесполезна, а с вёслами несуразна —
как будто ветки торчат из огородного пугала.
В этот момент лодка поднимает голову.
Ласточку начинает качать и тошнить
рыжеватым молоком в холодную реку.

3.

— Как же ты не видишь, что я стесняюсь, —
говорит ласточка лодке, а та смеётся,
ухаживает за ней, поит розовым чаем
ройбуш, укутывает, называет Зоей.
Ласточка спит и шепчет — кто ты, не знаю,
может быть, ты утроба, а я могила,
или мы будем в Африке, Таня и Ваня,
Коля и Аня, ты будешь мбуба, я буду нгила.

4.

Море пришло со стороны городского сада.
Сделалось как-то лучше — спокойнее сделалось, что ли.
Лодки плывут по Ласточкина, спускаются.
У музея брёвна и толчея, временные причалы
из автомобильных покрышек. Погода
часто меняется, в июле уже метели.
Що коицца, ой що коицца,
Антарктида какая-то, цокает баба Долли.
На ромашках полиэтиленовые пчёлы.
В городском саду затопленная шелковица.
Солёные ягоды вызывают лёгкое замешательство.

5.

Хорошая лодка, пишет Никита,
 имеет прозрачное упругое тело,
 кислотоватое на вкус,
 с медными иглами и снежинками.
 Число ласточкиных гнёзд
 в углублениях по бортам
 не превышает дюжины.
 Хорошая лодка, пишет Никита,
 не нуждается в голове и лапах.

6.

Лев и горилла проплывали мимо острова ласточек.
 Лев привязал гориллу к мачте,
 чтобы не огорчать ласточек непристойными жестами,
 и залепил себе уши мёдом и ласточкиной слюной,
 чтобы не слышать обезьяньих криков.
 В мраморной лодке они плыли мимо острова.
 Глядя на них, хотелось хоть чуть-чуть прикрыться руками.

7.

Ласточка, — думает лодка, — ласточка, ты во мне
 выросла, как растёт бабочка в шёлковой клетке;
 если б в моих сосках было бы молоко
 (чёрное, как рассвет, сладкое, как кока-кола),
 я бы поила тебя; ты бы свила гнездо
 у меня на боку (кости мои — китовые рёбра).
 В море поют тюлени, жаворонки в степи.
 Разочарованье сделало меня перевёрнутой лодкой.

ПАДАЛЬ. ИНЖИР

Катерина пришла к нему:
 женится на нём с раздвинутыми ногами;

Катерина Вторая Петру Четвёртому
 дарит себя, складывает передние ноги,
 дарит, целует, в рот берёт и выплёвывает,
 последнюю радость дарит —
 откусывает голову перед четвертованием,
 в рот берёт и выплёвывает;
 нахваталась горлом вечности, как сучка блох;

а он ел горох из погремушек и всякую падаль,
сошёл с ума, и его расстреляли у проруби;
а тот другой, может, и не ел ничего особенного;

пришла к городу, как мальчик,
не разбирала дороги, перепрыгнула через дамбу;
Катерина откусывает киту язык —
в рот берёт и выплёвывает, на лету ловит и глотает;
принуждение к Венеции — ветрено и жарко;
в три дня слиняла сладкая вишенка;
девочка Жанна беременна, девочке Барби сломали ногу —
перебиты твои голени,
перебиты твои тюлени;

якобы Берлин в сорок пятом разрушился так быстро оттого,
что его отчасти съели души из Ленинграда и Аушвица;
туристы с живым воображением могут наблюдать
и даже фотографировать следы их зубов;

все города от рождения равны и свободны
от блох, от супругов-извращенцев, от бурой и от зелёной жижи;
все города имеют право на жизнь, помидоры, маслины, море, инжир.

† † †

После победы над сарацинами
в руки гасконцев попал
в жилетке, расшитой солнцами,
любимец военачальника магот Аннибал.
Нечистый переходил от графа к графу,
его шерсть потускнела.
В итоге он очутился у Карла Мартелла,
едва избежал расстрела.
Карл приговорил Аннибала к штрафу,
приказал ослепить демона
и заточить в замок где-то в районе Кёльна.
Несчастное животное вслепую ловило крыс
в сыром подвале; дальше — туберкулёз
разных внутренних органов; Аннибал умирал
годами, грыз сухари и кости,
в забытьи диктовал, декламировал.
Комендант крепости —
идиот, самодур — приставил к нему монаха:
тот слушал блохастого макака

и записывал за чёртовой обезьяной!
 Рукопись сохранилась в монастыре у Нарбонна.
 Впоследствии оказалось,
 что это были отрывки из «Географии» Страбона
 и описания побережья у Гибралтара —
 чайки, киты, персики, рыбный рынок, гитара.

✦ ✦ ✦

Старейший в мире метрополитен
 был построен в Константинополе
 тюленями-монахами.

Тюлени в христианство были обращены
 нищими и прокажёнными отшельниками
 у городских свалок.

Позже галатский консул, восхищаясь
 пещерными трудами морских млекопитающих,
 предложил им сделку.

Тюлени-схизматики получали прощение,
 членство во францисканском ордене,
 мощи святых утопленников,
 русалочьего царства епархию
 и все подземелья Галаты и Перы.

Взамен белобрюхие усатые твари
 обязывались создать удивительное
 сооружение.

Старейший в мире метрополитен
 был построен в Константинополе
 тюленями-монахами.

Последние из них живут
 прямо на конечной станции,
 измельчавшие.

Они плавают в бронзовой чаше,
 размером с крупных мышей.
 Служители их кормят.

† † †

На рыночной площади
купили Наде и Мадлен
десяток проволочных
и фетровых евреев —
трогательных, забавных, —
в лапсердаках, со скрипками,
а один — с шахматной доской.

Завтра хотим поехать
на экскурсию в Освенцим.
Может, там удастся
купить нацистов и казаков.

† † †

Подтаял лёд в Мелик-Чесме,
и пухнут медью шишки
на магнолиях в Синопе.
Гнилой кожурой с осени
завален киласурский пляж.
Горек апельсин памяти
и бледен артишок неизвестности.

Ах, если бы все они вдруг становились цветами —
розами печень и лёгкие миндалём,
вялыми орхидеями гениталии,
лианами неизвестного вида кости и жилы,
как цвели бы долины от Ингури до Гагр,
сколько зевак бы толпилось
в садах Севастополя и Эльтигена,
как восхищались бы знатоки
альпийским лугом в камнях Освенцима,
субтропическим чудом в лесах Катыни!

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Прощай, моя родина.
Вместе мы сделали столько дряни,
что, если увидимся на том свете,
место встречи нас не порадует.

Прощай, моя родина.
Я хотел тебе только хорошего.
Я вложил в тебя столько костей и крови,
сколько Адам не дал Еве и Лилит вместе взятым.

Прощай, моя родина.
Они разделили тебя и едят;
говорят, это всё равно лучше, чем наши времена.
Но ты не верь им; помнишь, как я подарил тебе платье,
а ты пела мне песни и плела венки из одуванчиков?

Леонид Шваб

ВСЕ НАШИ ПИСЬМА ДОМОЙ

✚ ✚ ✚

Встречались два друга на спасательных работах
Забирались в сломанный башенный кран
Молча глядят вокруг
Громко бранятся по самому ничтожному поводу
Растрескавшаяся земля как арбуз хороша
Вон идёт женщина-врач после смены чудо как хороша

✚ ✚ ✚

Случайно порезавшийся хлебным ножом
Подросток останавливает кровь холодной водой
Товарищи забрасывают свои пиджаки на небо
И девушки переодеваются в спортивные костюмы
Начинается танец и город рассыпался в крошку и пыль
Начинается бал и через несколько новых лет
Невероятные приключения неведомо откуда взявшихся героев
Приведут к возрождению земледелия и ремёсел
В сущности прежняя жизнь
Но в крошечных измерениях и масштабах

✚ ✚ ✚

И песок и трава и пожар далеко-далеко
Я такой музыкант, что умру и не вспомню как умер
Поднимается ветер и пустые овраги гудят
Я с такою небесною лёгкостью перемещаю с места на место
И тефтели и венгерские шпроты летают за мной
И пехота и танки палят завлекая меня

Дорогая моя разверни мои плечи
О мои ноги, о моя говорящая голова

✦ ✦ ✦

Ты сам просил чтоб было скучно
Туман окутывает плоский берег
На пляже ночует дикий медведь
Из моря выходит старик в истёртых доспехах

Сильнейший удар сотрясает основы земли
И в море как спички горят корабли
Медведь кричит и ходит как больной
Старик снаряжает копьё, начинается век золотой

✦ ✦ ✦

Покой с домашним зверем невозможен
И лошадь загрызает человека
И жизнь в беспечных начальных формах своих
Казалось теплится в контейнерах своих

Историческая правда
Апельсины порхают линейная скорость невысока
Я готов присмиреть пусть я буду
Немного точного расчёта в вашу жизнь

Во исполнение коротких наслаждений
Бежит и морщится бесчисленная детвора

✦ ✦ ✦

Неглубокие знания точных наук
Капустные бабочки вьются над бродячей собакой
Домохозяйки покупают овечий сыр
И вино и мелкую рыбу на поджарку

Село сползает в океан сантиметр за сантиметром
В последний год житья не стало от улиток
Промышляя игрой на мандолине
В сопровождении извивающихся танцовщиц

Раскалённый на солнце придорожный камень
В форме человеческой головы
Меняющий форму
Под камнем найдут серебряный клад

✦ ✦ ✦

Опрокинувшись набок вместе со своею планетой
С домочадцами и со всею улицей своею
Это был крошечный бык и на спине ворона
И холмы трепетали и вода бурлила
Ворона роптала и клевала быка в спину
Невозможная смерть и жизнь к сожалению невозможна

Юрий Милорава

СТАЯ-ВЕРЕТЕНО

ПРОГУЛКА

темно в ночи душа обязана темнотой
 и почти трение но и трепет её
 темноты сердцевина —
 рано бледнеет орех на дне
 масло угадывается —
 чёрным камнем
 галькой морской
 любому логичней —
 подошва — крыльцо стёртое
 наружу — к вершине конуса
 мотор в котором всем
 по пути
 и спине осторожной кошки
 и стаду созвездий
 раскиданному —
 по пастбищу звёзд

СВЕТ — 1

на
 шоссе
 лето

из дыр в горизонте —
 подвешенной: памятью лета
 довлеет
 самопроизвольное крушение
 опасной
 сладостью
 пенная
 паутина

и
развал кирзы
сапога
на
обочине

ПОВОРОТ

нередко невидимые рубцы порезы
под травами подземных ключей брызги
одно поглощает другое
маршруту удаётся скрывать подъёмы и спуски
но чаще накаты
акации клёны
не по размеру низкие
но всё заточено или прервано
вокруг улицы мидл-стрит
небо особенно большое
и неатмосферно вытянутое космическое
горизонты соседних улиц
закругляются
со всех сторон в центре её
образуя общий
наконечник
и из облаков
изменяясь на скорости
столь длинные
шлейфовидные
вытягиваются фигурные знаки
и рассечения их

ДВИЖЕНИЯ

волны щепки
по служебной и необходимости
военным выдавливаются
крем струёй рода войск по одежде
по положению полёта
белый след в никуда
от самолётного хвоста
хватит и
а он
трансформация
достанет

Глеб Арсеньев

НАРИСУЙ ЛЕНТУ МЁБИУСА

✦ ✦ ✦

Трава ещё в ползунках
малая
по-сыромятному скрипуча земля
ризы облаков смаглы
они для
утешения безлечной печали
младенца
ему на белых озёрах
отчаянно кричали
здравствуй и прости
клюевские чайки белой нежности.

О ТОМ, ЧТО ПРИСНИЛОСЬ, ПОКА ВАРИЛАСЬ ГРЕЧНЕВАЯ КАША

Приснился тёмзевский веер огня
ад низменных тварей
пустынножитие знания в беспредельном сердце
саккады глаз стрекочущих в траве иероглифики
приснился белый буйвол
синий орёл и золотая форель
зачем сонной жалюю
крадётся желна неужель.

✦ ✦ ✦

Рыкает мороз скимен
промёрзла долиометрия

на пробу не снимешь
хмельной воды
родниковыми долями медля
новогодний ситец раскроен
фасоны бедовы
из полночи хвоя пелен
займём под ремиз
лет 600
и замолчим.

† † †

Лучше по лесу лисить
и фастать зрчкасто
на матибожах холмастых
чем кружавёт и кружавить
лучше фанданго киборгов
таево флагеллана
в досканцах хризомантных
и волчкованье бромбы
лучше переколумбить
горизонт тальный
на мерметиловых пласах
зрубели ожалеют
морлоков мурана
остволится омела
ручьить лабитры
и темневелая пульфа
оживо записовит.

† † †

Мы где?
У Забудь-реки
за ней
островерхие холмы
привал Позовут
здесь нерайские птицы кричат
позвякивают в кружке
откупные пятаки
водица в гейзерах времени
тиха и ничья
и над ней
рассыпают по ветру золу.

† † †

Нарисуй ленту Мёбиуса
пазиграммы мыслесловия
нарисуй Пацифиды
бивни пены
бытие в себе и бытие для себя
дхвани и спхоту
горчичное зерно и нижнее веко спящей птицы
орхидеевую весну
бамбуковое лето
хризантемную осень
нарисуй апории бреда и Сверх-Я
звон пыльцы и каллиграфии
оторопь Гриневецкого и Рысакова
стихи Архилоха
(и упасть на ... и прижаться животом
к животу, и бёдра в бёдра)
водоросли немоты
нарисуй костыли усталости
стигматы тесной лжи
118 псалом
жабры льда и травяную боль
шелкопряда и паука.

Татьяна Грауз

DRUCK UND AUSDRUCK

КОГДА СОВПАДАЕМ

вечером мартовским речью уединённой
 запахом отзвуком ушедшего дня
 я обвожу тень плеча твоего (*точно девушка Плиния*)

заусенец звучарный луны так приветлив
 и время растит эту ночь шелестом неотступающим
 (*неотчуждённым*)

сквозь эвфонию дыхания артикуляцию времени —
 в распахнутую психодраму пространства *Druck und Ausdruck*
 не о с я з а е м ы х с л о в *

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

тщательно упакована эта весна
 (кувшины цветы семена и тарелки)
 жизнь упакована
 и отправляется
 и уезжает в неупакованное небытие

ЗАПОВЕДИ

у этого звука заповедь леса
 заповедь цветка нераскрытого
 заповедь летней реки
 берегов меловых
 и тайная заповедь
 заповедного
 дня

* В античной легенде, изложенной *Плинием*, девушка, обводя контур тени уходящего на войну возлюбленного, случайно создаёт изображение — так рождается живопись. *Druck* (нем.) — давление, нажим, напор; печать, печатание (типограф.). *Ausdruck* (нем.) — тонкая нюансировка при исполнении музыкальных произведений, деталей которой не в состоянии отразить нотное письмо (музык.). — *Прим. автора.*

Илья Риссенберг

МАЧТОВЫЙ ДАР

✚ ✚ ✚

Как пророческий трепет чистилища,
Косновеньем Деворы-осины
Ко двору и отцовству святилища
Сны о слётке, но искры — о сыне.

На глазах у пространства, чьи возгласы
Поглощает минута немая,
Пронимаются медленно волосы
Белым пламенем всепониманья.

А под ним вспоминанье, измерклое
Семенами сомненья: по мне ли,
Полю, небо забыть перед зеркалом?..
Из него письма пламенели.

На исходе дыханья тиха-таки
На постельной клеёнке больничной
Хохотунья-походка ходатайки
За скелетное лоно обыночь.

Поугольно вселённая скиния,
Уколи тридесятые дробы
Не иглой искромётного инея,
Но весёлкой зеркальных раздобий.

Раз уж так, чужедалные странницы,
Как Псалтирь и комета, так просто
Камнеречью сугубой страдалицы
Воспретят прасловесный напёрсток.

† † †

Скрашивать соседством одиночество — бессоницы в ночи
Высшая, острейшая потреба.
Человека, с детства начиная, звездочёт не научил
Вслушиваться, лучше бы негребо:
Острыми концовками прозрачные, протяжные лучи
Скаречно поскрёбывают небо.

Ты же здесь, о Господи, кромешный мой, в Субботу почивал?
Сжился с непроторною породой
Идеальный Автор-Современник, обречённый на провал,
Капитал народа оборотный.
Служки световые, претворённые в домашних приживал,
Чёрною сноборствуют работой.

Трудного безлюдья беззащитные нетщетные плоды —
В-с-ласть — шестокрылатая идея
Из теснин: утишила на царстве безутешные следы
Меж ладоней медная кандея;
Лишь бы из могильного покоя и недельной меледы
Словники воскресли, если б только огласовки, молодея.

† † †

Правомыслие самоутраты: утраты сулят,
Круг за кругом скользят, по луне округлить результат
До нуля глазомеру — голодную рвоту:
Гладомор — пожиратель детей на ржаную вину
Колоска — голосует за выю, как послушник-внук
За мышиную скорбь как ночную работу.

Лаборанту грубит, заколочен кончиною гроб,
Лабиринт неотложной больницы, родной гардероб
И мышинный кошмар о телесном уделе:
Забинтованы рученьки, вид суровый на главу
Нахлобучен, послушался мысленно сын, наяву
Вне земли бесконечностью рад — обо мне ли?

Не к столу предложений, а к чёрному хлебу вина
Новогоднего просинца соль из чернил глубины
Чистотелой поталью осенних сечений.
И пернаторесничная — снов ли, моя ли — печаль
Деликатной шульгою с небес досягнула плеча,
И ночная работа ничьих сочинений.

† † †

Новогодью сладкому благодарна страна,
С перебором арфиным ради ауры струнной.
Радуетса хором об урожае стерня
С уманью правоверной по-над пращурной урной.

Сто трублений: табор небонаборщика, встарь
Суждено способности освятить суеверья,
Вышел из народа премирный труженик: — Встать! —
Льёт чистилище в душу террориста-еврея.

Краснозём прощупали море, площадь, зенит,
Зубоскальство мумии, кремлеторий отверстый...
Вакуум трепета в человеке казнит
Солнечная корона над Субботой-невестой.

Счетовод зозулею за учителя Стус,
Кос-Арал то кобза, бо восковет и фосфор.
Кровь и прах на равных на корабельном посту,
Мачтовый дар — осанка, ось — осанна, Иосиф.

† † †

Берём гербарий...: эпохально полыхнули,
Как мыльнооперный пузырь — за переливы
Фальшивых перлов; прель и пренья политкухни...
Позорить сердце позолотой? — да пошли вы!

Нет-нет, и выйдут чередой трудов напрасных
Мотивы памяти в забвеньи общецелом...:
Играла кровь светоречений красных-красных,
Что справедливость есть на свете белом-белом.

Екатеринки в гриву городу-пожару,
Аэростат раздули страха — то ли плохо.
Ахмет-хана шахтёру-платит-янычару
За ауру шатрами Юлиного Блока.

Порога кровного проситель веролоудный —
Какую пошесть биллионов прочит суд ей.
И наша радость бело-красных революций,
Что наше сердце наизусть проголосует.

† † †

Протяжная песня, кругляк
 Дребезжит подаянный о кружечку:
 — Басня бродяжная, мы не рабы-де,
 Руби Украине угля! —
 Окруженье с игопочки жмурику:
 Только покойного мир не обидит.

Кошмар угрожает: сойду
 В геликоид кишечника, паховой
 Грыжей кичащийся. В яблочко Пушкин
 С Шевченко эклогу в саду
 Маршаку как шарахнут шарлаховой
 Молнией — вспышкой мышиной опушки.

Тщеславны, не в счёт, не мертвы
 Облака возводящих напраслину
 Беличьих пругл на вольготно-мирское
 Лица усмотренье, мечты
 Поруганье величья, на ласину
 Ядерных числ растворенье морское.

Примарно родному двору,
 Океана монетное меево
 Клянчат не взрослые, плачут не дети.
 Я вышел, идём, не умру.
 Оттолкнули оседлых. Смиренного
 Мир не заденет, а там не заметит
 Адама.

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Маргарита Меклина

ЖЁЛТЫЙ КЛЫК ХУДОЖНИК С ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ НОРВЕЖСКИЙ ТРУБАЧ

+

Любовь к В. породила неистребимую лярву.

Такую сильную, что З. с ним на расстоянии говорила.

В. умер четыре года назад — а лярва жива.

Не достучавшись до далёкой могилы, чувства зависли в пространстве, а когда выдался удобный момент, прилепились к другому.

Другой — феминный китаец, передние фарфоровые коронки белеют, а справа и слева — природные клыки жёлтого цвета, ботинки без задников, на шее флисовый шарф.

Ему столько же (55), сколько было В., когда они с З. повстречались, — и изголодавшаяся лярва сразу к нему потянулась. И что бы человек с жёлтыми клыками ни делал, З. казалось, что это умерший В.

Подарит, к примеру, сидюк, просто потому, что услышал по радио пару ностальгических песен, — а З. чудится, что он её мысли читает, ведь В. ей постоянно диски дарил.

Скажет, что любит искусство и собирает картины, — и З. воображает, что он артиллер, как В., в то время как Жёлтый Клык всего лишь коллекционирует произведения никому не известного живописца Фодельева и виды Великой Китайской Стены, а В. обедал с неразговорчивым Уорхолом и устраивал вечеринку для одной из битловских жён.

Взяла З. белую нитку и завязала на ней несколько, в ряд, узелков.

Удостоверилась, что количество чётное.

Прочитала заговор, вложила нитку в лунку, образованную отверстием в серебристом CD и дном плоской коробки, и вернула сидюк.

И как только Жёлтый Клык под влиянием любовного приворота к ней потянулся, З. увидела, что за его спиной нет ничего, и лицо вовсе не многослойное, как у гадалки в фильме Параджанова «Сурамская крепость», и что этот казавшийся двусмысленным дуралей — совсем не загадочный и замкнутый В.

Но узелки остались дома у Жёлтого Клыка — и не выходили у З. из головы.

Её влечение к ложному В. испарилось, но узелки зажали своей жизнью и ждали момента — жаждали совпадений и случайных пересечений, — чтоб встрепенуться, и развязаться, и накинуть петлю на шею очередного ложного В.

+

Венцом нелепого влечения к Жёлтому Клыкку стал проживавший на Восточном Побережье Фодельев.

Две картины Фодельева Жёлтый Клык купил в Гонконге в 1993 году, и с тех пор они вместе скитались по миру. Сначала Клык перебрался из Китая в Канаду, а затем в Калифорнию, где они с З. повстречались на собеседовании в 2007 году.

Прощаясь, Клык ей сказал:

— Надеюсь, скоро увидимся! — и эта фривольная фраза в устах потенциального работодателя сбила З. с толку.

Едва освоившись на новой работе, она раздобыла адрес Фодельева и полетела к нему через нескончаемую череду часовых поясов. Дверь ей открыл розовогубый, чихающий, истончённый эльф-альбинос. Не притрагиваясь к принесённой З. водке, он отхлёбывал чай, утирал платком нос и демонстрировал раскрашенные цветными карандашами полотна.

Держал их перед собою как щит:

— Я рисую всё начисто, ведь это не краска. А русские приезжают и требуют масла. Но я пишу свою «капеллу Систину», свою лебединую песнь, свой мастерпис... ты погляди, какой тонкий слой...

З. смотрела сквозь тонкий слой на него и осознавала четыре разные вещи:

1. Любить и понимать *art* — ещё не значит понимать *artist*.
2. Из любой неудачной любви можно извлечь литературную выгоду.
3. Многие творцы разграничивают искусство и жизнь — но не она.
4. Когда над её гробом будут произносить речи, меньше всего ей хочется, чтобы сказали: «Она любила маленького смешного начальника на работе и, чтобы вызвать его интерес, навестила нравящегося ему третьеразрядного живописца — увы, несмотря на осведомлённость начальника об арт-направлениях и литературных течениях, ему был чужд и недоступен её внутренний мир».

З. хотелось, чтобы будущие биографы, вместо того, чтобы обращать внимание на рой запятых или муравейник омонимов в её книгах, сказали бы вот что: «Она была неотразима, никогда не испытывала поражений, и за ней числилось немислимое количество любовных побед».

+

Д. написал трогательный длинный *e-mail* про нашу любовь и дружбу в 1982 году.

Он трубач.

Норвежский трубач.

И даже фото прислал.

А я никогда не задумывалась о том, что, оказывается, моя жизнь пересеклась с трубачом.

Среди мужчин/детей/юношей, которые мне нравились/которых любила, были:

- 1) архитектор
- 2) артдилер
- 3) и вот этот трубач.

Д. помнит всё хорошее, что меж нами случилось, но совершенно не помнит, почему мы расстались.

А мне страшно вспоминать про хорошее, потому что причина, по которой мы расстались, оставила неприятный осадок у меня на душе.

Мы подрались в туалете у кого-то в гостях, неловко упали (он был в куртке, а я, готовая уходить, в распахнутой искусственной шубе), оказались между бачком и ведром — он подо мной, — и я ему нечаянно разодрала губу.

Пятый класс, нам по 11 лет.

Поразительно, что он это забыл! Говорит, что пронёс любовь до конца школы, а теперь, перебравшись в Норвегию, заказал на «Озоне» мой сборник рассказов, чтобы про меня всё узнать.

И я надеюсь: а может, В., в последний год перед смертью, тоже вспоминал только самое светлое?

Да и что было-то, стоит ли говорить: перед глазами теперь только раскачивающаяся, как качели, цепочка, смущавшая меня при движениях, так как неловко задевала то подбородок, то грудь, да две сладких липких булочки в целлофане, что он принёс в номер утром, которые тогда показались насмешкой...

Я тут недавно перечитывала старое письмо от него: «То, что произошло между нами в тот день, мы будем бережно вспоминать всю свою жизнь».

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Дмитрий Веденяпин

ЭТА ПЬЕСА

ЭТА ПЬЕСА

По телевизору показывали,
 Как человек в котелке,
 Вор,
 Влезает в дом,
 Как он думал,
 Пустой,
 А там — хозяйка.

И она —
 Вероятно, это было хорошо сыграно —
 Влюбляется в вора,

То есть
 Вскоре после их нечаянного знакомства
 Начинает смотреть на него
 Особенным образом:
 Без водевильной плотоядности,
 Но так, что даже я, восьмилетний,
 Догадался,
 Что эта женщина в сарафане,
 С голыми плечами,
 Нежной шеей
 И немножко глупыми кудряшками
 Хочет, чтобы этот мужчина с усами
 Поцеловал её,
 Помог ей выбраться из сарафана и...
 Тут моё воображенье буксовало,
 Но я отчётливо помню,
 Что «особенные» взоры актрисы
 Сулили «неизъяснимы наслажденья»,
 Причём

Не столько вору,
Сколько — вот именно — мне.

Не исключено, что
Согласно авторскому замыслу,
Вор должен был сначала
Попасть в дом,
Потом — в женщину,
Потом — через женщину —
Провалиться в самого себя
И затем самоликвидироваться
Как вор,
А скорее всего, вообще,
Потому что никем другим
Он быть не мог,
А проваливаться дальше —
Во всяком случае, внутри этой пьесы —
Было некуда.

ОДЕССА-63

О. Д.

На солнечном пляже...

А. Вертинский

Как добрые ложки (а ну эти злобные вилки!)
И чуткие стражи,
Пузатые бабушки чинно сидят на подстилке
На солнечном пляже.

Сверкает вода, изумрудная и золотая,
И парус, как лучик,
Пузатые бабушки смотрят, от нежности тая,
На внуков и внучек...

Недавно приятель сказал мне в одном разговоре,
Нескладном немножко,
Что время из всех, так сказать, категорий
Уж точно не ложка

И даже не вилка; пространство добрей и круглее —
Садишься в двуколку
(Ну, в поезд) — раз-два и вернулся! Вот пляж, вот аллеи...
А толку?

† † †

Жизнь конечна или бесконечна?
Мы привыкли, что рассвет — заря
И закат — заря, неправда вечна,
Что неправда, честно говоря.

† † †

Noblesse oblige. Старик совсем облез.
Чуть что — прыг-скок — и убегает в лес
Сидеть на пне, гудеть-бубнить ab ovo:
Разве мальчик в Останкине летом... И прочее...
То забывая слово,
То вспоминая...

А то летит на велике без рук,
Шурша, за кругом нарезает круг,
То забывая.., то вспоминая слово,
То бабочку раздавит, то грибы...
Эх, Брэдбери бы на него и Чжоу
Чжуана бы.

Вот возвратился б он на свой чердак,
А там не так, вернее, слишком так,
Как есть, — и всё бы вдруг распалось,
Скажу ль, с очей упала б пелена,
И *забыва* б уже не отличалось
От *вспомина*.

Шамшад Абдуллаев**ПЕРЕД ЗАКЛАНИЕМ****АРХЕОЛОГИЯ**

Кажется, переводил на пехлевийский упрямых киников,
гераклитовские фрагменты, «природа любит скрываться» и т. д.,
мягкий, чуть-чуть отрешённый, скромный,
всегда молитвенно точный в словах,
из великолепной семьи,
но Люцифер без всякого повода чиркнул однажды
левым мизинцем по его бровям,
и неизвестный сломался в 32 года, сдался, иссох,
такой неприкаянный, что *гений места*
(только из жалости) превратил его в навозный катыш
рабочей лошади сухорукого юэчжи
и спрятал, перепутав хтонические слои,
под бактрийским черепком
в скользких пятнах коринфского инжира,
более тёмных рядом с волокнами подпочвенных сорняков,
чем извивистая деталь мужской сандалиии
на битой чернофигурной вазе.

ФИЛЬМ НА ЮГЕ

Типично средняя невзрачность, всегда рядом,
уже угасла, ещё вряд ли мертва, —
в худшем случае второй доисторический манок,
отирающийся по сей день
в молниеносной безобразности вокруг.
Лучшая ловушка для оптических ходов,
ровная стихия, не признанная никем,
оболганная маньеристской смачностью всех времён
(не платья с фижмами, например, на йенских портретах,
не тканый обруч на хипповой голове
перед окном в низкий сад,

не рыжеволосый агностик, зарытый в пустошной земле
при потухших перевёрнутых свечах,
не золотистые, мерные шлепки в седловатом пальмонте), —
и ради неё стоит смотреть сквозь каучуковый наглазник?
Неизменное всё выдаёт,
пасует увиденному его же приём —
парирует плоскостью, в которой
вняты лишь какие угодно приглашения к фрагментам:
в тусклом зное почему-то скворец обязательно сидит
на верхушке июльской урючины, и пять-шесть незнакомцев
играют в серсо на хитиновом всхолмье.
Всякий раз однократная непринуждённость (в подобной среде
каждый жест — своего рода современник Святых Даров —
прикидывается тем, чем является) — как камень,
вызывающий доверие в любых личных лишениях,
и возле глаз не встают психоделические истории
(какого-нибудь Эсташа и др.),
словно что-то гнусное должно вскорости произойти
не с беглым изображением внутри монтажных рывков,
а с наблюдателем в зрительном зале,
ни о чём *таком* не подозревающим. В некоторых местах
точности нужна только корявость,
литургически здешняя рутинка,
что слегка вибрирует сейчас от предгорных псов,
бегущих с отрезанными ушами мимо захолустного кинотеатра.

ДЖАДИДЫ, КОНЕЦ НЕДЕЛИ

Мальчик с полумесяцем и звездой на лбу.
Саманный вал, траченный в наплыве
шёлковым побором кашгарского ковра
(будто глядишь на двойную дверь,
которую сам открыл только что в трёх метрах отсюда), —
через век *их* юродский наследник
в пуловере и полукедах, допустим, стоит
перед пестрящей сангиной мадам де Сталь...
Зря не решились на такой стильный морок
в сургучном «праве пастбища», в своих просвещённых закромах —
не расчёт, усложняющий отсрочку,
а безблагодатный досуг.
В сезон охоты, выбранной наугад,
время немедленно сякнет,
все ушли с недавних окраин,
подходящих как раз местоположению воскресного ухода,
и выжженной впадина, по которой

сквозь дымок мчится лишь тополь.
 Можно запросто теперь от *них* откупиться
 какой-нибудь модерново-трезвой данью, любой, —
 вряд ли в оазисе просили оазис
 себе на погибель, вряд ли «плавали в гавани»,
 встречая потогонный звр.
 Не хватало протокольно-едкого ангела со стороны,
 бритоголового документалиста среди узкошуршащих бумаг
 в тюркском архиве:
 неподкупный *отдых* всё же донизу гнётся в тёплой развязке,
 как если б в разгар беседы
 на серёдку мужского дыхания сёла
 пухлая горлица пепельного цвета.
 В сезон охоты, выбранной наугад,
 время немедленно сякнет,
 все ушли с недавних окраин,
 еле диагностируемый аут редкой вакации,
 и в опустевшем дворе на медовый туф
 взамен виноградной лозы
 наведывается плоский уж, разлучающий званных, —
 ничего общего с *ними*, кроме жалости бескровной змеи.
 Но ответ в обратном сечении веет, откуда не ждали:
 на сей раз стареющий грек кэт-стивенсовского типа
 делает первый шаг правой ногой
 по хорде шиитской божницы. Навалом примеров.
 Подобные вещи пускают в ход в периферийном приюте —
 умножают разное множество,
 умерщвляя на памяти паразитирующую весть.
 Ради «богов, которым наскучило
 не узнавать в *них* себя», Рене Шар.

ПЕРЕД ЗАКЛЕНИЕМ

Устроился, скрестив ноги, на тахте,
 откуда без помех бросает фразу
 (одно и то же), сорокалетний первенец каких-то знатных теней,
 родовой анфракс горит под горлом непогрешимой глыбы, —
*максад нимада?** Внизу,
 по длинному двору, мерцает
 шейбанидское тряпье предсвадебной паники.
 Пришлось ответить:
*максадни йок килишда*** На чагатайском звучало бы суше.
 Ещё одна оскомистая нехватка, всякий раз по-другому

* В чём цель? (узб.)

** В том, чтобы уничтожить цель. (узб.)

не имеющая опыта в подобном «братстве».
Но его (не слышит ремарку)
уже власть ошёптывает лезвие *dramatis personae* —
почти набатное лицо почиет в порыве,
нацеленном на садовую глубь, на хлев, на два
травянистых окуляра по бокам курчавого черепа.
Скрестив ноги, устроился на тахте —
предсказанное тут сбылось
в древнем импульсе святого лакейства,
но скоро уляжется. Не задаёт вопросов, изнывая
из-за своей суеверной явности внутри осёкшейся позы,
допустимая примесь поведенческой каверзы, и смотрит на двор,
на входную дверь, оставленную открытой, и дальше —
на обильную пыль, обернувшуюся уличным поворотом.

МЕСТО ОТДЫХА ДЛЯ ВИТТОРИО СЕРЕНИ

Где ты? В смоковых листьях? —
по их тончающей изнанке *оно* роится, выходит из тени,
высветляя толчками инжирный каскад.
Уже потом, как положено, классические голоса
закружились сочной дилеммой, которой
«не катают по тмину». Но что-то
глушило в пустыне вившийся метастаз:
не шершавый лауданум меж пальцев,
не льстивая крепость общих доктрин и безвредного стоицизма,
наблюдающего в уютной постлюдии впереди
затянувшуюся бойню язвительных полюсов,
а невесть кем установленный в *нём* своевольный промах,
умение быть в свой срок не всюду, пока
вне времени полá палатки
вздывается и слишком долго падает на землю,
будто меряет её высоту, где покоится полоз:
всё тот же пробел в угрожающей летописи, всё та же
первая глотательная увертюра сквозь алжирский лаз,
и хинно-прямой ветродуй полоснул *ему* кадык
в этом нумидийском сирище на заре,
в режимном свете песчаного Сен-Барба.

чтобы

остаться нигде.

И

небо

и только и как

вода и облиться с теми

кто пил за память

более скажут

чтобы остаться нигде.

В ДУХЕ ОБРАЗА ПЕРЕД НИКЕМ

Огонь угомонь

и

стая, как птичья,

проволочных душ,

что

отыщется приют им

как вам.

Всем, а нам на ладонь грех,

вот как

малина вылитая,

но

пережить ремесло смертного

в духе образа перед никем.

ВЕСЕННИМ СИНИМ МОЛОКОМ

Боль окрика света,

перерождение в нотной грамоте улиц,

надежда табачного дыма

при тающих возможностях организма —

вот,

дерево, с куском лица пирожьего,

или как,

капля за каплей

собираются в доме сумерки

уууууууууу

гад

ай

и глаза

и что они говорят
наполненные пейзажем,
как
смелые ладони

весенним синим молоком.

ТАК ВСТАЁТ СОЛНЦЕ

За прошлое,
за оставленным снегом,
хлебом без вранья

и

пиво, что песня без снов,

но

это один, час за часом,
преодолевая естественность немоты.

Не сегодня, как изо дня в день-деньской
живыми корнями,

а

Не петь, но пить,
что молитва,

и

что берег, сладкий,
привычный —

наш,

но

как далеко, что без вранья,
мы, но
без нас,

так встаёт солнце.

Анна Русс

ПЕСНЯ О КОЛПАКЕ

✦ ✦ ✦

*Сухбату Афлатуни
Александрю Авербуху*

Писал один, а жил совсем другой
С утра вставал зимой
И грел под краном руки
Старел лицом
Рубашку в джинсы заправляя
А иногда и в брюки
Любил коньяк и ром
Курил чужие сигареты
И забывал, как засыпал согретый его бедром

Писал другой, а жил совсем один
Согнувшийся, мыл голову над ванной
Ванильный был один, другой лимонный
Чинил замок, вычитывал статьи
Где раньше был ребра его сатин
Панбархат щёк и шёлк его предплечья

Писал один, а жил совсем один
Писал другой, а жил вообще другой
Панбархат шёлк и щёк его предплечья
Он с кубиком ложился на диван
И мчался бесконечный караван
Наружу перевёрнутой рекою
Ступень вторая алою была
Ступень шестая бабочкой была
Удар весла был взмах уже крыла
Опять в удар весла перетекая

Он забывал, как вместе раньше плыл
Летел, бежал и потерялся где-то
Где был замóк, где из-под крана бил
Коньяк и ром
Луна и первый гром
И где один другой лежал одетый
Каракулевым огненным бедром
Коленом драповым, атласным голым нёбом
Органзовым оранжевым огром

ПЕСНЯ О КОЛПАКЕ

На двух головах бывал мой колпак
А третья была моя
Никто никогда не любил мой колпак
Так, как любил его я
Я сотни путей с ним прошёл вдвоём
Каких не пройти одному
Я прятал себя в колпаке своём
И говорил ему:

«Колпак мой треугольный,
Треугольный мой колпак,
А если он не треугольный,
То это не мой колпак»

Его я тысячи раз забывал
В чужих дверях и сенцах
И тысячи раз с головы срывал
И об пол бросал в сердцах
Потом находил его на полу
Чинил, отыскав иглу
Пока было место моей голове
В каждом его углу

«Колпак мой треугольный,
Треугольный мой колпак,
А если он не треугольный,
То это не мой колпак»

Его оставлял я по всем городам
Где так он бывать любил,
И как-то оставил в городе том
Где прежде его добыл

Но вдруг по пути онемела рука
 И голову боль прожгла
 Вернулся и вижу — у колпака
 Стало четыре угла

«Колпак мой треугольный,
 Треугольный мой колпак,
 А если он не треугольный,
 То это не мой колпак»

Никто не любил моего колпака
 Так как любил его я
 Третьей моя голова была
 Четвёртая — не моя
 Его я пытался натянуть опять
 Но не нашлось, увы
 Места в его четырёх углах
 Для круглой моей головы

✦ ✦ ✦

Невыносимо медленный трамвай
 Там, где почти сошли на нет трамваи,
 Со скоростью несётся человека
 На человека. Человек стоит.
 Трамвай ползёт. Он мог бы убежать
 Или уйти. И даже уползти
 Он мог бы постоять и уползти
 Но он стоит и судя по лицу
 Не уползёт, скорее упадёт
 И ляжет. А трамвай ползёт вперёд

А на путях — покуда он стоит —
 Я расскажу, что человек способен
 Лишь напряженьем яблока глазного
 Миры такие приводить в движенье
 И их в цвета такие расцветать
 Одним касаньем языка, что жена
 Могла бы — жене, впрочем, положить.
 Она рукою машет за вагоном
 Она рисует в воздухе сердца
 Садится на какие-то колени
 Снимает через голову — на шее
 Что у неё, качаясь, там висит?

Она бежит, а человек стоит
Лежит, трамвай несётся, он стоит
Не разрешить движением мгновенья

Но с неба опускается рука
И щёлкает легонько под затылок.
Один щелчок — и жени больше нет.
Трамвай уходит. Человек уходит.

✦ ✦ ✦

Я рожался четыре часа,
 это были сложные роды,
У меня на лице две родинки —
 возле глаза и под губой,
Я ветрянкой переболел
 в три с половиною года,
Мой любимый цвет — фиолетовый,
 и оранжевый, и голубой.
В чай зелёный кладу я сахар,
 засыпаю лучше при свете,
Больше всех остальных игрушек
 я люблю ежа и сову,
Когда вырасту — стану доктором,
 чтоб найти лекарство от смерти,
Если лось придёт — сам с ним справлюсь
 и на помощь не позову.
В тихий час я не сплю из принципа,
 размазнёвое есть не стану,
Написал своё первое слово
 я не правой, а левой рукой,
От меня шоколад не прячьте —
 я его всё равно достану.

Если ты не знал всего этого —
 ты не папа мне никакой.

Михаил Завалов

ТЁПЛЫЕ НЕДЕЛИ

† † †

рашисты истребили саранчу
стояли тёплые недели
двенадцать месяцев на Запад улетели
оставив длинную свечу
была война приятна как прогулка
жгли лишнее и двигались вперёд
при помощи последнего обмылка
какие песни выпел наш народ

† † †

природа есть вопрос
и человек
найдя ответ
становится похожим
на сфинкса без штанов
куда Евгений
приплыл с чухонкою на лодке загорать
и Пётр его прогнал медносердечный
и жёстким пальцем пригрозил
ты мне империю не порть
в гранит одену
а не захочешь в землю возвратись
я идола создал нерукотворного
к нему по тропочке народной приходи
без этого понимаешь идиотизма
тебя родили родине для славы
и нечего на лодочках кататься
и частным именем мой памятник марать

† † †

По пищеводу человека
Спустилась водка улыбаясь
За ней сосиска шла извиваясь
С гарниром тёмным и без чека
И без руля сертификата
Без имени названья голый
По пищеводу шёл провожатый
Душа вторая комсомола
А человек задумался о встрече
С прекрасной Лией о коммерции сердец
И сосиска шла не противореча
Его блестящей интеллигенции
И даже Лия во плоти не мешает
Ведь он уел уже сосиску
И водка лишь на дне себя качает
И утро близко

† † †

воскрешать граждан
без письменного разрешения
властей
строго
запрещается
и карается
по всей строгости
закона

виновному штраф
вплоть до
умерщвления
расстрелянием на месте
на законных основаниях

† † †

железный феникс смеялся
не сожрёте меня не выйдет
в пионерском горне не горит железо
а и сгорит — мне выдано 7 жизней:
одну жизнь проведу в борьбе беспощадной

другую проведу на рыбалке
 третью в доме отдыха за бутылкой
 четвёртую на острове с гейшей
 пятую на космической планете
 шестую буду писать мемуары
 а седьмую принимать почёт и уважение потомков

пока говорил железный феникс
 остался от него ржавый остаток
 жрецы пришли ржавчину собрали
 в рожь положили ждали урожая

ДЕВОЧКА И КРИЗИС

одна девочка сидела на стуле
 а интернет заговорил:
 — девочка девочка
 кризис уже едет по твоей улице
 (*а девочка сидела в чате*)

— девочка девочка
 кризис уже подходит к твоему дому
 (*а она сушила суши*)

— девочка девочка
 кризис уже поднимается по лестнице
 (*а она учила кота по-английски*)

— девочка девочка
 кризис уже на твоей площадке
 (*а она отправилась в эксклюзивное путешествие на парашуте*)

— девочка девочка
 кризис уже звонит в дверь
 (*а она училась на курсах как говорить нет*)

— девочка девочка
 кризис уже вошёл
 (*а она работала над изменением гештальта восприятия*)

— девочка девочка
 кризис уже наступил тебе на ногу
 (*идентификация с противником*)

девочка пошла и поёт:
девочки, мальчики
я кризис
я затейник
и выхожу я на панель не ради денег
а просто

† † †

зима западноевропейского типа
в столице Третьего Рима
шопинг с омоном
Задержание проходило в жёсткой форме
пластиковые ёлки
пластиковые палки
тьма на земле от третьего часа ночи
до третьего часа утра
огоньки только светят
одинокое и эксклюзивно

† † †

россия висит на гвозде
и путину дома темно
смахнул паутину и съел
и песню запел о степи
как ехал один осетин
отряхивал ноги в овраг
навстречу ему баргузин
давай пошевеливай враг
темно на душе и вокруг
с любовью за мутным стеклом
летят мерседесы на юг
а мы остаёмся вдвоём
папаху достанем и шаль
и кушаем гематоген
как сказка весёлая жизнь
глядит из морщинок и вен
морозы трещат вот уже
в стекле серебрится носок
я рифму придумал на Ж
она оказалась с косой

✦ ✦ ✦

Гул речей тоже составляет текст тишины
 Живую ткань тишины не нарушит последняя сплетня
 Даже тексты газеты сюда вплетены
 Сообщают что погода Новые акции Кино-
 фестиваль успешно закончился 1:3
 Победили наши ребята Разведчикам слава
 Скидка 20 процентов предьявителю эха во льду
 Они просто смотрят на огонь и не дышат
 Уже принадлежащие чему-то иному руке
 Которую в обычной жизни не видишь и значит
 Не имеешь к ней отношения

Так и должно быть
 Чего есть везде попробуй изобрази словами
 Наводнение тишины зимой оледенение прозрачной воды
 В которую вмерзает твой образ исчезнуть став твёрдым устоем
 Точка зрения действует пока зрачок не замёрз
 Достаточно никто не видит зрительного эха
 И немой водопад более реальный чем Мы
 Для которого Мы просто является фоном узором
 Посмотри сквозь нас на солнце ходящее мимо
 Дым труб уже не вызывает кашель привыкли поедем
 На санках детских деревянных далеко далеко
 Встречать Рождество в степи с ямщиками
 Которые собираются на праздник погибать
 Одни в степи под звёздами с верным другом
 Которому передаётся тепло из-за пазухи как письмо
 К жене сказать чтобы к ужину не ждала
 И варила поменьше

✦ ✦ ✦

После обеда замедлится время
 В тёплой коробке за шкафом теснит
 Дышащий воздух наполненный всеми
 Кто убегает и ждёт и спешит
 Сердце уже ненаглядно уплыло
 Сытый желудок чего-то темнит

В тёмной воде баба кофточки мыла
 Дальний прохожий на бабу сердит
 Далее лес с приглашающей веткой

Поле без хлеба косые лучи
Ель без одежды и после обеда
Кажется в сумерках лучше идти
В гости попить незнакомого квасу
Пива вина самогона свинца
Чтобы нырять погружаться в пространства
Чтобы углубить бытие до конца
Стать деревенским слепым водолазом
Стать лишь течением блудного сна

† † †

Открыта дверь останется открытой
Отверзлись виды лучше не гляди
Вот бабочка вот дети вот убитый
Закатом день с пунктирами слюды
На небе кровь и ветчина заката
Автобус путников вневременных везёт
Всё это было и вчера и завтра
Всё это было и потом пройдёт
А что останется?

† † †

Зайцы по снегу бегали-бегали
Следов напутали наделали
Кто разберётся следопыт
То ли ухо рыси с дерева торчит
То ли охотник за кустом в тебя следит
Чаща роща как неживая
Завели меня сюда обижая

Н А О Д И Н В Д О Х

Миниатюры

Александр Корамыслов

ИЗ НОВЫХ ТАНКЕТОК

† † †

сосулька
Дамокла

† † †

в алмазах
с овчинку

† † †

мир труд май
убещур

† † †

дядьки
ровесники

† † †

Илья
теперь Егор

† † †

вышиби
птичий клин

О Т К У Д А П О В Е Я Л О

Русская поэтическая регионалистика

НОВОСИБИРСК

Евгений Минияров

✚ ✚ ✚

Может быть, нам удастся построить этот город,
поставить дома и добавить снега,
уехать в Африку, написать письмо.

Елена, я получил все ваши письма, пахнувшие снегом,
я их распечатывал, как и было условлено,
в полнолуние.
Город, растопыривший маяковские карты,
замирал в ожиданье.

Нет, я говорил, нет.

Нет. Письмо не озарит сумерки, не остановит время,
письмо не будет написано, на него нет ответа.
Я торжествую, я выхожу на так называемую прогулку,
я не пишу стихов.

Можно легко придумать и этих прохожих, и расписание
моего движенья, как и всякое движенье.
Нет его, нет его, расписанья.
Я говорю, я живу.

В конце концов, я даже пишу, и даже ответы на ваши письма, Елена.
Предложенье заканчивается точкой.
Они говорят, что мы пишем и пишем.
Они не лгут.

Они поднимают слепые маяковские лица.
На них обязательно снизойдёт вдохновенье,
явленное участникам событий,
которые произойдут,

может быть, за секунду до выстрела
или, как было условлено, после,
чтобы режиссёр успел договориться с массовой
этого хэппенинга.

Что ж, будем стреляться и веселиться?
словно бы это не с нами?
словно бы мы не сами с собою?
словно не мы строили этот город?
в котором невозможно жить?

Елена, предположим, я всё же отвечаю.
Собственно, я уже отвечаю.
Видите, они насторожились.
Они ещё не знают, что мы встречаемся за секунду до выстрела,
за миллион километров отсюда.

✦ ✦ ✦

вот откроется ореховая шкатулка
октября. вот опять извлечётся
неразборчивая записка
буквы частью утрачены а частью
и не буквы а будто бы знаки
так называемого зодиака
и очки куда-то запропастились
впрочем если хотите своими словами
я немедленно скажу вам содержание
и не так чтобы срочной но всё же бумаги
скажем так: открывается скорлупка
холодает и прилетает синица
на окно ко мне за подаяньем
вот вы видите эти знаки
я недаром жил ожиданьем чуда
и недаром мне как и вам досталось
время быть собой время помнить
и хранить ненаписанные строки
можно долго молчать потом улыбнуться
и уйти. пока. до завтра
завтра встанет в пышном своём убранстве
и откроет ореховые створки
и приблизит к глазам заветные строки
неразборчивые. далее по тексту

Сергей Тиханов**ДОЖДЬ НА ПЛОЩАДИ СВЕРДЛОВА**

Остаток свежести дождя
 сливается с лицом вождя на сером доме
 и, не имея категории числа,
 я слышу голос твой в частичном громе.
 В простенок входят пыльные трамваи,
 но так мешает горестный паркет
 и говорит мне посторонний дед:
 - Нет лучшего дождя, чем в мае!

✚ ✚ ✚

Когда я отряхнул усталыми ладонями
 колхозов пыль и миллион стихов,
 один из них ещё кричал: — Не тронь меня!
 но погребён был в глубине веков тот стих.
 Теперь, когда пространству нет предела,
 когда прохладной гранью из депо
 выходит королева, нет предела
 прощанью, только это всё не то,
 и Михаил уже спешит с лопатой,
 успеет ли — не знает и Евсей,
 зато я знаю: скоро стану бородатым,
 и вы меня прогоните — взашей.
 Но есть в надежде тайна.

Андрей Жданов

✚ ✚ ✚

Греми браслетами, татарин,
 Я ухожу, меня забудь,
 Никто не будет больше ставить
 Свой грязный руль тебе на грудь.
 Всё кончено, и нет возврата,
 Пропета песня, цирк сгорел,
 Теперь сестра не любит брата —
 Я сделал всё, что ты хотел.
 Не умоляй меня вернуться
 В немой уют твоих углов

Ведь все когда-то расстанутся,
 Я оставаться не готов.
 Я не умею быть любимым,
 Мне стыдно ненавистным быть,
 Твои движения любые
 Легко мне будет позабыть.
 Не унижай себя слезами
 Всё — чепуха, всё — ерунда.

Тур Хейердал смотрел на пламя —
 Он был жесток, как никогда.

‡ ‡ ‡

Чёрный человек любил гулять по парку
 в больших резиновых сапогах.
 В руках
 он держал предметы,
 которые иногда падали на землю.
 Он нагибался за ними,
 придерживая спину через пальто.
 В мгновение то
 на лице его была непередаваемая мука.
 Было нам жаль его?
 Может быть.
 Особенно когда он плакал,
 опрокинув голову в небо.
 В его глазах отражалось небо.
 В его глазах голубое небо
 дробилось, наливаясь красным.
 Между тем, лицо его становилось белым,
 он не спеша распрямлялся,
 опускал голову
 и начинал идти.
 Прямо, никуда не сворачивая,
 по главной аллее парка.
 И за его спиной
 парк наполняла осень.

Мы часто смотрели вслед,
 поражённые этим явлением.
 Чёрный человек шёл медленно,
 как тысячу лет назад,
 как один из нас,

плавающий по реке,
сжимающий в неумелой руке
весло, водный цветок,
личинку ручейника,
шахматную пешку,
перо зимородка, но только не пустоту.
Пустота — это роскошь,
которую мало кто себе мог позволить.

‡ ‡ ‡

В одном из тихих дворов
города моего, города
(нам было в других местах дорого)
бухали.
Был вечер.
Один из пустых вечеров,
когда было лень
даже проткнуть свою голову пулей,
по улице,
которую было видно
с нашей скамейки,
прошёл человек, одетый в тёмное,
удивительно,
но его походка,
то, как он
бросил окурок мимо плевательницы,
то, как он
поправил шляпу
на седой голове,
как улыбнулся, глядя в стекло
случайного офиса,
удивительно,
но всё это говорило мне,
что он
мой возлюбленный.

‡ ‡ ‡

Непреходящее уходит
В нору, в дупло, в небытие.
Из леса выглянет уродец
И спрячется в небытие,

И там, в небытии дремучем,
 Он службу понесёт одну —
 Когда наступит ночь,
 Он будет на дерево вешать Луну.

Ему рассвет глаза завяжет,
 Крафт-Эбинг судно поднесёт
 И нежно-нежно в уши скажет:
 Спи крепко, сладко, божий плод.
 Ползу. Нет сил. Ещё мгновенье.
 (Май. Понедельник. Семь. Часы.)

✚ ✚ ✚

Веселее, мой друг, веселее,
 Если ты тронешь меня за кончик носа,
 я перепрыгну через условности.
 Или ты хочешь,
 чтобы я пришёл сам
 и показал пустые ладони:
 вот он, мол, я?

Нет,
 сиди — дождайся.
 Может быть, там,
 в прозрачных озёрах Ада
 мы встретимся —
 два дельфина,
 плывущие в разные стороны.

Михаил Моисеев

✚ ✚ ✚

Профессор рассказывает о древнем мире
 Дети слушают его иногда отвлекаясь
 Они по-другому не умеют они дети
 Там пять лет назад видели аиста
 Или журавля стоящего между полем и лесом
 Очень давно здесь были болота а между ними
 Огромными кораблями передвигались сопки
 Созвездие Ориона остановилось над ближайшей
 Солнце не всходит над хакасской степью

В которой Белая Лошадь пасётся далеко от стада
Заходит всё дальше на холодный север
Ищет дорогу к конюшне к воде и к сену
Идёт так осторожно будто плывёт по морю
Месяц качается между домов переулка
Напоминающего улицы старой Риги
Или узкие вены вечного Иерусалима.

✦ ✦ ✦

Удостоверение выдано на нём
Облако белое место проживания
Богов и душ улыбок и дыхания
Переплывая океан предъявляю его
Дельфину бегущему рядом
Играющему с волной корабля
С земным шаром со всеми шестью
Его континентами с солнечным лучом
И с неизвестно откуда занесённым
Пухом одуванчика если хоть одну
Пушинку он уронит вырастет
Сначала поляна потом поле потом
Возникнет произойдёт воплотится
Бесконечность одуванчиков только
Жёлтый только белый только эти
Цвета и тогда ты улыбнёшься
С другой страницы с другой стороны
Ножа с самого края
Заточенного так же остро
Как и мой.

✦ ✦ ✦

Небо почти всегда больше города
Больше чем ты ожидаешь даже если
Выучишь все созвездия сорокового
Градуса северной широты чтобы
Использовать карту сначала найди
Полярную звезду посмотри из окон
Уже выглядывают соседи с третьего муж
С женой кагор «Борчаг» остался на столике
В спальне на пятом учёный не дочитавший
Дарвина выше улыбается девушка только

Не спрашивай имени трубку телефона
 Не поднимай конечно догадываешься
 Зачем звонят открой журнал запиши
 Наблюдения или зарисуй простым
 Карандашом и тогда поворачивай
 Осторожно левым бортом чтобы
 Не задеть плюшевого мишку
 В руках мальчика с большими
 Глазами чуть зеленоватого
 Цвета.

✦ ✦ ✦

Она встречается с воздухом
 Когда выходит из подъезда
 Четырёхэтажного кирпичного дома
 Разговаривает с жёлтыми листьями
 Лежащими под скамейкой прислушивается
 И шепчет с ними нельзя разговаривать громко
 Потому что они больные и слабые
 Перешагивает осторожно через лужу
 Чтобы не задеть облако похожее
 На маленького слонёнка только
 Может быть совсем осторожно
 Прикоснётся к его мягкому хоботу
 И незаметно чтобы не видел сторож
 Небесного зоопарка поделится
 Долькой апельсина
 А после будет вечер
 А после глаза закроет
 И сквозь эти заснувшие веки
 Я увижу глаза
 Зелёно-карие
 Как мои.

✦ ✦ ✦

Дуй в дудочку свисти в свисток пускай
 Масляные краски образующие закатное
 Небо пойдут кругами спиральями облаками
 Верблюжатами и слонятами тогда выхвати
 У барабанщика барабанные палочки и ударь

В самый центр убегающего солнца вылетят
Золотые танцовщицы и одна из них протянет
Тебе бесконечную ткань всех цветов ночи
Проплывающий мимо кит повернётся вслед
И задумается не изменить ли направление
Движения я не знаю отправился он на охоту
Или просто совершает ежедневный моцион
Джентльмена ему бы подошла чёрная трубка
И чёрная широкополая шляпа взмахни рукой
И освободи огромную бабочку с синими
Глазами на крыльях она тихо-тихо споёт
Короткую песню на неизвестном языке
Слушай слушай крысолов ведь она может
Оказаться самой последней песней.

✦ ✦ ✦

Гирлянда состояла из маленьких лампочек
Покрашенных в разные цвета видно
Что человеком а не машиной машины
Тогда редко занимались такой ерундой
Как ёлочные игрушки машины тогда
Делали пушки и танки не игрушечные
Настоящие машины вообще жили
По-настоящему ерундой занимались
Люди поэтому лампочки были покрашены
Неровно как будто человек раскрашивал
Временами задумываясь вспоминая что
В его детстве таких электрических гирлянд
Не было потому что электричество не занималось
Такой ерундой электричество обсуждало важные
Заседания партии и правительства а его дед
Рассказывал им сказки при свете разбитой
Керосиновой лампы лампу приходилось
Часто переворачивать чтобы керосин попал
На фитиль и сказка не заканчивалась
Зря они тратили керосин ведь можно было
Его использовать в качестве авиационного
Топлива для больших серьёзных самолётов
С их большим серьёзными бомбами
Только дедушка так не думал каждый вечер
Рассказывал рассказывал рассказывал
Все сказки этого дождливого мира.

✦ ✦ ✦

Если влюблённые не встречаются
 В кинотеатре в метро и на площади
 Если они пересекают этот совсем
 Не вечный город в совершенно разных
 Направлениях этот город который
 Нравится его жителям только в темноте
 Вечера и ночи ждут он около церкви
 Той что немногим отличается от
 Окружающих её домов-коробок
 Она может быть в большом магазине
 В отделе мягких игрушек держит
 В уставших руках серебряного
 Лунного медведя медведицу
 Медвежонка он смотрит на фонари
 На окна ведь в городе как всем известно
 Почти не видно неба она покупает «Ариэль»
 Для ручной стирки он в лучшем случае
 Пачку «Мальборо» (ах бедный ковбой!)
 В ближайшем киоске самом обычном
 Погаси фонари перепутай окна и начни
 Нон-стоп киносеанс про цвет четвёртый
 То ли чёрный то ли счастливый.

✦ ✦ ✦

Первый вагон с головы состава
 Отличается от всех остальных
 Пассажирам его кажется что они
 Принимают участие в управлении
 Составом нет не сомневайтесь
 Они знают что где-то там впереди
 Сидит машинист и его помощник
 Конечно они догадываются что уголь
 Бросает в топку кочегар но по крайней
 Мере они первыми видят и маленькую
 Станцию с сонным дежурным и озеро
 С которого разбегаются чтобы взлететь
 Стайка уток и замершую у самого
 Горизонта тревожную тучу пока
 В других вагонах смеются пьют
 Разговаривают о болезнях собирают
 Младшую дочку в школу кормят
 Мраморных гурами даже пишут

Важные статьи в первом видят
Ослика пережидającego у переезда
На нём мальчик с купленным
На городской ярмарке воздушным
Змеем видели бы вы как улыбается
Совсем молодой ещё
Отец.

✚ ✚ ✚

Посмотри что это чёрное над нами
Посмотри что это чёрное под нами
Приподними правую руку
Я уже поднимаю
Появится белое пятно
Пока не видно пушинка это или
Облако или Местная галактика
Вытесняющая Местную пустоту
Приподними левую руку
Я уже приподнимаю
На твоей возникнет свет
Подними выше точно
Небо солнца планеты
А теперь присядь
Я вслед за тобой
Вот земля песок вода трава
Начнём круговорот
Веществ и чудес в природе
Посмотри мне в глаза
Я уже смотрю в твои.

✚ ✚ ✚

На рынке продавали небо
Ясное солнечное подороже
Не меньше десятки за одну упаковку
А если в подарок то перевязывали
Бантиком за пятёрку
Зимнее снежное пасмурное
Совсем недорого три рубля
А оптом по два мама мама
Купи мне весеннее с капелью
Нет денег но оно же такое
Маленькое редкий товар возьмите

Последнее уступлю со скидкой
 Все почему-то берут осеннее
 С грязью и дождём берите скорее
 Своё весеннее а то пропадёт
 Обесцветится на полке ему бы
 В руки или за пазуху как котёнка
 Я сделаю все уроки получу
 Все пятёрки а небо весеннее
 Увеличилось схватило бантик
 И сигануло через забор
 Не догонит продавец не догонит
 Весь рынок даже мама
 Беги мчись спеши как можешь
 Может быть будущие древние
 Греки назовут твоё созвездие
 Небесный Мальчик.

Борис Гринберг

МОНОПАЛИНДРОМЫ

† † †

Туго меня пленали.
 Шор, канонов, законов запрет...
 Вела же (бежал!) — Евтерпа!
 Звон, ока звон
 она крошила, нелепя...

Не могут!

† † †

Я
 и
 не
 жив.
 Душе
 взыв
 о логике,
 вперив — суров —
 око оков,
 ору: — Свиреп век!..
 И головы взвешу движения.

† † †

Угасали по дням.
Если рукоплескать, то хоть так...
Сел, покурил семян, допил...
А сагу?

† † †

Бабе надежд же, да неба б!

† † †

обе нанижу лужи на небо...

СЛОГОВЫЕ ПАЛИНДРОМЫ

† † †

Я столь занят! Мало манят застолья.

† † †

Твой ли мотив простой
сточили смятеньем,
тень смяли чистотой...
простив молитвой.

† † †

Сначала память, за нею,
копошась, лица.
Листопад-занавес помят тоской:
плоти сухой — трупом... Трухой
плоской томят повес...
На Запад, столица!
Лишась покою,
не замять палача-сна.

Антон Сурнин

† † †

через реку
 через реку
 переехать если
 то
 рыбаки ко льду примёрзли
 завернув себя в пальто
 краем глаза глянув
 можно
 догадаться просто так
 что на них из лунки каждой
 ледяной косится зрак
 и — клянусь чешуйкой медной
 костью сломанной губы
 что брезентовые в небо
 страшно выставив горбы
 все они окаменели
 до верхушек головы
 как один
 оцепенели
 онемели
 все мертвы
 мимо них проходит время
 соль насажена на крюк
 и зима
 зима на свете
 оловянных ложек стук

† † †

Чтобы хлеб себе присвоить
 нужно рубль пятьдесят
 за прилавком, за прилавком
 притаилось молоко
 это хлеб и молоко
 Это кровь моя и тело
 я тебе их отдаю
 расскажи мне втихомолку
 что на кухонных задворках
 начинается река

† † †

На кухонном окне глухом
стеклянная ютится церковь
здесь солнца не бывает никогда
и время путается в чахлах занавесках
но всё же
мне слаще ладана сутулой кухни чад
и может быть
разделочные доски
икон милей
спасибо, Бог
за суп остывший в плошке оловянной
за полдень, разведённый кипятком
за соль последних зимних дней
за небо
и ещё
за тонкий ломтик хлеба
с пером зелёным поперёк

Виктор Іванів

† † †

Коньяк в стакане и на двор
Стеклянный лифт и тёмное окно
И смех надорванный задор
Весёлых дней когда в глазах темно

Весёлый говор если ночь не спал
О тех предметах радости что знал
Игрушечный проедет самосвал
По полу там где «Красная Москва»

А что предметы радости индус
И негритянин и преступный человек
И только если снова не проснусь
Под сенью новогодних ёлочек

Не можешь говорить не можешь есть
Не можешь спать и думаешь
Когда же снова сладкоеж
И сыроеж горит овечья шерсть

И в пламени в дыму где угорел
 Но откачали веселящий газ
 Весёлый шимпанзе был у горилл
 В гостях и он один из нас

✦ ✦ ✦

Куришь табак жёлтый листок
 Лодочку сделав рукой
 А из него не вымолишь сто
 Слов про город другой

Тень на стене птица и чёрт
 Лампа бросила тень
 Кто-то испуганно это прочтёт
 А поглядеть — лень

Плавала лодка вниз головой
 Берег другой качнув
 Только шагни на берег другой
 Лодку перевернув

Как закрывались твои глаза
 Слов не найдя ста
 Ночью на небе была гроза
 Лодка пришла пуста

✦ ✦ ✦

Это чёрной газировки
 Наливала по стаканам
 Мама это Кашпировский
 Нас с тобой заколдовал
 Видно это в море канул
 День где солнышком широким
 Нам годочки раздавал

Два годка и три уж тридцать
 А приходит в этот день
 В этот день к моей сестрице
 Вместе с солнышком мигрень
 Мама плачет повторяет
 Позабыла все слова

Ведь никто не проверяет
Нам тетрадки добела

А в тетрадках клетки буквы
И на каждый выйдет год
С каждой новою побудкой
С каждым утром веселей
Есть конфеты пить компот
Снова дулей незабудкой
Закрывается капот

Со щелчком и гул моторов
Нас с тобою унесёт
Словно бы парламентёров
С белым флагом бересклет
И затем с тобой мы систе
Так капитулированные
Чтобы всех сердец мясистых
Бошек бритых под ноли

Вспоминая забывали
И не знали никогда
Не тонули заплывали
Заплывали в невода
И теперь по красным будням
И по чёрным кратким дням
То что было позабудем
Только улыбнёмся вам

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

ПЕРЕВОДЫ

Ханс Фаверей

SUR PLACE

Снег идёт,

но снег уже не идёт.
Когда снег пошёл,
я подошёл к окну;

я водил себя за нос.

Примерно в то время,

как раз перед тем как снег
опять пошёл, всё медленней,
большими хлопьями,
должно быть, снег

перестал идти.

+

Вот моё наказание:

как меня нигде нет.
Волна пронырнувшая в меня
наполнила меня с головой
и я ничего не вижу.

Куда бы я ни пошёл где бы ни стоял

ничего не прибудет

ничего не убавится. Порой
скрипнет доска в полах;
или кирпича в стене, о-
кружающей виноградник,
коснётся лоза.

+

Когда ничего нет
когда уже не за чем
когда уже нечем,

прекращается само собой.
Пальцы покидают руку
и руку отпускают. Ноги
свободны — каждая своей
дорогой идёт и прахом. То, что

остаётся лежать, слово за словом
отменяется. Только ветер

ещё веет, пока и он
не иссякнет,
куда захочет.

+

Свободная как мрак —
там хранится то,
что должно быть забыто,

стоит багровая
цапля

и ждёт. Терсита
избили жезлом;
Филоктет хромая обходит
свой остров. А Сапфо — сама ли
бросилась в море; или она
столкнула себя со скалы.

Нет другого выхода

кроме этого: то же отчуждение
вечно, некогда, ещё до того,
как закрылась ракушка.

+

Я существую, значит, я лгу.

Только засуществовав, я
принимаюсь за то, что спряталось
потому, что я заговорил.

То там, то здесь,

на том или другом берегу,
морские или речные головастики,

я наклоняюсь, собираю камни
и бросаю их в воду, один
за другим: просто ради
всплеска — ради родного

соучаствующего меня.

+

Местá, куда уже не ступает
нога человека:
разве не любит их луна?

Изида, Селена —

Вот когда я думаю о ней,
и чувствую, как моего лица касаются
осенние нити; старея, пока не
постарею и я; и ключевой мох
по бокам

обрастает лежачего;

когда я произношу её имя,
и я, поспешив, ступаю сюда,
словно застыдившись.

+

В первый момент

я ещё не вижу смысла в предложении,
которое впитывает меня.
Какое предложение впитывает
меня. «Судя по стулу

который стоит возле пианино,

многого не требуется». Стул
повёрнут к пианино спинкой,
а через спинку перекинута моё

зимнее пальто. Судя по лицу

в зеркале заднего вида,
едва не единственное предложение
отражается в смысле, который
впитывает меня: пальто, пианино,

зеркало, и всё.

+

Самая красивая из птиц

что я видел — зимородок.
Но больше всего я люблю
бездельничать, ничего не делая

или забывая. Как только
я подумал об этом

я отклонился к источнику;

в поисках спичек истлела
сигарета. И сцифомедуза бывает
красива, когда плывёт в такт
моему дыханию; или обруч

перед тем, как упасть, или уже упав.

Во сне мы касаемся того
что пробудившись изменяется так
как и во сне не снилось.

+

Забвение не знает времени.

Вода не должна бы знать времени;
круг тоже не знает времени;
я не хочу знать, что такое время.

Так и Магомет покидает

всё тот же шатёр: заодно
с тенью, которая превращается

в павлина шагающего
к горе; медля, едва не
мешкая — Как

гора смотрит на море

сквозь всю печаль,
чтобы увидеть свою гибель,
пока не завечерело,

и ей всё равно.

+

Река

у которой я остановился, сперва
отклоняется на восток,
чтобы потом течь к морю,
на запад.

Какие-то движения, позы

выбирают моё тело,
испытывают моё тело;
допрашивают моё тело
и лезут ему в душу.

И, пока дорога растворяется,

колеблясь, во всех этих
тенях, кормящих её,
вода осторожно касается
моих губ — и я принимаюсь
пить.

Перевела с нидерландского Светлана Захарова

Дилис Роуз

Из книги
ТЕЛОДЕЛИЕ

КОЖА ФЛАВИИ

Кожа Флавии — барометр.
Обслюнённый поднятый палец
ловит верховой ветер;
космы водорослей, спутанных, влажных,
или сухих, выброшенных на берег; багровое небо
вечером или утром, линии на ладони,
петли на подушечках пальцев, выступы, впадины.

Кожа Флавии — её наказание,
зуд, трещины, мозоли,
волдыри, протечки, потёртости, складки; она нежна,
ненадёжна, враждебна,
когда нужно выглядеть на все сто,
она нарочно покрывается чешуёй,
точно шкура дракона.

Кожа Флавии — память:
родинка под коленом,
шрам на подбородке с того дня,
когда она выиграла в теннис у своей красивой кузины,
на пупке — автограф гинеколога,
укус москита на лодыжке,
сыпь; она не носит платьев с глубоким вырезом.

Кожа Флавии — пророчица,
глас неумолимого рока,
толстая и пористая или пергаментно-тонкая,
день за днём она предательски свидетельствует о бессилии,
отсутствии поверхностного натяжения,
вздутые вены синеют, извиваясь, — карта
сходящихся троп её крови.

АУРА ХИЛЬДЫ

Хильда видела всякие разные вещи
 странные, не те и не там,
 где им положено быть,
 вещи превыше надёжной правды
 правил, причинно-следственных связей, стол
 накреньялся и падал, обои
 распадались на фрагменты, стулья в столовой
 начинали брыкаться и бодаться.

Хильда видела всякие разные вещи:
 невероятно уменьшающихся кошек, кукол-убийц,
 звёзды среди бела дня, которые роятся, темнеют,
 тонут, как капельки масла в кипящих холмах.
 Иногда бывали и звуки:
 оперённое дыхание ангелов.
 Её пальцы покалывало: она волшебница,
 плетущая наговоры, заговаривающая себя.

Хильда видела всякие разные вещи,
 останавливающие её на путях её,
 и где-то на краю поля зрения,
 за мерцающим слепым пятном,
 взрослый голос спрашивал:
что ты там высматриваешь?
 И она, вообще-то правдивый ребёнок,
 обычно отвечала: *Ничего.*

Хильда видела всякие разные вещи,
 объективно не существующие,
 она знала, её видениям
 никто не поверит, поскольку
 остальным ни за что не проникнуть
 в её пульсирующую вселенную; туда,
 где на миг отворятся чертоги небес
 перед тем, как боль и недуг вступят в свои права.

СЕМЬ БЕСКОНТАКТНЫХ ДЕМОНСТРАЦИЙ

Первым был симпатичный мальчик, светловолосый,
 рано созревший. Однажды летом
 они играли в фанты на вещи, и он проиграл.
«Нарочно!» — шептались девчонки,
 пряча стыдливый румянец

за смешками в ладошку, кукурузными стеблями,
шершавыми, зацелованными солнцем.

Вторым — её первый парень, который,
стоя на мшистой скале под луной,
переодевался в плавки.
Ночь, купанье. Только они вдвоём.
Ночь была её другом. Темнота
Позволяла как бы и не заметить.

Третьим — бородач учёного вида,
Он остановил её на улице, сказал,
что проводит частный опрос для науки:
хотела бы она увидеть его эрекцию?
Нет. А ведь с виду такой приличный.
Она до сих пор иногда его встречает с женой и детьми.

Четвёртый — в стране сомбреро
показал ей это в церкви (барокко, позолоченные завитушки), она
услышала за спиной — *пссст... пссст!* Она обернулась —
и тут он распахивает пальто. Она не была
религиозна, но... *Во имя Господа*, — она прошипела,
— *как вы можете... здесь!*

В каком-то смысле пятый случай не в счёт,
поскольку она ничего не видела. Ночью в поезде
Триест-Любляна, под одеялом...
Горячий слизняк прижался к её руке.
Она еле выбралась из переполненного купе,
Вагонный патруль был хуже, чем бесполезен.

В шестой раз она, открыв дверцу такси, увидела,
что частник-таксист на своём сиденье ёрзает и пыхтит.
Скрипели пружины сиденья, руль трясся.
Было поздно. Очень. Шёл дождь. Сильный.
Он равнодушно сказал — извиняюсь.
И повернул ключ зажигания.

В седьмой раз их было двое.
Средь бела дня, в центре города
Они вроде бы окликнули её хором: «Эй, глянь-ка сюда!»
Но она как раз обдумывала, что бы такое
Приготовить к обеду. И только когда
Ей на глаза попала витрина секс-шопа,
До неё дошло, на что она недавно смотрела.

Кристина Кошель

ВЗЫСКУЯ МЛЕКА

ВСПЯТЬ

На цыпочках ты идёшь —
сердце своё несёшь на деревянной лопатке —
в детском платье уже истлевшем.
Говоришь на слепом языке всех тех
кому страшно по-настоящему видеть.
Скоро выпадешь из этого мира совсем —
прямо на неё.

ПРОТИВОЦЕННОСТЬ — I

На тропе ненастья мы родились
двуедины в этой ночи.

Твои глаза — над моими глазами
губы мои не спят возле твоих губ.

Небеснодалёк наш дом в Нигдеземье
от храма Каина.

ПРОТИВОЦЕННОСТЬ — II

Именем своим не позволяй торговать
сопротивляйся
образами
словами
звуком.

Ты крошка хлеба не видная никому
пока над людьми не взойдёт голод.

ПРАОБРАЗ: ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

По глубине корней её
вопреки всем годам засухи
измерять наше с тобой двубытие

ВЗЫСКУЯ МЛЕКА

Земнотварно —
шажками-касаниями —
обретают пищу
млекодобытчики:
глоток за глотком

Ступить на цыпочках
в ещё не поименованное:
отважный и не напрасный
пробный шаг —

а вот теперь
в минном поле *твоей* истории
будешь раздавать имена

Перевела с немецкого Татьяна Баскакова

Уильям Джеймс Остин

ПРОКЛЯТАЯ ЧАСТЬ

РЕСТОРАН В СОХО

потолок расписан бартольди

да, еда отменная

в обеденном зале
куча растений в горшках,
африканская музыка
и дерево

где пообедать?
постмодернистский вопрос
вместо «зачем»

верхушка дерева щекочет потолок —
барельеф и бартольди

элегантный посетитель
говорит о никарагуа, эфиопии, сараево —
его спутник пробует
кончик вилки

деньги растут на деревьях,
посмотри вокруг

бартольди смотрит сверху вниз

дерево обрастает —
так шумно,
я тебя не слышу

что заказать?
попробуй рёбрышки

подано верхнее звено
пищевой цепочки, мокрые
зубы и пальцы

столик обступает
львиный прайд —
многогато официантов
для бараньей грудки

да, хорошая еда возбуждает

ребёнок с яблоком во рту

да, дерево отменное

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

целый день дождь,
и вдруг прояснилось —
бродячие собаки,
смытые волной в подвалы
заброшенных зданий,
отряхиваются,
бредут по настилу
обратно в мир,
а верхушки деревьев пухнут,
и сумеречное солнце
горит в кустах
туч

весь вечер пламенные речи.
на 10-й улице революция клокочет
в устах активистов,
«на сей раз пожар!»
вверху, прибитые, точно
искры к углям, три горячих медальона разукрасили небо,
и вскоре плавильный котёл большой медведицы,
когда наступает ночь с сутенёрами и дешёвыми шляхами,
а сегодняшняя газета, охваченная огнём, гневно выступает

в мусорных баках

бесплотным голосом
против холода

за нового моисея

для начала представь, как мы сами завиваемся,
 белые на белом,
 всплывая из-под
 палой листвы

для начала хорошо.
 но всё не совсем так —
 с ломкого листа
 наш роман проясняется в обратной
 перспективе —
 мы возносимся —
 вот как,
 глядя вниз,
 удаляясь от призмы, «сквозь» которую видим
 её пятнистое тело,
 перекрашенное в жжёно-оранжевый гроб

мы называем труп «жмуриком»,
 а парную волну секса
 «жизнью» —
 всё не так просто, ваша светлость —
 той осенью её кровь смешалась с моей
 в глухом переулке
 у кирпичной стены,
 под зелёными божьими небесами —
 все наши цвета вспыхнули белым

я любил её разукрашенное тело —
 люблю до сих пор

АВЕНЮ СИ

белые облака над нижним ист-сайдом,
 наша новейшая вьюга.
 ваша светлость,
 почему здесь?
 в 2 ночи
 волки замёрзли,
 твой бумажник горит,
 как костёр

секс или наркотики.
 наркотики. не мудрено.

высокопарный жаргон —

«СНЕГ»,

«кристалл»,

«ангельская пыль»

словопады на авеню си
всегда разные,
сегодня выпало восемь дюймов

так дюйм за дюймом улицы утопают,
мёрзлая глотка зимы,
раздробленная семиотика,
которую мы превращаем в кашу —
вялая отрыжка сирены,
и вдруг барабаны из сквота,
голые фигуры вертятся у окна,

оттенённые облупившейся рамой,

старики в нахлобученных вязаных шапочках —

скоро, гласит городское объявление, всё это
пустят на слом —

в конце концов, с глаз долой

что же раскатывают символы —

побелку

разумеется, заторчим.
ничто в мёртвой божьей теплице
не вызовет зверя, притаившегося
во всех моих клетках.
всегда
что-то вне поля зрения
скрежещет зубами.
кто я, кем считаю себя,
слёзы в ночи

слово падает на каждый предмет.

а затем этот буран ощущений —

и впрямь глубоко

замело

А Т М О С Ф Е Р Н Ы Й Ф Р О Н Т

СТАТЬИ

Анна Глазова

СОБСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ О поэзии Григория Дашевского

1.

Когда А.Н. Веселовский начинает свою «Историческую поэтику» с неожиданной ссылки на римское право, он сразу и широко очерчивает территорию: «История литературы напоминает географическую полосу, которую международное право освятило как *res nullius*, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей». Веселовский не скрывает, что тот, кто называет себя учёным или исследователем — но также и просто читателем, — охотится на литературу как на дичь. Римляне считали, что животное или птица, попав в поле зрения охотника, перестаёт быть *res nullius* и с этого мгновения становится его собственностью. Так же и для того, кто входит в сферу литературы, важнее всего меткость. Ученики Веселовского оставили в стороне то, что один из них, Борис Эйхенбаум, назвал «этнографическим методом», но присвоили именно эту идею Веселовского — что нет других критериев, кроме силы присваивать то, что существует в ничейной сфере литературы. Устроив революцию против эволюции, они изобрели «формальный метод», который выносит за скобки собственность истории: литературный текст в нём всегда принадлежит сфере литературы, он отделён от своей истории. Литература и история относятся друг к другу так же, как грамматическое время к хронологическому. Таким образом формалисты очертили саму литературу как зону вне действия законов, присущих историческому пространству. Закон здесь такой, что, попав в эту зону, текст не принадлежит уже, строго говоря, ни определённой эпохе, ни жанру, а отдан на волю того, кто его найдёт и использует.

Формалисты освободились от исторического подхода, т.е. от хронологической логики, по которой у каждого автора стиль развивался от раннего до позднего, а каждая литературная эпоха вытекла из предыдущей, но оказались перед не меньшей, а возможно, и большей проблемой. Вместо литературно-исторического они очертили литературно-критическое пространство, о рамках которого судит теоретик литературы. Он здесь и собственник, и судья. Формалисты ввели право на литературную собственность и тем узаконили литературный канон.

* Я пишу во многом под впечатлением от эссе Михаила Айзенберга «Новая элегия», опубликованного порталом Openspace 25 июля 2008 г.

Сегодняшнее литературное пространство в большой мере по-прежнему устроено так. То, что называется «традицией», скорее не литературная история, а именно канон. Добавляя в него тот или иной текст, мы не меняем ни его границ, ни правил. А сама литературная история превращается в *res nullius*, в территорию, которая, как открытое море, не принадлежит никому. Ничья, она становится своя: собственная история.

2.

История должна быть притягательна для пишущих сегодня. В ней дуют ветры, как в тех портовых городах, которые когда-то звались свободными. Изменения всегда начинаются там, где нужда в них сильнее, и поэтому попыток освободиться от рамок канона нужно искать не среди литературно-критических или теоретических, а среди литературных текстов, причём таких, которые больше других подчинены законам традиции и канона. В таких текстах стремление отделить историческое время от грамматического не только доведено до крайности, но и — если получится — превзойдено. Поэзия Григория Дашевского полна именно таких проблем.

Ни себя, ни людей
нету здесь, не бывает.
Заповедь озаряет
снуть, лопух, комара.

Ноет слабое пенье,
невидимка-пила:
будто пилит злодей,
а невинный страдает,
побледнев добела.

Но закон без людей
на безлюдьи сияет:
здесь ни зла, ни терпенья,
ни лица — лишь мерцает
крылышко комара.

Заброшенный пустырь и середина лета, где-то рядом, наверное, болото, с которого летят комары: ничего особенного, привычный ландшафт. Но в комарином писке слышится песня, а в песне — чья-то боль, хоть и нет тут никого. И вот эта ничья боль и ничье пение склоняются перед законом, хоть тот и существует только сам для себя, не для людей. Вроде бы некому исполнять закон, пустырь пуст. Но так ли пуст? Ведь над чьим-то ухом вьётся комар, и кто-то говорит: «Здесь нет себя» — это звучит ещё страшнее, чем «оставь надежду». Может быть, говорит тот, кто изучил закон до буквы и узнал, что закон и страдание друг от друга не зависят, что закон не спасает от страдания и страдание не искупается законом. Говорит, не переступив закона, а только отпустив тонкую (как комариный писк) шутку, что закон не избавит от укуса комара. Но если так, где этот кто-то, если нет ни людей, ни себя? Непонятно, кто говорит, а ещё непонятнее — когда говорит и где.

Здесь и начинается уход за границу закона, который держит текст в пределах литературной сферы, в её «частной собственности». Закон сияет сегодня, завтра, вечно, вне зависимости от того, что кто-то рождается, умирает, страдает. Сквозь эту вечность прорывается голос кого-то, кто за сиянием замечает даже слабое мерцание комариного крылышка. Написанное целиком в настоящем времени, стихотворение по-настоящему открывается, когда становится заметно, что у времени три слоя: сиюминутное комариного писка, вечное закона и время самого говорения. Грамматические правила не нарушены, но переписаны. «Нет себя» именно объясняет, что время говорения не предполагает говорящего, здесь говорят без фигуры, без «лица», как и сказано в стихотворении. Речь идёт как бы от литературного пространства вообще: себя нет, но это же ещё не значит, что нет стихотворения.

Противостоя безличности, говорит само стихотворение, а говорящий словно отдаёт стихотворению голос, отвлекаясь от своего «я», хоть и не может от него целиком освободиться. Говорящий как бы становится чревовещателем. Через него стихотворение «говорит» — и время говорения хочется назвать «настоящее безличное». Услышать речь самого стихотворения нельзя, потому что нельзя выйти за пределы речи: у речи нет речи, потому что она сама — речь. Но её безмолвие даёт возможность говорить всем «я», «ты» и т.д., и даже всем «никто» и «ничто». Молчанием — человеческим эквивалентом безмолвия — поэт отвечает литературе; он солидарен с ней. Может быть, поэтому Дашевский пишет редко и мало. Он не хочет быть «частным лицом» и потому стремится к безличности; не хочет осуждать стихотворение на безвременное настоящее канона и потому хочет освободиться от вечности закона, изменить грамматическую форму. Его «я» — это не совсем правильное «мы»: «не мучайте мы», как говорится в другом его стихотворении. И именно благодаря этому у «безличных» стихотворений лицо, которое ни с каким нельзя спутать. Тот, кто знает, что от закона не уйти и безличности не достичь, знает и собственное лицо до боли. А оттого, что пытается найти новое настоящее время, кажется, что даже то, что написано в настоящем времени, либо уже ускользнуло, либо пока не сбывается.

3.

Если можно освободиться от канона, то изнутри. Большая часть стихотворений Дашевского — это «переводы» латинских стихов, точные по смыслу, но переименованные так, что их язык безусловно русский, а не переводной, в котором всегда есть примесь чужеродности. Такая совсем русская латынь на месте латинизированного русского была бы смешной, если бы не был заметен долгий путь от чужого языка к собственному: будто и сам русский обрусел, наскитавшись по чужбине. И если бы не говорилось с жёсткой серьёзностью каждое слово, даже каждый слог с досконально выверенной фонетикой. Но главное, что не позволяет назвать эти тексты переводами, — это изменённый тон, который накладывает новые оттенки смысла и переделывает формы стихотворения.

Понять лучше, чего Дашевский хочет достичь в своих «переводах», можно, прочитав его статью о римской поэзии, «Птица меонийской песни»: не потому, что он пишет стихи как научные работы, а потому, что думает о поэзии как бы со стороны, а не изнутри. В

этой статье он разбирает подтексты оды Горация, обращённой к Агриппе и Варию. Он указывает, что Гораций, как и многие поэты августовской эпохи, вкладывает в оду дополнительный смысл, доступный только образованному читателю. Скрытый смысл строится на аллюзиях и каламбурах, часто основанных на буквальном значении имён. Источник каламбура в оде, среди прочего, — имя Агриппы. Его латинское имя Гораций читает, как если бы оно было греческим, и смысл, возникший из такого созвучия («свирепый конями»), он вставляет — уже, разумеется, на латыни — в текст оды. Дашевский указывает, что «внешний» и «внутренний» смысл не противоречат друг другу, как часто утверждают исследователи, а дополняют друг друга.

Получается, что он следит за тем, как традиция при заимствовании римлянами у греков идёт не прямым путём перевода терминов, а подспудным. Имя и звук перетекают из языка в язык, формируя смыслы на границе языков. Такое перетекание смыслов вслед за фонетикой не похоже на этимологическую историю концепций, которую выстроил Хайдеггер и делал выводы о разнице между греческим и римским сознанием на основе различия таких, например, терминов как «ἀλήθεια» и «veritas». По логике, которую разбирает Дашевский, поэзия наследует не терминологию, а цвета и звуки языка, создавая смыслы не из словаря, а из живых ассоциаций. И вот такой перевод не по правилам, застревающий в складках между языками и вкладывающий в эти складки многие смыслы, он делает основой собственных текстов.

Только не смерть, Зарема, только не врозь.
 Мало ли что сторонник моральных норм
 думает — нас не прокормит думами.
 Солнце зарюет на ночь — ан дышит утром,
 а мы наберём с тобою грунта в рот,
 в дрёму впадём такую — не растолкают.
 Тронь меня ртом семижды семь раз,
 сорочью сорок тронь, семерью семь.
 Утром что с посторонних, что с наших глаз —
сорок долой и семью, тронь и меня:
 сплыли — и не потеряем, не отберут.

Основной подтекст здесь пятое стихотворение Катутлла к Лесбии, узнаваемое сразу и, тем не менее, изменённое до неузнаваемости. Говоря, казалось бы, то же самое, Дашевский меняет не столько смысл, сколько манеру речи, т.е. сам способ говорить — то, что Вальтер Беньямин, переиначивая схоластический «modus significandi», называет «Art des Meinens».

У Катутлла стихотворение начинается с жизни, а у Дашевского — с отрицания смерти. Не-смерть, конечно, уже жизнь, но она очень далека от того упоения моментом, который прославляет Катутлл*. Именно эта разница проникает и в тематику, и в фонетику. Если

* В предисловии к книге Г. Дашевского «Дума Иван-чая» Елена Фанайлова очень точно называет соотношение между этим «переводом» и стихотворением Катутлла «закрытием раны». Рана переносима — как стигма, — и хотя никого не избавить от смерти, чужую рану можно перенести и залечить на себе.

формулой катулловского стихотворения хочется назвать «carpe diem», то у Дашевского формула не «один раз живём» и даже не «помни о смерти», а, скорее, очень русское, непередаваемое «за смертью посылать». Так говорят о том, кого вечно ждёшь. Само слово «смерть», его звук, определяет фонетическую композицию — в ней преобладают «с», «м», «р» и «т». Катулл сравнивает смерть с нескончаемым сном, который противопоставлен смене дня и ночи, а в стихотворении Дашевского вечный сон безнадежно перемешался с жизнью: похороны солнца — узнаваемый по-русски образ, но неузнаваемо то, как оно просыпается утром, словно от клинической смерти. А «мы» — безликий «такой-то» и красавица из чужого стихотворения — дремлем, набрав земли в рот. И снова, из-за безличного говорящего, слово «мы» получается не совсем правильное, неясно, кто в это «мы» включён, а кто нет. Сложно однозначно истолковать, зачем «нам» земля во рту — затем ли, чтобы молчать, или потому, что проснулись в могиле и пытались дышать. Или, может быть, хотели научиться говорить с землёй во рту и пойти дальше Демосфена с его камнями.

И солнце, и «мы» запутываются в ничьей зоне между днём и ночью, и вечность перепутана с человеческой жизнью. В этой ничьей зоне и живёт-не живёт поэзия, время которой ведь и правда где-то между вечным и скоротечным: она переживает живущего, записавшего строки, потому что оживает только под взглядом читающего. В случае Дашевского как-то неуместно говорить об авторе и даже о так называемом «лирическом я». Голос, говорящий в его стихах, словно отклик духов, населяющих литературное пространство, а сам поэт — то ли медиум, то ли чрево вещатель, то ли герой, отгоняющий мечом тени от ямы с кровью. Но всё это слишком нагруженные красотой и героизмом образы, которых сам Дашевский не стал бы примеривать на себя. В пояснительной записке к «Думе Иван-чая» он объясняет, что с некоторых пор перестал писать от лица «идола», а пишет «общими словами». Именно на месте этого перехода от себя к общему в книге стоит «перевод» Проперция, в котором поэт молча слушает в темноте причитания тени умершей возлюбленной. Связи с миром оказываются разорваны, и о мире рассказывает только призрачный голос ушедшей. Этот голос и есть та граница постижения «лирического я», переступив которую, остаётся только слушать голос всех и никого: vox populi. Общие слова, которые этот голос произносит, в чём-то похожи на газетные новости, но голос рассказывает как раз то, что в новости не попадает: страхи и страсти, пережитые изнутри. Этот ничей, но всё же внутренний голос слышен и в стихотворении «Имярек и Зарема», а общее место, из которого он доносится, — это литературное пространство.

Из общего места, где всё моё — твоё, где всё — «наше», Дашевский берёт у Катулла время. У Катулла отсчёт ведётся не часами, а поцелуями, и человеческое тело становится мерилем живого времени, которое только и имеет смысл, в отличие от механического времени встающих и заходящих светил. Нужно сбиться с автоматического счёта, чтобы время растянулось в другую вечность — вечность настоящего момента. Время у Катулла горит — как говорят «горящее дело», т.е. срочное, и живые торопятся жить. У Дашевского же неопределённость вечности и смерти делает течение времени и речи тяжёлым, как остывающая лава у подножия вулкана. Смерть растянута во времени, и жизнь мучительно длится. Дашевский, вслед за Катуллом, сбивает счёт, но сбивает и синтаксис: «Утром что с посторонних, что с наших глаз — / сорок долой и семью, тронь и меня». Что-

бы никто не увидел, в «с глаз долой» вклиниваются обрывки счёта, следы прикосновений. Прикосновения ртом ведь не только поцелуи, но и слова, сказанные ртами, полными земли. Сбиваясь со счёта и с речи, «мы» повторяемся, натываемся на собственную речь. Цитата — слово, взятое без разрешения; здесь цитатой взят не только текст из литературного пространства, но и слова из собственного стихотворения. Происходит неслыханное — автор цитирует сам себя в том же стихотворении, которое цитирует. Стихотворение в самой своей форме, а уже не теме, как у Катулла, рассказывает, как сбить себя с толку; стихотворение как бы пожирает собственную плоть («собственное сердце откушу» сказано в другом стихотворении). Речь в стихотворении запутана, потому что рот, его произносящий, полон слов самого стихотворения.

Мы привыкли вести отсчёт времени неделями, т.е. седмицами. Эти седмицы, «семерью семь», соперничают с катулловскими тысячами и сотнями. Но они соперничают и с бесконечностью: сорок сороков — это неисчислимо много. Эта путаница в числительных и сам способ говорить, немного искажая — «сорочью», — выделяет это числительное, сорок, и так в русском языке по не совсем понятным причинам обособленное, заменившее более старое «четыредесятъ». Из способа говорить, искажая катулловскую и собственную речь, получается, что «сорок» как раз потому и образовано не по правилам, что с него сбивается счёт. То есть, на место исторической этимологии приходит история, рассказанная в стихотворении. Попытка освободиться от безвременья литературы даёт начало поэтическому — взамен исторического — летоисчислению. Время перевода Катулла становится тем нулевым годом, от которого идёт отсчёт: имя Зарема указывает на «Бахчисарайский фонтан», а ведь как раз Пушкин ввёл Катулла в русскую литературу. Уже не Лесбия с Катуллом, а русский и латынь сплетают языки.

Темень — тьма тем — рождает сорочь и семерь: перепутанный счёт и смешение языка случаются по ночам, когда «мы» можем говорить между нами, вдалеке от законов и правил, которым мы подчиняемся днём в общественных и на рабочих местах. Ночью, когда «мы Луне подчиняемся / мальчик мы или девочка», на перекрестье сна и бессонницы, сон путается с явью, жизнь со смертью, тьма с ясностью мысли. «Мы» оказываемся в единственном числе, каждый один, но всё-таки вместе, связанные законом притяжения и об этом законе помнящие. Это общее «мы» связывает всех живых и мёртвых на земле, и даже марсиан, которые не научились склонять это самое «мы» и выдают на допросе тайну, что на Марсе смерть. И близнецы-«мы» в животе у «фрау» говорим пока на общем языке, и неважно, что когда-то потом «мы» выучим немецкий.

«Мы» у Дашевского ясно чувствуем, что ни живы ни мертвы, а вокруг ночь, которая из-за «нашей» вселенской общности представляется такой же вселенской. В её темноту вглядывается тот, кто ждёт утра. В тёмном шестистишии некто одноглазый лишает себя зрения:

Чужого малютку баюкал
возьми говорю моё око
возьми поиграй говорю

Уснул наигравшись малютка
и сон стерегу я глубокий
и нечем увидеть зарю

Видно, ночь совсем помрачила его разум, если он отдал единственный глаз для минутной игры. Он дважды циклоп, обманутый не Одиссеем, а собственным бессонным умом. Но в его тьме — слепоте — может всё-таки быть и смысл, и ясность, как в игре ребёнка. Гераклит, названный Тёмным за непроницаемость мысли, говорил, что время — это дитя, играющее в кости, и ещё он говорил, что ночь не отличима от дня. Общее «мы», от не-лица которого говорит поэзия Дашевского, не исключает ни тех, кто ушёл в катуловскую единую, бесконечную ночь, ни тех, кто не пришёл из гераклитовской ясной ночи, из которой рождается эон. Настоящее время для «нас» длится сейчас, связывая живущих.

4.

Слова, твёрдые, точные и сжатые, отобранные без разрешения у детей и прохожих, как будто заново становятся словами нашего языка, а язык ведь как раз и есть то, что переживает нас и времена и не теряется в переводе. Рассказанное голосом неопределённых «нас», т.е. общим голосом, поэзия «говорит» из общего места литературы и помогает «нам» «сплыть» туда, где нашу речь никто не возьмёт, где «не отберут». Пусть от себя не уйдёшь (а значит, сколько ни своди себя на нет, всё равно будешь говорить от собственного лица), в стихотворениях Дашевского мерещится призрачный голос, который рассказывает историю своих и чужих текстов: собственную историю и собственно историю. Здесь уже не литературное пространство становится той свободной зоной, в которую ходит охотиться читатель, а поэтическое время превращается в *res nullius*, из которого каждый волен начать отсчёт.

ВЕНТИЛЯТОР

ОПРОСЫ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Вопрос о том, где проходит граница между стихом и прозой, на протяжении доброго столетия занимает умы теоретиков, авторов и читателей. В науке конкурируют два основных подхода: один, строго формальный, рассматривает в качестве стихотворного любой текст, записанный «в столбик», потому что в результате речь оказывается принудительно разбита на особого рода отрезки — стихи; другой, восходящий к Тьянянову, понимает стихотворность как зависимость смысла (значения) от звука (прежде всего, от ритма). В эссеистике, в том числе и у самих поэтов, вокруг обособления стиха от прозы могут возникать самые резкие декларации и причудливые метафоры в конечном счёте апологетического характера. Возможность перехода этой не вполне уловимой границы также находится в зоне постоянного внимания профессионалов и любителей литературы, но чаще всего ограничена самыми незатейливыми и основанными на культурных мифах трактовками, будь то прозаизация стиха, понятая как вторжение неприятных тем и сниженной лексики, или поэтизация прозы, понятая как введение рифмы и размера в записанный в строчку текст.

1. Насколько проницаемой видится вам граница между стихом и прозой в сегодняшней (и, в частности, русской) литературной практике? Какие примеры из настоящего и недавнего прошлого вы могли бы привести, говоря о влиянии стиха на прозу и vice versa? Чем могли бы, на ваш взгляд, обогатить сегодняшняя проза и поэзия соответственно поэзию и прозу завтрашнего дня?

2. Можно ли, на ваш взгляд, говорить об особой пограничной зоне — «поэтической прозе»? Какова мера её самостоятельности и перспективы развития?

3. Как решается коллизия «стих vs. проза» в вашем собственном творчестве? Если вы работаете в обеих областях, то насколько сходен процесс работы, насколько различны используемые навыки и возникающие сложности, насколько опыт в одной из сфер помогает занятиям другою? Если вы не пишете прозы, то почему и насколько это сознательное решение (не хочется или не получается)?

Валерий Шубинский

1. Граница сохраняется — что само по себе любопытно. В принципе идея о том, что поэзия как особая форма словесного искусства в современной актуальной художественной практике более не существует, одно время витала в воздухе, но высказана так и не была. Дело, видимо, в том, что оксюморонного рынка «актуальной некоммерческой литературы», в отличие от рынка «актуального некоммерческого искусства», не сложилось, а мас-

совое сознание Нового Времени всегда нуждалось в различении «стиха» и «прозы». И потом, поэзия на Западе в последние десятилетия была, кажется, в целом гораздо более элитарным ремеслом, чем проза, — в том смысле, что образ «поэта» в общественном сознании воплощают авторы на порядок более сложные и менее востребованные читательской массой (достаточно сравнить Дилана Томаса, раннего Теда Хьюза, Пауля Целана... ну, хотя бы с Голдингом или Грассом). В России всё несколько иначе. Жёсткая граница между поэзией и прозой была обязана своим существованием установке на «звучащее слово», связанной с особенностями бытования поэзии в андеграунде. Эта инерция действовала до недавних пор, сейчас же тенденция к слиянию поэзии с прозой в общемировом масштабе, кажется, ослабела.

Стихи всегда влияли на прозу. Это универсальный принцип культуры. Русской психологической прозы второй половины XIX века не было бы без романтической элегии, например. Проза символистов — проекция их стихотворческого опыта, обзривуты тоже начинали со стихов. Это неравенство отражено даже в языке: почти для любой прозы «поэтичность» — комплимент, тогда как поэт если «гонит сквозь прозу» свой стих, то лишь для освобождения скрытых в ней поэтических потенциалов.

Тем интереснее противоположное влияние, которое бывает очень редко: скажем, той же русской психологической прозы на лирику ранней Ахматовой. Очень интересный сюжет — взаимовлияние «короткого ленинградского рассказа» 1960-х (Грачев, Голядкин, Марамзин, ранний Вольф и пр.) и «ленинградского верлибра» того же времени (Геннадий Алексеев, Сергей Кулле, некоторые тексты Сосноры).

2. В русской традиции «поэтическая» проза, то есть ритмически и интонационно организованная на микроуровне с интенсивностью и сложностью, характерными для стиха, распространена широко (от Андрея Белого до Саши Соколова), но жанровой самостоятельностью не обладает. Очень интересно, что происходит при рецепции русской культурой «французского стихотворения в прозе»: в результате получаются либо несомненные стихи («Александрийские песни» Кузмина, написанные под впечатлением «Песен Билинис» Пьера Луиса), либо несомненная проза (известные опыты Тургенева).

3. Я пишу либо вполне «конвенциональные» стихи, либо достаточно экономно организованную прозу (чаще non-fiction). Эти две сферы связаны (иногда) только общим биографическим материалом. Но и глубина, и методы его переработки слишком различны.

Татьяна Щербина

1-2. Слово в стихах «весит» больше, чем в прозе, в нём время течёт иначе, оно сжато, даже если это нарративные стихи. Потому когда стихотворение пустое, оно кажется бесконечно долгим, как сидение в очереди. Проза — это скоростной (если история захватывает) поезд. У прозы есть рельсы, стихи — это неожиданный путь. Поэтическая проза должна быть короткой, в объёме романа её трудно одолеть. Пример поэтической прозы — Иличевский. Стихи практически всех «молодых» поэтов имеют генеалогией прозу, а не поэзию. Проза и поэзия поставили себя на место друг друга и изменились. Идеально — когда в повествовательную прозу инкрустированы поэтические строки (не в смысле в столбик, а в смысле — другого течения времени). Если стихотворение записать в строчку, оно не станет рассказом или мини-рассказом, и наоборот. Хотя многие современные стихи я воспринимаю как прозу, записанную столбцами.

3. Пишу прозу, чем отличается от того, как пишутся стихи, сказать не могу, но отличается. Хотя бы тем, что всякий прозаический текст (эссе, повесть) можно задумать и осуществить, а стихи не поддаются программированию. Опыт прозы на стихи повлиял. Когда прозаический текст закончен — это освобождение, законченное стихотворение — состояние счастья. Если нет, оно кажется сомнительным.

Павел Жагун

1. Основное отличие между стихом и прозой — наличие для автора в его произведении «тёмных мест». Стихотворение есть полностью непроявленное пространство, в то время как прозаическая структура выстраивается по изначально заданной схеме и состоит уже из некоей истории: продуманного каркаса, перепонки, балясин, на которые нанизывается «мясо» будущего текста; исторически в прозе этот приём легален и проверен временем и не вызывает отрицательных эмоций при прочтении, в отличие от подготовленного стихотворения, где заполняются пустоты между рифмами, что для искушённого любителя поэзии видно невооружённым глазом и воспринимается как хронологическая и эстетическая подтасовка. Основным прозаическим приёмом является некое толмачество, растянутость повествования во времени, в то время как поэзия выстроена на абсолютно ином по скорости монтаже, при этом изобилуя не меньшими подробностями. Наличие же «поэтического вещества» облагораживает прозу, придавая ей совершенно иной уровень качества, которое мы находим, скажем, у Милорада Павича.

2. Поэтическая проза существует не первое столетие и является весьма интересным и бесспорно необходимым жанром письма. Этот опыт, на мой взгляд, весьма полезен и для поэтов и для прозаиков, поскольку учит и тех и других свободе: поэтов свободное письмо отучает от «тарабарщины», без которой иной стихотворец не способен написать ни строчки; в свою очередь — размазанная (по привычке некими прозаиками) на тарелке остывшая манная каша «прозы», к удивлению самого писателя, внезапно приобретает вид Эйфелевой башни.

3. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что противостояние поэзии и прозы — бессмысленно, мало того — пагубно для литературы, и только при овладении этими двумя жанрами возможен положительный творческий результат.

Дмитрий Голышко-Вольфсон

1. Безусловно, конструктивные границы между поэзией и прозой после модернистского (и постмодернистского) их размывания сегодня смотрятся расплывчатыми и нечёткими. Более того, принцип их различения нередко чисто «назывной»: мы дифференцируем стих и прозу, полностью доверяя авторским характеристикам и самоманифестациям. Разделение поэтического и прозаического, кроме того, основано на функциональности конкретного произведения — на какой сегмент книжного рынка оно ориентировано, какой сектор читательской аудитории интересует в первую очередь, как оно встраивается в издательскую политику и какой критический отклик оно претендует вызвать внутри той или иной компетентной среды. Условную автономию стиха и прозы сегодня существенно поко-

лебало массовое распространение электронных телекоммуникаций и глобальной сети Интернет. Рост популярности социальных сетей, навязывающих специфическую стилистику общения, а также легализация Интернет-графомании привели к тому, что стихи и проза гибридизировались в одну сферу свободного, подчас анонимного сетевого творчества.

В современном русском контексте куда актуальней исчерпанного «конфликта» между поэзией и прозой видится мне напряжённое противостояние между большими и малыми прозаическими жанрами, решающими разные эстетические и социальные задачи. Большая романная форма, попадающая сегодня в фокус внимания крупных премий — Нацбеста, Букера, Большой книги и т.д., отражает изоляционистские, нередко националистические настроения, подготовленные идеологией «суверенной демократии» и присущие читателю с правыми, консервативными и фундаменталистскими взглядами. В такой ситуации именно малая проза, в особенности эссеистика, оказывается зоной эстетической и этико-политической автономии, где смелый формальный эксперимент сочетается с отставанием индивидуальной социальной позиции или поиском метафизических откровений. Среди ярких и своеобразных примеров современной эссеистики бросаются в глаза лингвоцентричная «поэтика памяти» Аркадия Драгомощенко (сборник «Безразличия»), культурно-символические бриколажи Александра Скидана («Критическая масса» и «Соппротивление поэзии»), полемическая Интернет-публицистика Андрея Левкина и Елены Фанайловой, автобиографическое письмо Шамшада Абдуллаева и Александра Уланова, экзистенциальная притчевость Марианны Гейде (книга «Мертвецкий фонарь») и многое другое. Заметим, что почти все перечисленные здесь имена — это и активно практикующие, известные и признанные поэты.

Значит ли это, что интенсивным содержательным и языковым экспериментированием в современной русской прозе заняты авторы, обладающие статусом новаторов или даже революционеров поэтической речи? Похоже, что так, хотя ситуация может измениться в любую минуту, когда большая проза произведёт столь востребованный сегодня текст, возвращающий ей утраченную миссию критического реализма. Пока инструментом языкового поиска, критической рефлексии и социального анализа остаётся сжатое и лаконичное эссе, ускользающее от категориальных определений и обращённое в будущее благодаря своей неопознаваемости в качестве привычно знакомого литературного продукта.

2. Честно говоря, термин «поэтическая проза» представляется мне надуманным и необязательным. На мой взгляд, он не обладает значительной степенью проработки в историко-филологическом научном знании. Он недостаточно операционален в критическом дискурсе. Кроме того, он часто употребляется подобно полуграмотному клише, не столько способствующему интерпретации текста, сколь затрудняющему его адекватное понимание. Каждая культурная эпоха, метастиль или направление предъявляют свои требования к структуре прозаического высказывания, заставляя его быть в большей или меньшей степени поэтизированным (наделённым признаками поэтической речи) и предопределяя, тем самым, господствующий повествовательный канон. Таким образом, правомерно говорить о факторах *поэтизации прозы* и *прозаизации поэзии* (варьирующихся от эпохи к эпохи и от стиля к стилю). Такой необязательный гибрид, как «поэтическая проза», обычно является либо произвольным допущением, либо псевдонаучным штампом.

3. Так исторически сложилось, что я на протяжении уже почти двух десятилетий занимаюсь художественной и литературной критикой, то есть междисциплинарными формами прозаического письма. Но моя программная установка — это кардинальное разделение

поэзии и критики как принципиально несовместимых видов творческой и дискурсивной работы. Для меня важно существование в разных профессиональных амплуа, которые не должны совпадать, а могут только тематически и стилистически перекликаться, да и то в отдельные, редкие моменты. Здесь моя точка расхождения со многими моими коллегами, как в России, так и на Западе, расценивающими поэтическую и критическую практику подобно двум сторонам единой эстетической деятельности, одного универсального *эстезиса*.

Связано это с тем, что поэзия для меня является работой с *раскалённой и расплавленной* фактурой языка, постоянно изменчивого, осваивающего свои тематические пределы и ресурсы новизны; критика представляется мне работой с точными и выверенными фигурами мысли, исследующей свой понятийный инструментарий и собственную культурную состоятельность. Даже если критический язык возьмётся за анализ поэтического письма, всё равно они останутся оппозиционными в плане отношения к реальности: критика производит её диагностировку и систематизацию, а поэзия — подрыв или отчасти стирание. В этом ракурсе поэзия и критика для меня противоположны как две стратегии описания (и построения) реальности: критическая стратегия отстранения и поэтическая стратегия влипания. Собственно, меня занимает та фаза поэтического, когда поэт, влипнув в бесконечную процессуальность языка, утрачивает критическую оценку реальности и начинает переживать её саму как бесконечный и безостановочный кризис — кризис языка и сознания, времени и социума, кризис самого поэтического, что потенциально приводит к эффекту новизны, уникальности и подлинности.

Андрей Тавров

1. Проза и поэзия — это два разных способа дышать, двигаться и видеть. Поэзия держится на сгущении — можно сказать, что это первоначальное яйцо вселенной, в котором та присутствует полностью и в сжатом виде, ещё не развернувшись. Причём присутствует с пространством, тремя временами, началом, концом, Гомером, Паундом, Пушкиным, Аттилой, Башмачкиным, Христом и Гитлером. А равно и с их возможным отсутствием. Вообще со всем, что в ней потом произойдёт, и с тем, что могло бы произойти, но не произошло и всё равно в этом первоначальном сгустке содержится. Это материал и тема поэзии. И если внимательно читать первые стихи Библии, повествующие о сотворении мира, то можно увидеть, что оно происходило на ритме и в рифму. Достаточно наложить первые три дня творения на вторые три дня, и вы увидите, как они рифмуются — суша со зверьями, вода с рыбами, а солнце со светом.

Поэзия всегда завязана на троп — метафору, даже если внешне, формально этого не заметно, как в китайской, например, поэзии, которая от этого не перестаёт быть насквозь метафоричной. Ибо в метафоре всегда есть «мёртвая зона» между одной частью метафоры и другой — пространство бесконечных вариантов, безымянное внесловесное Нечто, в котором всё возможно — материал предбытийного яйца, откуда метафора черпает силы для безумия быть. Этот материал, в котором есть всё одновременно и всё является всем — в каком-то потрясающе радостном своём детском свойстве, — и есть материал поэзии.

Проза — это описание уже развернувшегося мира, мира, уже вышедшего «из яйца», в котором установились пространство, время, история — и всё это существует не одновре-

менно, а последовательно. Метафора для неё не формообразующий, а строительный материал. Грубо говоря, приём прозы — описание, рассказ. Поэзии — оглядка на предсуществование.

Поэтому граница между поэзией и прозой, конечно, существует; стихии можно смешивать, но море всё равно не смешается с берегом, хотя, конечно же, может его пропитать, и тогда получится Сиваш, глина. Но всё равно это смесь условная.

Василий Аксёнов пишет смешные стихи, вставляя их в свою прозу, но это скорее хохма, чем приём. Вообще смешать не получилось, разве что в «Петербурге» Белого или в «Улиссе», но там эти две формы всё равно не смешиваются, просто не мешают друг другу, что случается непостижимо редко.

2. «Поэтическая проза» — манит своей необязательностью, отсутствием дисциплины. Любое «три в одном» всегда по качеству хуже того же самого в варианте «одно в одном». Сейчас век перформансов, когда авторы не выдерживают белого накала жанра и предпочитают коктейль, идя на поводу у деградирующей публики. Это игра на понижение. Хочется вспомнить Бахтина, который писал о том, что жанры вечны. Другими словами, канонические формы и жанры возникли не случайно и являются по своей функции способом улавливания энергии — речевой и духовной. Жанр, канон — это термос, в котором энергия хранится без потерь. Перформансы её пропускают как щекотку, как воду сквозь пальцы, они одноразовы, как некоторые функциональные вещи гигиены. Движение литературы может быть плодотворно, если не искать коктейли, а идти в канон до тех пор, пока не исчезнет сам автор, пока его проявление в этом каноне не станет сверхлично, космично. Такие стихи обычно называют «народными». Автор стал анонимен. Думаю, что поэтическая проза никогда не добьётся такой высоты анонимности, какую демонстрируют «Выхожу один я на дорогу...» или «Нынче ветрено...».

3. В своей прозе я использую большие поэтические куски, которые регулярно выбрасываются редакторами при публикациях. Я их понимаю — они чувствуют «ненужное усилие» при переключении с одной формы существования на другую. Хотя то, что они делают, — глупость, но в принципе в период игры на понижение они интуитивно чувствуют, что лишние усилия читателю не нужны. Проза может подготовить напряжение, от которого родится стихотворение. И всё же это — дополнительное усилие, пересадка на поезд, идущий в другую сторону, и общение с другой компанией.

Александр Уланов

1-3. Граница прозы и стиха выглядит не только очень размытой (огромное количество пограничных явлений — метрическая проза, верлибр, тексты-композиции из стиховых и прозаических фрагментов и т.д.), но, наверное, и менее актуальной, чем ряд других (повествовательность/фрагментарность, прямое высказывание/ассоциативность и т.д.). Проза и стихи у Драгомощенко, Ивана Жданова, Шамшада Абдуллаева и ряда других авторов построены по сходным принципам и должны восприниматься как единый «текст» данного автора (в таком же смысле, как, например, Д.Сегал предлагает считать единым текстом произведение Мандельштама). О поэтической прозе не просто можно говорить — она, с её концентрированностью, пластичностью, наблюдательностью, является одной из наиболее живых и перспективных областей. Андрей Левкин, не пишущий стихи, гораздо больший поэт, чем очень многие, таковыми считающиеся.

Стих, в его обычном понимании, концентрированнее прозы. В прозе несколько сильнее доля связности, что позволяет достаточно долго удерживать взгляд на чём-то, выбранном к рассмотрению (и в то же время мешает этот взгляд отвести и установить новые связи). Проза, видимо, более приспособлена к рефлексии (отсюда размывание и других границ, между «художественной» прозой и эссе, fiction и non-fiction). Представляется, что писание и стихов, и прозы (а также эссе и занятия переводом) весьма желательно для любого автора.

Можно предположить также, что, если текст строится по монтажному принципу («композиция»), размер единицы монтажа (синтагма? несколько абзацев?) зависит скорее от длины текста, а не от того, стихи это или проза.

Александр Белых

1-3. Проза и поэзия отличаются типом мышления. Прозе больше свойственна стратегия, поэзии — тактика. Проза вещь пространственная, горизонтальная, линейная; поэзия — вертикальная, вихреобразная, воздушная. Там, где пересекается «горизонталь» прозы и «вертикаль» поэзии, происходит нечто невероятное. Таких встреч случается не так много в литературе, и потому произведения такого рода выглядят маргинальными, если они не шедевры. Из нашего вспоминаются «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева, симфонии и романы Андрея Белого, стихи в прозе Ивана Тургенева, «Граф Нулин» Александра Пушкина, «Тарас Бульба» Николая Гоголя; из чужого в последнее время открыл поэзию Джона Апдайка, столь прозаическую по теме и исполнению. Соблюдение чистоты жанра по большей части представляется участью ремесла и ремесленников. Нарушение жанровых границ, причём такое, когда не видно следов нарушения, является единичной художественной акцией. Результатом может стать как артефакт, так и шедевр. Как правило, мы говорим о нарушении, если вещь получается экспериментальная; если же выходит шедевр, то говорить о нарушении не приходится, однако о норме и перспективе тоже. Ремесло ремеслом, артефакты артефактами, шедевры шедеврами. Вот три категории произведений искусства. Из всего этого развивается, пожалуй, только ремесло. Артефакты всегда экспериментальны, шедевры всегда случайны. Мои художественные опыты начинались именно с нарушения: что из этого получилось, трудно сказать. Смешивать типы мышления для меня привычное дело, ибо я ощущаю себя автором пограничной ситуации и времени, и места, и культуры, и сексуальности, и географии, и воды, и земли, и воздуха, и огня, Инь и Ян... Быть алогичным, как поэт, в прозе и логичным, как прозаик, в поэзии. Проза проникает в поэзию, а поэзия в прозу, ибо в Дао нет границ между интуицией и логосом. В этом смысле для меня нет деления прозы и поэзии. На мой взгляд, древний жанр японской литературы «дзуйхицу» (нелинейное и несюжетное поэтическое повествование в прозе) воплощает в себе свойства того и другого.

Сергей Соловьёв

2. Говоря наивно: это проза, которая читается как поэзия. Или чуть рискованней: поэтическое содержание в прозаической форме. Где под содержанием подразумевается пре-

жде всего поэтическое виденье; нелинейность, ассоциативность, дискретность, не сюжетное, а образное мышление. И главное: единица измерения — слово, словосочетание, а не большие периоды, как в традиционной прозе, начиная с фразы (что говорит о писателе-стилисте) и далее — до размыва речевой ткани и ухода её на второй план.

То есть речь идёт о переносе внутреннего содержания, духа поэзии в сосуд прозы. При этом внешние признаки (рифма, размер, ритм, графика) не отбрасываются, а иначе и по-разному воплощаются — менее явно, более тонко.

Образцы — Гоголь, Саша Соколов. Беспрецедентный успех поражения — Андрей Белый. (Вульгарное принуждение прозы к стихотворному шагу.)

Из пограничных примеров между поэтической прозой и прозой поэта — Мандельштам, Соснора.

Думаю, что «поэтическая проза» (хоть имя дико) — высшее состояние прозы и возможный выход из формальной изношенности поэзии. Перспективы этого андрогина — и писательские, и читательские — крайне малолюдны и, похоже, таковыми останутся. Для читателя — в силу неразвитости навыка восприятия этого парадоксального симбиоза разнонаправленных векторов: поэзии (свёртывание мира в миг, в сейчас) и прозы (развёртывания в дальше, в потом). Для писателя — слишком узкий путь. В русской литературе настоящих прорывов на нём ничтожно мало, единицы. Влияние, отсветы их на литературный процесс — сложный вопрос. В целом, думаю, несущественное, а в частных случаях может быть и определяющим.

Мой опыт «поэтической прозы» — два романа, повесть и книга новелл.

Леонид Костюков

1. По-моему, стих и проза — это формы, типа форм одежды (мужская — женская). Между поэзией и прозой есть более глубокие, существенные различия. Если очень кратко, чудо художественной прозы — в возникновении новой реальности по ту сторону листа; чудо поэзии — в преображении языковыми средствами существующей «первой» реальности, настоящего. Стихи и... как сказать, чтобы оставить прозу там, где поэзия?.. допустим, строчка, «обыденная» речь — традиционные формы фиксации двух разных чудес. Добавлю, что в каком-то плане (нонфикшн) поэзия ближе к эссеистике. И поэты, пишущие прозу, склонны путать прозу и эссеистику.

Тем самым, различия фундаментальны и мало зависят от времени.

Влияние стиха на прозу — в языке. Иногда я читаю прозу и вдруг понимаю, что автор любит, например, Арсения Тарковского. Стихи аukaются в прозе. Влияние прозы на стихи по большому счёту минимально. Влияние кино и на стихи, и на прозу существеннее.

Чем обогатить? Странноватый вопрос... С собой. Но должен возникнуть спрос в будущем. Например, для многих сегодняшних молодых прозаиков было бы очень полезно знать прозу 70-х (Г. Семёнова, Н. Евдокимова, М. Ибрагимбекова и др.), а они и Трифонова не знают. Чем могли бы обогатить Трифонов и Окуджава сегодняшнюю прозу? Да своими произведениями — надо только их читать...

2. Чаще всего это малоудачный гибрид, когда преобразование мира в языке недостаточно интенсивно, а новой реальности не возникло. Т. е. недопоэзия и уж совсем недопроза. Другое дело — лирическая проза («Винни-Пух», повести Константина Сергиенко, некоторые рассказы Юрия Казакова). Но это 100% проза.

Возвращаясь к малоудачности — кажется, Битов писал, что когда поэт переходит к прозе, обычно итог хуже ожиданий, а стихи прозаика, наоборот, лучше. Впрочем, м.б., Битову просто хотелось в это верить. Ну так и мне хочется.

3. Я стихов пишу очень мало, но какой-то опыт есть. Если коротко — ничего общего. Опыт в двух сферах помогает импульсы стихотворения пробовать развивать как стихотворения, а импульсы прозы — как прозу. Т. е. не пытаться вырастить собаку из котёнка. (Хотя иногда и это продуктивно.) Если я в какой-то период не пишу прозу, значит, не получается. Хочется всегда.

Фаина Гримберг

1. Заметила, что в прозаических текстах, публиковавшихся, например, в альманахе «Авторник», то, что возможно назвать границей между поэзией и прозой, весьма зыбко; и авторы пишут и прозу и стихи, что — на мой взгляд — хорошо! О собственно прозаиках (не хочу называть имена, часто фигурирующие в премиальных списках и всем известные!) говорить неохота. Зачастую эти уверенные в себе авторы, многожды премированные, даже не утруждают себя элементарной аккуратностью, что ли? письма. Исключения редки (романы Михаила Шишкина, к примеру)... В сущности, ничего нового не происходит. Обычная борьба «поэтической прозы», то есть просто-напросто хорошо написанной, и прозы, написанной неряшливо и уже потому совершенно «непоэтической»! О завтрашнем дне — если будет доминировать так называемая «социально заострённая» или «новореалистическая» проза, то это и будет означать доминирование «непоэтической», то есть неряшливой прозы, авторы которой не чувствуют ритмической организации языка, да и вообще ничего не чувствуют...

2. Хочу повторить, что я понимаю «поэтическую прозу» просто именно как «хорошо написанную прозу»!

3. Сама я пишу прозу очень давно (лет с 11-ти, даже и раньше!); никакой разницы в процессе писания стихов и прозы не вижу. В обоих случаях ищешь основной ритм текста, отделяешь фразу... Но писание прозы похоже на бег на длинную дистанцию; должно хватить дыхания, дыхание должно быть длинное!..

Полина Барскова

1-3. На данном этапе размышлений и (самой себе) объяснений я решила, что граница между стихотворной и нестихотворной формами приходится на усмотрение автора. Если Пушкину казалось, что он писал роман, а Гоголю, что он писал поэму, значит, такой у них был договор с историческими контекстом и телеологией. Уже всё сказано о том, что два эти способа действия — стихи и проза — находятся во взаимнопаразитической связи, и никакая поэтика, даже декларативно, намеренно «приподнявшаяся» русская, не может развиваться без оглядки на прозаические пласты и стратегии.

Именно в этом сложном диалоге, построенном, однако, на разграничении, неслиянии, я вижу продуктивное, по крайней мере для меня, по крайней мере сейчас направление. Мне интересно производить над собой что-то вроде насилия, ощущая прозу стихом, поэтизируя её. Поясню: речь не идёт о введении в стихи «низкого словаря», об ущемлении

либо уничтожении формальных элементов, — тут уже всё — пройденный материал. Интересно именно манипулировать интенцией: например, коллажировать очевидно поэтические и прозаические фрагменты и наблюдать, как они отражают друг друга, как то, что в других условиях может восприниматься как проза, в сотрудничестве-соперничестве со стихом принимает его интонационные очертания и *vice versa*.

Эта динамика для меня вдохновлена, как ни дико, верлибрами Блока, Кузмина, Ходасевича. Допустим, «Смерть», очевидный гибрид блоковского дневника и городских стихов, настолько разительна именно потому что является *негативом*: в ней ощутимо *присутствует отсутствие*, допустим, рифмы и символического размытого фокуса. Именно из-за полнокровной связи с остальным корпусом его стихов этот текст сохраняет свою силу тяжести, не расплывается. Чтобы получилась какая-нибудь, допустим, бронзовая штука, её заливают в форму — вот именно такой эксперимент, заливание прозы в форму стиха (при этом под *формой стиха* можно понимать разные его составные части) меня сейчас и забавляет: температура прозы при подобных забавах должна быть очень высокой, а *форма стиха* заранее опустошённой, полой. (С последним на данном этапе развития нашей словесности по ряду причин проблем вроде бы нет.)

Валерий Нугатов

1-3. Думаю, что в сакраментальном вопросе различения стихов и прозы уместнее всего положиться на чутьё столь же сакраментального рядового читателя, который, как правило, безошибочно проводит такое разграничение. Точнее, он всегда прекрасно чувствует на слух, стихи перед ним или не стихи (когда «нескладно» и «рифмы нет»). Словом, во избежание излишней путаницы, я предлагаю считать стихами исключительно стихи в привычном понимании, т. е. для русского уха это, как нетрудно догадаться, рифмованная силлабо-тоника. При малейших сомнениях в том, что данный текст — *действительно* стихи, следует сходу относить его к расплывчатой категории «не-стихов». Разумеется, «не-стихи» не имеют прямого отношения к прозе, которой тоже предпочтительно давать классическое определение. В последнем случае чисто ритмический фактор не столь существенен: «настоящая» проза должна быть повествовательной, сюжетной и желательно разбитой на главы (ну и, конечно же, записанной в одну строку). Таким образом, все прочие (несюжетные, лирические, технические) разновидности прозы фактически следует отнести к разряду «не-прозы». Подчеркну, что «не-стихи» *ещё* не являются прозой, а «не-проза» *ещё* не является стихами, хотя данный вектор их движения порой отчётливо прослеживается («не стихи, а проза, да и дурная»). Для исследователя языковых и речевых возможностей именно эти две промежуточные категории текстов представляют повышенный и преимущественный интерес. Классическая форма стихов (равно как и прозы) давно стала частью массового сознания, это неживой, отработанный материал, и серьёзному исследователю там делать нечего. В наше время классические стихи и проза могут более или менее успешно служить исключительно развлекательным целям (именно развлекательный потенциал этих текстов является, по существу, единственным критерием их качества и эффективности). Гораздо интереснее с научно-исследовательской точки зрения всевозможными способами *коверкать* эту классическую данность (ни в коем случае не отменяя и не обесценивая её полностью), а потом внимательно следить за реакцией «неподготовленного» читателя, ибо в его лице реагирует непосредственное языковое сознание. (Перефразируя известную мак-

симу: главное — иметь наглость признать, что это не-стихи.) В своей поэтической практике я использую различные приёмы разрушения традиционного стихотворного идеала: унылые каталоги, нескончаемые перечни, раздражающие монотонные повторы и самоповторы, резкие перебои ритма, смысловые и грамматические ошибки, убогие или затёртые рифмы, однообразный или «неграмотный» синтаксис, издевательскую интонацию, суконную лексику и идиоматику, чрезмерную сниженную лексику и идиоматику, утрированные инвективы, коробящую агрессивную брутальность, стилистическую беспомощность, провокативные заявления, нарушения правил хорошего вкуса, «неоправданный» эпатаж, трети-рование читателя, натуралистические и бытовые подробности, вопиющие «банальности», штампы и клише, «медийные» речевые формулы и все виды вербальной трансгрессии. Однако фокус в том, что я подаю эти объективные недостатки под традиционным, давным-давно легитимированным «романтическим» соусом, т. е. заставляю их *работать в поле* освящённой веками высокой поэзии, что нередко вызывает праведный гнев и негодование поборников традиционной просодии, воспринимающих мою работу как «профанацию», «подделку», «кошунство» или в конечном, клиническом варианте — «заговор» против всей русской поэзии. Тогда как на самом деле речь идёт о трудном и кропотливом поиске новых, незатасканных и действительно жизнеспособных форм высказывания, наиболее адекватных нынешнему состоянию языка и сознания (как я сам его понимаю и воспринимаю). Если результат эксперимента не оставляет равнодушным и вызывает бурную реакцию (положительную либо отрицательную — неважно), значит, всё прошло успешно: удалось нащупать живое, большое, стыдное место и раздражить его. Можно передохнуть, дождаться, пока стихнут аплодисменты и залиvistый лай, и, собравшись с мужеством, методично двигаться дальше.

Александр Иличевский

1-3. При всей справедливости приведённых размыслительных формулировок, нащупывающих водораздел, — я выскажусь кратко. Многолетние размышления и эксперименты дали мне понимание, что главным здесь критерием является некий уровень критической плотности мысли и образа, непременно обе эти сущности должны быть вовлечены в идеальную прозу (хорошо бы ещё сюда добавить драму в чистом виде, но это редчайший случай, необыкновенно труднодостижимый). Ничего более: ни какой бы то ни было ритм, ни повторы, ни внутренние схлёсты — не есть показатель поэтической прозы. Таким образом граница если и нащупывается, то только в виде наличия точки фазового перехода, при которой сменяется способ записи одного и того же. Внимание, это очень важно: «одного и того же». Насчёт завтрашнего дня, — Алексей Парщиков писал: «Новая русская проза вся лежит далеко впереди». Таким образом, чтобы до неё дотянуться, нужно черпать в авангарде, на передовой словесного фронта — поэзии. Мне эта задача сейчас видится необыкновенно важной с точки зрения не столько текста как текстиля, сколько с точки зрения разработки метафор-структур, больших, живых кристаллов.

Гали-Дана Зингер

1-3. Самым кратким и исчерпывающим определением поэзии стала для меня знаме-

нитая формула лондонского метро: Mind the gap! Перевести её нелегко. Помни о зиянии? Не забудь о разрывах? Обрати внимание на интервалы? Имей в виду лакуны? Позаботься о бреши? Всё это в равной мере важно в поэзии, и дело совсем не в длине строк, не в ритме и не в рифме.

Важна та пропасть, которая открывается, приоткрывается или, наоборот, прикрывается каждым словом поэтического текста, своего рода gap in mind. Там, где проложено слишком много поэтических настилов, узнать сокрытые бездны становится затруднительно, там — по крайней мере, временно — возникает кладбище на болоте, своего рода Литераторские Мостки.

К прозе это точно не относится. Проза — в худшем случае перешагивает через бездну так, словно её нет и никогда не было, в лучшем — исследует её, пока достанет сил, прикидывая, как далеко до дна, иногда же, в случае наиболее отчаянном, проваливается в неё с головой.

Но она не ходит посуху, яко по воздуху, а по воздуху — яко посуху.

И в этом основное (а может быть, единственное) различие между поэзией и прозой.

Существует ли подобный описанному разрыв между поэзией и прозой? Должны ли мы о нём помнить? Можем ли через него переступить? Или между прозой и поэзией стоит глухая, непроницаемая стена? На этот вопрос я отвечаю себе иногда так, а иногда иначе, но чаще склоняюсь к тому, что между ними всё-таки стена — только не глухая и непроницаемая, а стеклянная, позволяющая видеть, вызывающая иллюзию зеркальности и потребность подражать и заимствовать, стена проницаемая, как зеркала Кокто, и, тем не менее, нерушимая, несмотря на свою кажущуюся хрупкость. Один шаг, и ты уже на другой стороне, то, что мыслилось как проза, — чистая поэзия, то, что писалось как стихи, — не стихи вовсе.

Я, как и господин Журден, изъясняюсь иной раз прозой, вот сейчас, например. И всегда помню бессмертные слова: «Всё, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза».

СОСТАВ ВОЗДУХА

Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах

Под редакцией Данилы Давыдова

Январь — июнь 2009

Геннадий Айги. Собрание сочинений.
В 7 томах. — М.: Гилея, 2009.

Впервые издаваемый семитомник Геннадия Николаевича Айги (1934–2006) представляется событием беспрецедентным. Перед нами — своего рода сквозной путеводитель по творчеству поэта, к тому же изданный так, чтобы тексты его не смазывались в восприятии читателя: даже самые минималистские тексты помещены на отдельных страницах. Впрочем, важно и то, что с хронологическим принципом совмещена целостность авторских книг, которые для Айги (не в меньшей степени, чем для Генриха Сапгира, но совершенно по иным принципам) были вполне целостными художественными конструкциями. Настоящее собрание нельзя считать полным: здесь мало прозы и эссеистики поэта, да и стихи представлены не в полном объёме. Однако сам факт появления такого издания — прорыв в понимании истинной иерархии русской поэзии конца XX — рубежа веков. Возможно, это станет стимулом для глубинного изучения творчества Айги в отечественном (а не только мировом — хотя подобный порядок и звучит парадоксально) контексте.

И — состояние / цветка одинокого — розы: / как неумелое: в несколько — будто — приёмов / объятье — младенца: / без обнимаемого.

Сергей АРЕШИН. Балахон: Стихотворения и поэмы.

Челябинск: ИД Олега Синецина, 2008. — 87 с. — (Серия современной поэзии «Неопознанная земля»).

Арешин — один из представителей уральской поэтической школы. Его лирика отражает целый спектр разнообразных влияний, сплавленных воедино исключительно брутальностью героя и натуралистичностью описания мира, что вообще в какой-то мере характерно для поэтов этого региона (например, для Александра Петрушкина, Андрея Санникова). Особо можно отметить влияние рок-поэзии (а через неё и литературы начала XX в.), сказывающееся и в словоупотреблении, и в некоторой надрывно-богоискательской интонации большинства текстов книги.

раздавленная неосторожность реки / «выпей» / выпей / мы встретимся под водою последнего сна... // «сколько на дне таких?» / не знай

Кирилл Корчагин

Глеб АРСЕНЬЕВ. Стихи и маргиналии II (от случая к случаю).
М., 2008. — 188 с.

Четвёртый сборник стихотворений (как верлибрических, так и регулярных) Глеба Ар-

Выпуски книжного приложения к нашему журналу (см. стр.268) в обзоры не включаются.

Д. Д.

сеньева включает тексты 1994–2008 гг. Для поэта характерны аскетически сухая, стоическая интонация и вместе с тем — склонность к нанизыванию впечатлений и наблюдений. Вторую часть книги составили «маргиналии» — разнородные заметки и записи.

*Сушь с утра до вечера / потрескалась
кожа земли / на позвоночнике дома / флюгер
нехотя вертится / чёрною смородиной / чад-
ные шмели*

Д. Д.

Александр БАРАШ. Итинерарий: Стихотворения.

М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 64 с. — (Поэзия русской диаспоры)

Четвёртая книга стихотворений израильского поэта московского происхождения (р. 1960). Поэзия деталей и подробностей. Наиболее интересными в этой книге видятся небольшие циклы стихотворений («Кофе у автовокзала», «Кастель», «Одноклассницы.RU» и не разделённое на части «На расстоянии одной сигареты»), где над тканью мелочей разных частных воспоминаний проступает высокое поэтическое напряжение, которое не может появиться без конфликта между стихами внутри цикла. Всё другое — не менее точно, потому что такая макрокомпозиция воспроизводится и в меньших по объёму текстах, например, в восьмистишии:

*В окне висит картина мира: //
кисло-молочный йогурт неба / направо то же
что налево — / опавших лип ретроспектива /
намокших крыш клавиатура / Всё это — и не
то, чтоб криво / а как-то так не слишком клё-
во // И тихо отъезжает мимо.*

Дарья Суховой

Как только открываешь книгу Итинерарий, из неё материализуется Собеседник. Сидит напротив и спрашивает: помнишь? «Стоячий кафетерий, мы туда сбегали из дому... кофе... за 28 копеек и пирожное за 22: картошка, тяжёлая и вязкая, на кружев-

ной бумажке, как в жабо». А сегодня «солнца ещё не было видно, но заря цвета зелёного яблока — вызревала за горой Кармель». Собеседник сразу выуживает читающего из быстротечного потока жизни: сам он будто никогда этим потоком не был уносим, а бродил, настаивал в себе слова, которыми должен застыть каждый эпизод — его и *общей нашей* жизни. «Мы сейчас — то, что будет называться “когда родители были молодые”». Бараш всегда примеряет *сейчас* на будущее — как оно будет выглядеть, как называться? — исключая из жизни и письма черновик: всё — путевой журнал, который невозможно переписать заново. Естественно, что книга называется Итинерарий, а не Путевой Журнал, потому что стилем ПЖ Бараш выбрал «средиземноморскую ноту» (название предыдущей книги), средой обитания тоже, но, бродя среди олив, он продолжает смотреть туда, где «новодел — внук беспредела», и сводить прошлое с будущим:

*Когда подход наш чёрный пёс, / я положил
окоченевший труп / в рюкзак, отнёс его и за-
копал / за дальней просекой. В какой-то но-
вой жизни, / когда я буду чист и бестелесен,
/ я прилечу туда, и старый пёс / поднимется,
привалится к ноге / и взглянет мне в глаза.*

Татьяна Щербина

Владимир БЕРЯЗЕВ. Ангел расстояния: Стихи последних лет.

М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. — 208 с.

Довольно полный и искусно составленный (П. Крючковым) свод стихотворений сибирского поэта с европейской культурой. Владимиру Берязеву свойствен широкий диапазон настроений и тем; он умеет сочетать тонкость, ироничность и рефлексивность интеллигента с (не будем бояться этих слов) патристическим пафосом. Чего автор не любит — так это упоённо жевать сладкую соплю неудачи. В каком-то отношении это стихи победителя. А если поэт и жалеет кого-то, то, наверное, не себя.

*Наливала стакан молока, / подавала
беляш золотистый, / было около так сорока /
ей, наверное, или слегка / за... неважно...*

Леонид Костюков

Сергей Бирюков. Sphinx.
Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2008. — 72 с.

В поэзии Бирюкова, одного из лидеров современного неоавангарда, автора нескольких книг стихов, монографий и сборников статей, наконец, составителя легендарных антологий экспериментальной поэзии «Зевгма» и «Року укор», сосуществуют учёность и провокативность, западничество и почвенничество (поэт родом из Тамбова, а живёт в Германии). С глоссолалическим ражем и словесной игрой соседствует аналитичность письма. Здесь поэзия присутствует в качестве утверждения о собственном наличии; не интертексты или метафоры — но декларации и манифесты, обладающие, тем не менее, лирическим смыслом.

*женщина в лёгком платье / почти прозрач-
ном / шуршание планет / вращение механиз-
мов / стихотворения / буквальный перевод*

Вениамин Блаженный. Сораспятье: Стихи.
М.: Время, 2009. — 416 с. — (Поэтическая библио-
отека).

Сборник стихотворений выдающегося минского поэта Вениамина Михайловича Блаженного (Айзенштадта; 1921–1999) полностью повторяет по составу подготовленную им самим книгу под тем же названием (Минск, 1995); поэтому, к сожалению, в том не вошли стихотворения последних лет жизни. Впрочем, переиздание освобождено от многочисленных ошибок первоиздания. Поэзия Блаженного, получившая одобрение таких мастеров, как Борис Пастернак, Арсений Тарковский, Виктор Шкловский, придаёт отечественной религиозной и метафизической лирике редкую для него интонацию высокого юродства, непосредственного диалога с горними силами, восходящего ещё к Книге Иова.

*Господь, не уходи из этих детских слов / И
детские глаза беречь мне заповедай, / Чтобы
я мог в бреду узнать твоих послгов — / В про-
зрачной чистоте предутренного бреда. //
Узнать твоих пичуг, и кошек, и собак, / Всех
тех, кого моя оплакала утрата, / Кто думу
затаил в высокоумных лбах, / Как будто это
лбы наследников Сократа...*

Тамара Буковская. Стихи на полях.
СПб.: АКТ, 2009. — 30 с.

Тамара Буковская. Артикуляция.
СПб.: АКТ, 2009. — 30 с.

Два новых сборника петербургского поэта, редактора самиздатского журнала «АКТ» содержат, соответственно, два формально различающихся цикла. Первый представляет собой собрание миниатюр, отсылающих то ли к подписям под картинами, то ли к книжным маргиналиям; второй состоит из свободных стихотворений-рядов, репрезентирующих неразрывный поток бытия. Обе книги содержат графику Валерия Мишина, не просто иллюстрирующую стихи Буковской, но вступающую с этими стихотворениями в семантически наполненное взаимодействие.

*моя жизнь / проходит / на полях / твоей
жизни / играютя / на одном поле / на том /
куда нас / высеял / случай / и свёл / случай /
обернувшийся / навсегдашним / законом / не-
преложности*

Игорь Вишневецкий. Стихослов.
Предисл. Е. Никитина. — М.: Икар, 2008. — 124 с.
— (Art-con-Text).

Сборник Игоря Вишневецкого «Стихослов» носит «кураторский» характер: в отличие от других книг серии «Art-con-Text» он построен не на парном диалоге поэта и художника, но на целой галерее образов разных графиков, живописцев, фотографов (от Паки-то Инфанте до Олега Кулика, от Георгия Пузенкова до Ольги Чернышёвой), обозначающих через косвенные совпадения разные стороны поэтического письма Вишневецкого.

Стремление поэта к указанию на непроговариваемое, письмо не столько о явлениях и ощущениях, сколько об их следах, метках, при этом остающееся в пространстве сакрального, иерархического понимания поэтического слова, восходящего к высокому модернизму, находит в подобном визуальном сопровождении дополнительные измерения. Изобразительный ряд и комментирует стихи Вишневецкого, и служит своеобразным камертоном, вызывающим глубинные поэтические смыслы.

Изображенье льва на трубке / и сладковатый дым, / и кругом голова от впечатлений. / Мир, как на две ореховых скорлупки / расколотый — то бодрствуем, то спим / в чудесной череде явлений.

Д. Д.

Дмитрий Григорьев. Другой фотограф: Некоторые стихотворения 2003-2008 гг.

Предисл. В. Шубинского. — М.: Центр современной литературы, 2009. — 88 с. — (Русский Гулливер)

Новая книга петербургского поэта (р. 1960) состоит из двух частей: «Имена снега» и «Имена дождя»; каждой части предпослано авторское лирическое эссе про разные виды дождя и снега. В первой части — верлибры о работе, стихи про ангелов, Пана и Саломею. Всё там такое зимнее, ограниченное двойной рамой или слоем льда, наблюдательное, проводящее очевидную границу между реальным и потусторонним. Во второй части — непостижимое приближается и становится частью обыденной жизни, как ветерок в распахнутое окно, которому рама не граница. Другой фотограф щёлкает кузнечиком, дикое окно хлопает неизвестно где и «что выкинет в очередной раз, никто не знает». Но всё это непосредственно здесь и сейчас. Вопросы о смысле бытия во всей книге ставятся и решаются просто. Даже более чем.

Вот идут на прогулку дети, / смотрят в меня как в яму, / а куда им ещё смотреть, / если дорога прямо / проходит сквозь моё

сердце, / совпадая с линией жизни, / пересекая линию смерти.

Дарья Суховой

Валерий Шубинский отмечает в предисловии нехарактерную для петербургской поэзии естественность стихов Дмитрия Григорьева. Пожалуй, именно слова «естественность» и «открытость» и будут здесь наилучшими определениями. У Григорьева в стихах нет изначального конфликта, наоборот, противоречия между миром и человеком, между природой и техникой и т.д. как-то сглаживаются, происходит синкретическое соединение самых разных элементов нашего многообразного мира. Поэт принимает всё, что ему встречается, и даже смерть становится у него лишь временной остановкой на длинном и извилистом жизненном пути. И потому даже если в стихах идёт речь о чём-то печальном, об утратах, от них всё равно остаётся очень светлое и обнадеживающее впечатление.

Вот смерть идёт в твоих ботинках / на яркой глянцевой картинке, / и прогибается бумага, / и рассыпается строка

Анна Голубкова

Манера Дмитрия Григорьева ведёт свою поэтическую генеалогию от той линии петербургской поэзии, что восходит к работам Геннадия Алексева. В текстах из новой книги особенно заметна импрессионистическая созерцательность, во многом аналогичная той, что часто появляется в русских переводах из японской поэзии. Поэтический мир Григорьева зыбок и существует как бы на грани реальности и сновидения — в привычном течении быта часто обнаруживается возможность выхода в иной, скорее сказочный мир со своей логикой и законами, который в итоге и оказывается основным предметом лирического описания (ср. с творческим методом Игоря Жукова или Андрея Сен-Сенькова).

белые пятна заполнились красным, / река потемнела, солнце погасло, / брёвна скользкие до тошноты / мне уже не связать в плоты,

// а вода, густая как нефть, несёт / разлитый над полем заката йод, / и пьяный на пристани хрипло поёт / про какой-то чудесный плот.

Кирилл Корчагин

В этой книге, пожалуй, краски Дмитрия Григорьева интенсивнее, чем прежде. Меньше графических намёков, больше «досказанностей». Редкий для современной поэзии — да и для поэзии вообще — скорее мажорный лад, иногда вопреки грустноватому смыслу. Вроде как пока другие думают, как справиться с сумерками, Григорьев находит такую местность, где солнце не село — да и не собирается садиться.

а вода, густая, как нефть, несёт / разлитый над полем заката йод, / и пьяный на пристани хрипло поёт / про какой-то чудесный плот.

Леонид Костюков

Джордж Гуницкий. Берег слова: Стихотворения.

СПб.: Красный матрос, 2009. — 108 с.

В новую книгу петербургского поэта, известного как автор текстов для песен Гребенщикова (его шуточная инструкция читателю помещена на последней странице обложки) и Бутусова, вошли стихотворения в узнаваемой лирически-абсурдной манере, датированные 2008 годом. Традиции абсурдных поэтик всех изводов — от русского авангарда до англоязычного лимерика и музыкальной поэзии второй половины рок-н-рольного XX столетия — переплетаются в стихах Гуницкого, который наконец превратил творческий ник-псевдоним, под которым известен с 1970-х, в полноценное авторское имя.

Мне говорили, что на траверзе Кордовы / Порой встречаются безумные коровы / С алмазным мегациркулем в руке / Бегущие по сломанной реке

Сева ГУРЕВИЧ. Несаргассово море: Стихотворения.

М.: Водолей Publishers, 2009. — 168 с.

Третья книга петербургского поэта (р. 1960). Иронично-циничные стихи, балансирующие между рогожкой городского романса и кружевами неомодернизма. Стих весьма традиционен, но интонации — разнообразны, от:

А потом под разговор лукавый / Вспомнишь вдруг, в сетях и нетях лжи, / танец моря, бег волны стоголавой, / Прячущий иные миражи

— до:

может быть, мы слагаем вирши / вычитая слова из текста / что когда-то был задан свыше / или как память достался с детства / перенять по наитью почерк / посошком испытать дорожку / я ведь тоже один из прочих / шифровальщиков понарошку

И мы видим, что экзистенциальная граница зримо присутствует, и преодолеть её нет никакой возможности.

Дарья Суховой

Дмитрий Дианов. Нетяжелая твердь: Стихотворения.

М.: Водолей Publishers, 2008. — 168 с.

Сборник составлен из стихотворений, написанных поэтом за более чем три десятка лет. Постакмеистическая поэтика Дианова строга и выверена, в ней нет ярких красок, но есть представление не только о гармоничности мира, но и его многомерности.

Мой ветер — домосед и однолюб — / Летел к тебе — на всякий грустный случай, — / Припомнить, как твоих касался губ, / Искавших по себе зимы колючей.

Диван Мирзы Галиба.

Новосибирск: Артель «Напрасный труд», 2008. — 48 с.

Мирза Асадулла-хан Галиб — великий индийский поэт XIX в. Однако в этом сборнике представлены вовсе не переводы его стихотворений, а подражания, точнее, попытки жить в суфийскую поэтику старого поэта, выполненные новосибирцем Андреем Щетниковым; при этом в стихах, составивших сбор-

ник, есть и фрагменты самого Мирзы Галиба. Парадоксальный эффект, производимый трансформацией твёрдой формы газеллы в верлибр, составляет контрапункт цикла.

*Мне достаточно малейшей зацепки, /
Чтобы пара разрозненных слов превратилась
в стихотворение. // Малая искра во мгновение
ока превратилась в степной пожар, / А ведь я
ещё не успел о тебе подумать. // Опомнись,
Галиб: ты висишь над пропастью на паутинке!
/ Готов ли ты положиться на её милосердие?*

Д. Д.

Дмитрий ДРАГИЛЁВ. Все приметы любви: Книга стихов.

Предисл. Б. Шапиро. — М.: Центр современной литературы, 2008. — 68 с. — (Русский Гулливер).

Биографическая справка о поэте (р. 1971) заканчивается словами «призёр берлинского открытого русского слэма». Ничего похожего на яркие до аляповатости высказывания звёзд слэма российского в книге нет. Есть тихое воспитание рижско-германского русскоязычного европейца, вскормленного как историей русского стиха, так и опытом развития мировой поэзии. Много подстрочных сносок, поясняющих малоизвестные факты мировой культуры, и даже пересечение с Бродским о стоматологических проблемах включено в контекст деталей микроистории, а статичные языковые связи и ритмический каркас шатаются — как те самые непрочные зубы:

*Прошло время хороших зубов / мой зуб /
похож теперь скорее на церковь / в центре
Европы / чем на коралловую слезу // дан-
тисты поднимут цены / и девушка за любовь /
не выпьет но требует / летучий корабль чести
отчаянно офицерской*

Михаил ЕРЁМИН. Стихотворения. Кн.4.

СПб.: Пушкинский фонд, 2009. — 48 с.

Новая книга петербургского поэта (р. 1937) включает в себя стихи, написанные с 2005 по 2008 год. Также в издание вложен список опечаток, найденных в трёх ранее вы-

пущенных «Пушкинским фондом» сборниках стихотворений Ерёмина, их 6. Узнаваемая форма восьмистиший с синтаксисом в несколько витков, обилием естественнонаучной терминологии, в какой-то форме поэт работает уже более полувека, в новейших стихотворениях претерпела изменения в сторону Божественной простоты — самые очевидные вещи говорят прозрачным языком. Видимо, четвёртая книга стихотворений — ключ к пониманию всего творчества Михаила Ерёмина, полному жизни во всех её проворотах.

*Предгорный синий бор и скитничьи кресты
/ Незаслонины, будь то пробели ваяний / И
празельень искусных крон, / Не застыт коих
кряжистые пни и крыжи, / И долу пустоши и
градостение — / Прожить в отечестве, а не в
отчизне, / Которая не что иное, как судьба, /
Но не обязанность мощам и пепелищам.*

Дарья Суховой

Павел ЖАГУН. Алая буква скорости: Книга стихотворений.

СПб.: Пушкинский фонд, 2009. — 196 с.

Третья книга стихотворений поэта, появившегося в современной литературе не так давно — около двух лет назад — и сразу же представившего публике всё, что было написано им за долгие годы. Пока что довольно сложно осмыслить то, что сделано Павлом Жагуном. Сам поэт в послесловии, имеющем характер эстетического манифеста, говорит о генеративном искусстве и о неизбежности превращения компьютера в своеобразный художественный инструмент — вроде скрипки у музыканта или кисти у художника. Стихи Жагуна, как отмечает он сам, неоднозначны, полисемантически, полиритмичны, основным структурным элементом в них является звукопись. Всё это так, однако, кроме всего вышеперечисленного, в стихах этих есть и что-то ещё, какое-то особое волшебство, не позволяющее свести их целиком и полностью к литературному эксперименту.

*наша память — / бродячая псина / брось
монетку / и станет понятно / сколько в мире /*

*осталось бензина / чтобы снова / вернуться
обратно*

Анна Голубкова

Валерий Земских. Кажется не равно: Книга стихотворений.

Предисл. А. Мирзаева. — М.: Центр современной литературы, 2009. — 96 с. — (Русский Гулливер)

Восьмая книга новых стихотворений петербургского поэта (р. 1947) объединяет стихи последних двух лет, где обилие мелких бытовых подробностей и финальный перевод взгляда создают ту неопределённость, которая, кажется, досконально описана наукой XX века, но не получала достойного воплощения как развёрнутая философская категория в поэзии. В предисловии Арсена Мирзаева говорится о «скрытом» шуршании мыши как об одном из заметных лейтмотивов поэтики Земских, образно обозначающем именно эту категорию неопределённости, неуловимости момента бытия, принципиальной невозможности его фиксации как в сознании, так и в стихотворении.

*Ты заглядываешь в комнату / Там горит
лампа / Возможно ты включил её когда-то /
Если вспомнишь / Жизнь изменится / На
время / Прошедшее с тех пор*

Дарья Суховой

Тему этой книги можно определить как «две грани». С одной стороны, Валерия Земских интересуется та черта, где речь вдруг становится поэзией, — это, кстати, сблизает его с Всеволодом Некрасовым. С другой — автор пристально вглядывается в горизонт, за которым кончается земное существование человека. Есть ли там что-то? Стихи Валерия Земских недвусмысленно это самое что-то нащупывают, но оно настолько специфично, что поневоле задумаешься: а может, не надо?..

*Каждый кирпич / Желает упасть / На
голову / Но увы / Большинство ложится навечно
в стены.*

Леонид Костюков

Стихи Валерия Земских достаточно разнообразны, однако более всего он тяготеет к тонкому и проникновенному верлибру, как бы чуть-чуть царапающему слух и сердце читателя. Эта последняя книга получилась довольно-таки грустной, в стихах часто идёт речь о пустоте, утрате, промежутке, пропущенном или же безвозвратно ушедшем времени. Видимо, именно поэтому от книги в целом остаётся какое-то осеннее впечатление, что особенно приятно для любителей свойственных этому времени года неторопливых прогулок и размышлений.

*Острая сабля висит на стене / Пропустим
пыль на ковре / Трещину в старых ножнах / И
сразу к пятну / У эфеса*

Анна Голубкова

Для Земских характерно осмысление посредством текста буквально каждого, подчас кажущегося незначительным фрагмента бытия — эта особенность сохранилась в полной мере и в новой книге. Поэт остаётся апологетом свободного стиха как достаточно гибкого для того, чтобы вместить горькие размышления, фотографические снимки окружающего пространства, непрерывную и в каком-то смысле мучительную рефлексию.

*Поднимется ветер / С рулевого слетит фу-
ражка / Неловкая попытка поймать / и шлюп-
ка перевернётся // Гребцов выловят через не-
делю / Рулевой попадёт в сети через месяц /
Через год разбитую о камни шлюпку выбро-
сит на берег / Ещё через два года он присядет
на засыпанные песком обломки / Потушит
сигарету о полустёртый номер на борту /
Отряхнёт белые брюки / И пойдёт дальше*

Кирилл Корчагин

Сергей Ивкин. Конец оценок: Стихотворения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2008. — 56 с. — (Библиотека «Свезара»).

В сборник екатеринбургского поэта вошли стихи разных лет. На общем фоне брутально-трансгрессивной, семантически и син-

таксически изломанной, аутически-суггестивной поэзии многих ярких уральских авторов стихи Ивкина кажутся чуть ли не неоклассическими, однако и в них лирический субъект переживает состояния перехода и трансформации.

Живём — не где хотим, а где поселят. / Душа как непогашенный окурок, / опасно вьётся сладковатый дым. / Когда ты сходишь с этой карусели, / то незаметно обрастаешь шкурой, / в которой нечувствителен к другим.

Д. Д.

Ивкин — один из тех авторов уральского литпроцесса, чьё творчество нельзя назвать сугубо «уральским». Тексты Ивкина, отсылающие скорее к опыту «Московского времени» (особенно — к стихам Сергея Гандлевского), нежели к творчеству Виталия Кальпиди и Владислава Дрожащих, сильно выделяются на общем местном фоне, в котором превалируют герметичность и неообэриутская деструкция языка. А общая плавность и лиричность его стихов резко контрастирует с «уральской надрывностью» других поэтов региона.

Я — глупый пацан, до буйков доплывавший в грозу, / смотрю на моторку, как на настоящее судно, / которому озеро, знаю, осилить не трудно, / имея мотор и озёрного духа внизу.

Мария Скаф

Виктория Иноземцева. Материя. М.: Время, 2009. — 48 с. + CD. — (Поэтическая библиотека).

Название сборника стихотворений Виктории Иноземцевой не случайно: её стихотворения необычайно плотны, словесные конструкции пригнаны друг к другу до неразрывности. Перед нами поэтические монологи трагического «я», пытающегося сохранить целостность в разорванном мире.

Что нам, тихим, господи, судьбу выбирать, / загляни же, Господи, в детскую тетрадь, /

там святые чёрточки и рука слаба, / личики и чёлочки, пальчики у лба...

Д. Д.

Игорь Иртенев. Избранное. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. — 352 с. — (Поэтическая библиотека).

Для человека, не читающего газет и много лет не включающего телевизор, повсеместная популярность стихов Игоря Иртенева оказывается фактом неожиданным и, пожалуй, даже весьма приятным, свидетельствующим в первую очередь об имеющейся у российского народонаселения неистребимой потребности в поэзии. Стихи Иртенева, как отмечено в предисловии Виктора Куллэ, не так уж и просты, хотя прежде всего, конечно, поэт этот работает с устойчивыми формулами, засевшими в сознании читателей ещё на школьных уроках литературы. Впрочем, в русской литературе можно найти достаточно много аналогов такого рода поэзии, так что окончательное определение роли и значения творчества Игоря Иртенева следует оставить будущим историкам литературы.

Я раньше был подвижный хлопчик, / Хватал девчонок за трусы, / Но простудил однажды копчик / В интимной близости часы.

Анна Голубкова

Александр Кабанов. Вось: Из шести книг. Харьков: Фолио, 2008. — 192 с.

Сборник «Вось» выстроен в обратном порядке: от позднейших стихов, датированных 2008 годом, до стихов 1998 года. Избранное за 10 лет. За это время поэтика Кабанова, почти не меняясь внешне (всё те же словесные игры, каламбуры, химерические смешения всего со всем), претерпела значительные внутренние изменения; от «синтетических» слов и образов (одна из книжек поэта так и называется — синтетически — «Айлавьюга») к образам «синкретическим», не столько составным, сколько неразложимым, от чувства отъединённости к чувству всеединства. Этот

неоромантизм с налётом украинской барочности, избыточности, вещность и плотность текста, его энергия позволяют отнести тексты Кабанова к «южнорусской» школе, что бы мы ни вкладывали в это неуловимое определение. Кабанова легко пародировать, у него немало подражателей, но мало кому удаётся вот это волевое поэтическое усилие, навязывающее случайным словесным созвучиям неслучайный и неординарный смысл.

Всё на земле — мольба, дыр и, возможно, щыл. / Господи, Ты зачем комменты отключил? / Всех успокоит Сеть, соль и лавровый лист, / будет вода кипеть, будет костёр искрист. / Будут сиять у ног — кости и шелуха... / Как говорил Ван Гог: «Всё на земле — уха...»

Мария Галина

Виктор Каган. Превращение слова: Стихи 2006-2008 гг. М.: Водолей Publishers, 2009. — 280 с.

В стихах Виктора Кагана позиция наблюдателя, чуть ли не созерцателя, подчас поэтического пейзажиста, крайне внимательного к мелочам, из которых состоит мироздание, сочетается с богатством ритмико-фонической стороны стиха.

лужицы кофе на столике / словно архангелов лики / памяти малые толики / всполохи проблески блики / старая кожа диванная / ржание вещей каурки / и коммунальная ванная / под листопад штукатурки

Михаил КАГАНОВИЧ. Credo: Сборник стихов. М.: АртХаусмедиа, 2008. — 192 с.

Поэтический сборник Михаила Кагановича непосредственно связан с его же романом — «Начало романа» и «... на конной тяге», близкими по традиции к магическому реализму. Тексты эти (и стихи, и проза) написаны от лица доктора Михаила Каана, одновременно маски и альтер-эго автора. При всём стилистическом разнообразии для

Кагановича-Каана остаются важнейшими ностальгическая тема и размышления о месте еврейских судеб в судьбах страны и мира, о взаимодействии еврейской и христианской культур.

Так рыба корчится в чаду, / Глотая жир со сковородки, — / Свой каждый миг, весь век короткий, / Я с той поры припят к кресту.

Д. Д.

Катя КАПОВИЧ. Милый Дарвин. Предисл. М. Шатуновского. — М.: Икар, 2008. — 128 с. — (Art-con-Text).

Катю Капович, подумав, можно было бы назвать самым последовательным акмеистом нашего времени. Каждая строка каждого её стихотворения бесконечно глубоко мотивирована жизнью автора. Ничего не добавлено, ничего не приукрашено. В такой поэтической оптике совершенствование — это обыкновенно либо ещё более тщательное фокусирование, либо поиск неожиданных средств. Но именно в этой книге Кате Капович удаётся чудо — мир за её стихотворениями, оставаясь абсолютно подлинным и достоверным, вдруг становится красивее. Очевидно, это не литературное усилие автора, а эволюция зрения. Надо отметить великолепные фотоиллюстрации Стаса Полнарёва, очень точно попадающие в тон книги.

Внутри пустого гнезда, / посреди второго числа / декабря конфорки звезда / мигает в толще стекла.

Леонид Костюков

Николай КАРАЕВ. Безумное малабарское чаепитие: Сборник стихов. Тарту: Kite, 2009. — 148 с. — (Серия «Первый полёт», вып. 5).

Первая книга русскоязычного эстонского поэта (р. 1978) вышла в серии, предназначенной как раз для поэтических дебютов эстонских 20-30 летних. В книге 5 разделов, один из них посвящён переводам стихов — с английского (Пикок, Суинберн, Фрост; Буковский,

Гилмор и др.), французского (Превьер), китайского (Хуан Цань-жань, Юй Цзянь, по подстрочнику), японского (Миюки Накадзима). Оригинальные стихотворения написаны в кросскультурной полисемантической манере. Завершает издание «Русско-малабарский словарь», где разъяснены понятия тех культур, на перекрестке которых существует поэтика Караева. Как и в стихах, энциклопедическое в нём граничит с ироническим.

Я человек, измученный нарзаном. / Я в текст глядел, и текст глядел в меня. / Я Хануман, истерзаный Тарзаном. // Я трезвенный кутёж при свете дня. / Мои стихи есть заворот аллюзий / Плюс коцаная куцая фижня.

Дарья Суховей

Дебютная книга живущего в Эстонии поэта, в 2005 году получившего приз Ордена Куртуазных Маньеристов на турнире поэтов «Пушкин в Британии». Это, однако, «гламуризованный» куртуазный маньеризм, приправленный пикантными добавками анимэ-культуры, эклектики и экзотики, изобилующий отсылками к культовым литературным произведениям. Книга делится на несколько разделов: «Два попугая» (лирика); «На героях анимэ нет лица» (стиликации и зонги); «А роза всё падает» (литературные вариации, параллели и реминисценции); «Венецианские черновики» (всего понемногу). Лирический герой Караева — эстет-одиночка, космополит и транслятор культуры, читатель также усмотрит родство с Игорем Северянином — и будет прав.

Коли выпало двуногим воплотиться, / Лучше жить в глухой империи у моря, / Продаваемой насквозь эфирным ветром, // В меру северной, с готической столицей, / В метрополии, застывшей в стиле «ретро», / В захолустье, не в опале, не в фаворе; // Представлять себя, пожалуй, самураем, / Тамплиером, бодхисаттвой, пилигримом, / По осенним мостовым легко ступая // Или мчась за ускользающим Граалем / В направлении потерянного рая / Между Бенаресом и

Иерусалимом...

Даниэль КЛУГЕР. Разбойничья ночь: Стихи и баллады.

Послел. Е. Витковского. — М.: Текст, 2009. — 156 с.

Вторая книга стихов живущего в Израиле писателя, барда и поэта. Это, пожалуй, самое полное собрание текстов Клугера состоит из нескольких разделов: «Еврейские баллады» посвящены Испании времён инквизиции; «Готика еврейского местечка» — литературно обработанные легенды «штетлов», еврейских поселений на территории нынешних Польши-Украины-России; «Разбойничья ночь», куда вошли, в частности, мрачно-готическая «Баллада о Клаусе Штёртебекере» и весьма энергичные переводы из Вийона. Завершают сборник раздел «Театр постаревшего любовника», куда включены лирические тексты автора, в том числе и давние, и «Послесловие крысолова» Евгения Витковского. Даниэль Клугер — великолепный рассказчик и вдумчивый исследователь, большинство его баллад посвящено реальным событиям. События эти, однако, трансформированы в сторону «живописности» и «романтичности», отчего каждый конкретный казус становится универсальной притчей. Быть романтиком и не впасть в пошлость — редкий дар; Даниэлю Клугеру это удаётся — его героические и сентиментальные баллады занимают совершенно особое место в современной поэзии. К сборнику Клугера вполне уместно было бы дополнение в виде CD, поскольку баллады его хороши в авторском исполнении, диска, однако, нет, а жаль.

С волны свинцовой, тяжкой, срывает пену ветер. / Но буря не тревожит сегодня старый порт: / Вожак пиратов Клаус, известный Штёртебеккер, / С остатками команды взошёл на эшафот.

Мария Галина

Анатолий КОБЕНКОВ. Однажды досказать...: Последние стихотворения.

Сост. С. Захарян, Г. Сапронов. — Иркутск: Изда-

тель Сапронов; Владивосток: Альманах «Рубеж», 2008. — 448 с.

Посмертный том иркутского поэта Анатолия Ивановича Кобенкова (1948–2006) составили стихи, написанные в последние годы его жизни. Поэтика Кобенкова, при всей её центристской установке, отнюдь не ориентирована на постакмеистический мейнстрим; для поэта были важны и новокрестьянские поэты, и романтики 1920-х, и, вероятно, конструктивисты. В этих стихах равно важны и внутренний нарратив, лирическая повествовательность, и глубинная рефлексивность авторского «я».

*За то, что Брут, за то, что шут, / и оттого,
что снова / тебя на стёклышки крошу, / чтоб
приукрасить слово, — // не провожай меня
туда, / где в курточке кургузой / стоит стоячая
беда, / прикидываясь музыкой...*

Елена Костылева. Лидия.
Тверь: Kolonna Publications, 2009. — 74 с.

Вторая книга московской поэтессы менее провокативна, нежели первая, хотя и в ней главенствуют мотивы неконвенционального эротизма, богоборчества, возникающего как способ самоидентификации разорванной, плавающей субъективности. «Прямое высказывание» здесь деконструируется изнутри собственной же концепции.

*я раньше думала что люди — / они не я и
им не больно / а им оказывается вот как /
оказывается вот как // и между ними плотно
словно слово / уже взлетевшее на воздух /
такое блядь / допустим это слово / не так, не
вовремя и человеку больно // да в принципе
сюда сойдёт любое*

Д. Д.

Александр КУШНЕР. Облака выбирают анапест.
М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. — 96 с. — (Поэтическая библиотека).

Новая книга лауреата многочисленных премий и одного из самых титулованных современных поэтов, часто вообще называемо-

го «живым классиком». С некоторой точки зрения такое определение вполне оправдано, потому что именно с русской классикой творчество Кушнера связано самым теснейшим образом. Здесь и прямые цитаты, и отсылки к классическим текстам, и опыт перечитывания, и постоянное наложение чужого культурного багажа на свою собственную жизнь. Стихотворения Кушнера существуют на фоне всего того, что было сделано в рамках прежней русской культуры. И, безусловно, эти стихи не могут не быть крайне важными для тех, кто в недостаточной степени знаком с оригиналами и не имеет своего обширного опыта общения с классическими образцами. Творчество Кушнера, таким образом, выполняет важнейшую функцию просвещения и культурной пропаганды, которая не может не быть недооценённой на фоне упадка уровня современного образования.

*Судьбу, — бедна она, убога, / Но в ней
узор распознаю / Поверх печального итога, /
И вижу смысл, и верю в Бога, / Молчу, скрываюсь
и таю.*

Анна Голубкова

Илья Лапин. Два времени: Стихи.
СПб.: «Русская симфония», 2009. — 68 с.

Первая книга петербургского поэта (р. 1978) объединила стихи, писавшиеся во второй половине 2000-х годов. Основная тема этих стихов — повышено чувствительное отношение к осмыслению истории пространства и движения времени. Можно назвать это поэтическим краеведением, но проблема глубже — человек существует, вернее, ощущает себя только на фоне памяти. В основном Лапин пишет традиционным стихом, тем ценнее выходы за пределы этой техники — малопрозаическая миниатюра «Райвола в марте» и записанный в строчку белым стихом «Монолог городского сумасшедшего». Некоторые стихи написаны по мотивам симфонических музыкальных произведений, эмоциональное содержание которых Лапин пытается передать средствами поэзии.

Откуда дрожь взялась? Что это? Холод? /

Адажио из первого концерта? / Дождь в ре-миноре, ре-минор в дожде? / Или на миг всего один расколот / Вдруг оказался тёмный камень смерти / И луч проник сквозь трещину в гряде?

Дарья Суховой

Леонид Латынин. Дом врат: Книга стихотворений.

М.: Водолей Publishers, 2008. — 144 с.

Нахождение на грани жизни и смерти, смертельная болезнь, как пишет сам Латынин, перефразируя Писание, «обитание в моём нечаянном Доме Врат», стало тем экстремальным в высшем смысле слове опытом, что претворился в художественном слове. Скупость выразительных средств в данном случае подчёркивает глубоко интимный характер данного поэтического высказывания.

И кто их рассудит, / Приблизженных к краю. / Природа забудет, / А люди — не знаю. // Явление чуда / На улице сонной, / Ужели забуду / Рассветы на Бронной

Илья Леленков. Думай о хорошем.

Предисл. Е. Лесина. — М.: Вест-Консалтинг, 2009. — 96 с. — (Б-ка журнала «Современная поэзия»).

Во второй книге московского поэта совмещаются ирония и умеренная заумь, некоторая брутальность и определённая доля сентиментализма. Работа с символами массового сознания (или просто навязчивыми именами-этикетками) носит здесь не постконцептуалистский, но лирико-юмористический характер (напоминая, отчасти, поэзию Андрея Подушкина).

утихни мамба. молчи, гитара / убит индеец тулак амару // три футболиста из ла-коруны / его у дома подкараулили // они стелились весь день в подкатах / а он с работы пришёл поддатым

Д. Д.

Эдуард Лимонов. Мальчик, беги!: Стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2009. — 144 с.

Новый поэтический сборник живого классика русской литературы включает стихотворения последних двух лет. В своей поэтической ипостаси Лимонов остаётся верен вектору, взятому ещё в шестидесятые, — примитивизму, генетически восходящему к работам обэриутов и через них к практике кубофутуристов. Разве что теперь его поэтика предстаёт в более утрированном виде. Новейшие стихи Лимонова по сути являются ироническим «двойником» его прозы: они близки сюжетно и тематически, работают с тем же жизненным материалом — воспоминаниями о давних приятелях и любовницах, революционными воззваниями, мимолётными впечатлениями от современной русской жизни, сплавленными яркой биографией героя-автора.

Вышел из тюрьмы. Сидит на табурете. / Сзади девочка стоит. / Люди! Посмотрите на два тела эти... / Скоро их судьба и разлучит. // Механизмы драмы. Повороты Богом / То ли чётко, то ли бусин в кулаке, / Смотрит строго, слишком строго / Девочка. Рука на мужике...

Кирилл Корчагин

Семён Липкин. «Угль, пылающий огнём...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семёне Липкине.

М.: РГГУ, 2008. — 452 с. — (Записки Мандельштамовского общества. Т. 15).

Сборник, посвящённый памяти Семёна Израилевича Липкина (1911–2003), выходит не зря именно в серии «Записок Мандельштамовского общества». Ведь Липкину принадлежит хоть небольшое по объёму, но содержательно одно из самых значимых мемуарных сочинений о Мандельштаме — перепечатанное в настоящем томе, открывающее его содержательную часть и давшее ему заглавие. Липкин занимает в ряду поэтов «переходной эпохи» между высоким модернизмом и современностью совершенно отдельное место. Он — один из немногих «смысловиков» (в ахматовско-мандельштамовском сленговом смысле), не столько даже акмеистический продолжатель, сколько носитель

крайне скудной, но великой в замысле классицистической модели, столь болезненно существовавшей с модернистской парадигмой. Он — создатель кристальных, тончайших и прозрачайших стихов, обладавших, тем не менее, эпической мощью. Установка Липкина была не на смещение семантико-синтаксических рядов, но на их, так сказать, уточнение и акцентирование. Здесь есть преобразённое слово — но преобразено оно не сдвигом смысла или употреблением, а стиранием клишированного внешнего слоя, налипшего на слой глубинный. Среди вошедших в том стихов есть и не изданные при жизни; книга дополнена воспоминаниями о поэте.

Молодые несли мне потёртые папки, / С каждым я говорил, как раввин в лысой шапке, / А теперь, отлучённый, нередко унылый, / Хорошо различающий голос могилы, / Я опять начинаю, опять начинаю / И, счастливый, что будет со мною — не знаю.

Д. Д.

Анна Логвинова. Кенгурусские стихи. Предисл. С. Арутюнова. — М.: Вест-Консалтинг, 2009. — 60 с. — (Б-ка журнала «Современная поэзия»).

По сути, в этой книге Анне Логвиновой многократно удалось то, что так и не получилось у Фауста, — остановить прекрасное мгновение. Моменты (казалось бы) случайных сочетаний: рассеянного света, усталости, лёгких касаний, детского сопения — воссозданы в «Кенгурусских стихах». Несомненные таланты Анны Логвиновой — языковая изощрённость и предельная человеческая открытость, каким-то чудом не нарушающая деликатности. Изощрённость автора иногда бывает чрезмерной, открытость — нет.

Ах, значит, сегодня я Майкл, / Майкл В Снегу Засыпай, / Майкл Красная майка, / Майкл Московский трамвай.

Леонид Костюков

Первая книга поэта включает как стихо-

творения из цикла «За пазухой советского пальто» (премия «Дебют», 2004), так и стихи последних лет. Своеобразная «наивная» манера письма и мировоззренческая позиция Логвиновой позволяет ей погружаться в сферу почти интимных переживаний, концентрируясь на частностях, принципиально избегая обобщений. Героиня этих стихов специфическим образом безрефлективна и инфантильна, а сами тексты, вопреки многим аналогичным поэтическим практикам, не содержат примесей физиологии, т.к. инфантилизм для Логвиновой оказывается не способом погрузиться в хтонические глубины (как, например, у Дины Гатиной), а, наоборот, — спастись от ужасов мира, дискурсивно устранив саму возможность травматичного.

Ты выходишь на кухню, а там никого. / Ты выходишь на улицу, а там никого. / Ты заходишь в метро, а там никого. / Бог оставил тебя одного. // Не ищи в этих действиях Бога / никакого подвоха. / Бог с тобой, здесь помимо тебя и Него / никогда и не было никого.

Кирилл Корчагин

Ирина Машинская. Волк: Избранные стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 264 с. — (Серия «Поэзия русской диаспоры»)

Поэтическое избранное Ирины Машинской (р. 1958) включает стихи 1970-х-2000-х годов из книг «После эпитафия», «Простые времена», «Волк», «Путнику снится» и новейшие стихи, объединённые в разделы «Западный полюс» и «Гобелен». Объединяет стихи свободное простое дыхание, не сковываемое ни ярмом школ, ни лассо очевидных традиций. Ценность этой книги в том, что интересная во многих отношениях поэтика Ирины Машинской выстраивается в единый текст.

выйти замуж / строить замок / и смотреть с утра в оконце: / будто око / будто солнце / будто зеркало оно / будет так заведено // будет небо баловаться / брейгелъ — с горочки кататься / мать — грозить ему в окно (1978)

— гавань небес / кобальта и сиены / ты
выскальзываешь на бис / из глубины сцены
— // тихая первая проба вод / быстрая лепка /
волн под тобою, скорлупка — вот / ты, улыбка
(2000-е)

Дарья Суховой

Вадим Месяц. Цыганский хлеб: Стихи.
М.: Водолей, 2009. — 368 с.

Основательное избранное поэта и прозаика, сменившего сперва Сибирь на Америку, а затем Америку на Москву и выдвинувшегося в последнее время в число ведущих российских издателей поэзии. Вадим Месяц работает в различных поэтических модусах, однако основой его поэтики остаётся восприятие современности-как-архаики, визионерское наблюдение архетипических моделей, которые могут стоять как за мифом (к примеру, в цикле о Хельвиге) собственно, так и за обыденной реальностью («Безумный рыбак»). Важно здесь и понимание нелинейности, цикличности мироздания, заставляющее уходить и от линейных форм текстопорождения.

Дорогая вещественность времени слишком заметна, / словно лёгкий налёт мёртвой извести в рёбрах субботы... / И все нити, сцепившие время с разлётом галактик, / наконец стали вовсе обыденной штукой.

Василий Муратовский. Корни и кроны.
Алматы, 2008. — 400 с.

Книга избранных стихотворений живущего в Казахстане поэта включает стихи, написанные в 1982-2006 гг. Василий Муратовский работает с текущей, протеической стиховой стихией, переходя от силлабо-тонике к акцентному стиху или верлибру, от наивного реализма к сюрреализму, создавая своего органические поэмы, в которых главенствует не лирическое «я» и не отражение мироздания, но неясные связи между субъектом и объектом.

*в искрэнне стучащем, / в ищущем едино-
верцев сердце / томлень о тепле земном и*

*свете неизбывном — / есть паренье силою не-
тленной / над мертвечиной круч / долинных
идол, чей произвол могуч / лишь наложеньем
смертного / на смертное*

Евгений МЯКИШЕВ. Колотун: Избранное.
СПб.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Тублина, 2009. —
160 с.

В томе избранных стихотворений Евгения МЯКИШЕВА нарушен хронологический принцип, тексты выстроены исходя из некоего авторского сверхсюжета. Поэзия МЯКИШЕВА обращена, казалось бы, непосредственно к миру эмоций, к чистому переживанию, противопоставлена рафинированности интеллектуального поэтического высказывания, однако за подобным эффектом кроется очень серьёзная работа, связанная с оттачиванием авторского образа и языка; быть может, именно поэтому свободная композиция в данном случае более выигрышна, нежели линейно-хронологическая, т.к. позволяет видеть выстроенный «я»-образ как целостность, а не как развитие.

*Ксения едет в деревню, чтобы сидеть там
во ржи, / Чтобы вдыхать ароматы природы и
не увязнуть во лжи / Тусклых гнилых петербургских окраин, / Где каждый день, словно гвоздь, / Молотом времени тихо вбиваем / В гиблую вечности ось.*

Д. Д.

Евгений МЯКИШЕВ. Огненный фак: Стихи.
СПб.: Красный матрос, 2009. — 192 с.

Провокативно-игровая книга стихов петербургского поэта (р. 1964) вышла одновременно с лимбусовским «Колотуном» и, как нам кажется, представляет собой антологию менее формальной стороны творчества поэта, весьма страстной — где цинизм граничит с нежностью, а ожеговский словарь перемежается плуцеровским, впрочем, словообразование при любых корнях весьма свободно и цветисто. Часть текстов написана в соавторстве с московским поэтом Михаилом Бол-

думаном, при них есть пометки, да и если б не было — всё равно соавторство узнаётся по перепадам интонации с монологичной на диалогичную. Книга делится на 4 части, в которых стихи объединены по соответствию карточным мастям: в каждой части стихи на темы, соответствующие семиотике масти: страсти, удары судьбы, рост и цветение, пенie и экзальтация. По стилю тоже всё весьма разнородно — от раннего опуса с элементами зауми (такого Мякишева мы не знаем!) до любовной и городской лирики, зачастую необарковского толка.

Подземный хобот поцелуя, петля меж корнями клёнов, / Сквозь дупла солнечных объёмов / выходит на поверхность шайда. / Изредный бацень хле песошных, / изрезный лопень зре марахтых, / Се ровный вездых шлей росошных / и бенный лузор врей мохнатых (1983)

Ну чё, насосалась сивухи в дрова / В честь праздничка? Или сухая / Шуршишь, как минувшего лета трава / В закате мучном, не стихая? / Пожухла. Лежишь, словно сноп, в тишине / На пыльных мешках из-под хлеба, / Любуясь полушкою лунной в мошне / Шального февральского неба. (2000-е)

Дарья Суховой

На глубине: Сборник стихотворений. Челябинск: ИД Олега Синицына, 2008. — 224 с.

Сборник, составленный по итогам I фестиваля региональных литературных объединений «Глубина», включает стихи почти сорока челябинских, екатеринбургских, нижнетагильских и др. поэтов. Несмотря на неровный уровень издания, в книге представлены яркие поэты как старшего и среднего (Евгений Туренко, Андрей Санников, Александр Петрушкин), так и младшего (Андрей Черкасов, Александр Маниченко, Дмитрий Машарыгин, Евгения Вотина, Руслан Комадей, Вита Корнева) поколений.

какие детали в теле / какие дома летали / как определили / не донесли / вымотались / перестали (А. Черкасов)

Галина Нерпина. Вместо разлуки: Книга стихов. М.: Время, 2009. — 64 с. — (Поэтическая библиотека).

Четвёртая книга московского поэта. Стихи Нерпиной представляют собой остранённый вариант женской лирики, в котором размышление и рефлексия не то чтобы заменяют подспудно ощущаемое гендерное позиционирование, но отодвигают его на второй план (в отличие от обратной ситуации в стихах Веры Павловой).

Невозможный, душный, лишний, / Но и всё же — самый лучший... / Ничего у нас не вышло, / Как себя теперь ни мучай. // Нет, не жалость и не малость — / А могущество бес-силья. / Что от бабочки осталось? / Фиолетовые крылья.

А. Ник. Будильник времени: Стихи. СПб.: Издатель Виктор Немтинов, 2008. — 48 с. — (Поэтическая лестница).

Сборник А.Ника (Николая Аксельрода), поэта круга Малой Садовой, близкого к желенкутам, а позже переселившегося в Прагу. В поэзии А.Ника очевидны родовые черты ленинградского абсурдизма, возводящегося не в юмористический гротеск, но в форму игровой философии, противопоставляющей себя обыденной пошлости бытовой (да и вообще всякой нормативной) логики. В книге представлены преимущественно стихи 1970-х годов.

В молчании сердитом / стоит часовой / Тикает будильник времени / над его головой / Стоит солдат задумчиво / и взглядом смотрит в цель / Февраль давно уж кончился / сегодня уже апрель

Д. Д.

Олеся Николаева. Двести лошадей небесных. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. — 128 с. — (Поэтическая библиотека).

Девятая поэтическая книга лауреата двух премий — им. Б. Пастернака и национальной

премии «Поэт» за 2006 г. При первом же взгляде на стихи Олеси Николаевой поражают их поистине неженская страстность и даже при-страстность. Интенсивность испытываемых эмоций сразу же воскрешает в памяти легендарные исторические образы — княгиню Ольгу, Марфу-посадницу, боярыню Морозову. Как и эти героини русской истории, Олеся Николаева смело выходит на битву со злом, под которым, судя по стихам, понимаются различные противники самобытности исторического пути России. В её стихах можно найти и намёки на дряхлость слегка выжившей из ума старой европейской культуры, и обличение порочности основ синкретичной американской цивилизации. Обаянию западных ценностей Олеся Николаева противопоставляет веру, любовь и твёрдость нравственных принципов. Такое содержание, конечно, нельзя назвать новым, но, тем не менее, оно, как видим, до сих пор не утратило своей актуальности.

И буду молиться о чуде / на острове чёрном, сквозь дым, / чтоб белые-белые люди / сказали: «Ты с нами! Летим!»

Анна Голубкова

Новая антология палиндрома

Авт.-сост. Б.С. Горобец, С.Н. Федин. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 248 с.

Данная антология, вышедшая в крупнейшем издательстве естественнонаучной литературы и составленная математиками Б. Горобцом и С. Фединым, во многом направлена на осмысление самого феномена комбинаторной поэзии. Этому посвящён достаточно основательный вступительный очерк, в котором приводятся некоторые математические закономерности, методы оценки оригинальности палиндрома, а также формулируется основной лингвистический закон палиндрома («Число букв в палиндромах, как правило, нечётное»). Кроме того книга содержит мемориальные очерки о Д. Авалиани, В. Рыбинском и Д. Минском — много сделавших для развития отечественной комбинаторной поэ-

зии. Основная же часть книги разбита на два раздела — палиндромы (плюс листовертни) и гетерограммы, включающие за редкими исключениями (Г. Лукомников, В. Гершуни) имена, неизвестные за пределом круга любительской комбинаторной поэзии.

Небо дописывая, не дохожен я, а выси подобен (Г. Лукомников)

Что вы простонете? / Что вы просто не те? (Д. Авалиани)

Кирилл Корчагин

Нуль лун: Стихи.

Сост. Е. Кацюба. — М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. — 112 с.

Составленный Еленой Кацюбой поэтический сборник лишь отчасти репрезентирует их с Константином Кедровым проект «ДООС». В книге — десять поэтов, и нельзя сказать, что они объединены общими эстетическими установками — это, скорее, проект дружеский, собрание симпатичных составителю людей. От агрессивного солипсизма Алины Витухновской до поставангардной рефлексии Сергея Бирюкова, от утончённой звукописи Наталии Азаровой до брутальной суггестии Вадима Месяца — здесь место разным языкам. Особенно стоит отметить подборку безвременно ушедшей Анны Альчук.

ощущая со стёклами / мирриды брызг луны / тот момент тленья / отчётливей щеки и губ ушедшего // снег (А. Альчук)

Д. Д.

Объяснение в любви: 150 стихотворений и 18 русских поэтов Эстонии.

Сост. И. Котюх. — Выпу: Kite, 2009. — 184 с.

Первая в новейшей истории антология русскоязычной эстонской поэзии объединила 18 имён, принадлежащих разным поэтическим поколениям, стихи брались начиная с 1990 года. Составитель антологии Игорь Котюх руководствовался идеей, что о любви пишут если не все, то многие, — и пишут по-разному — от миниатюр до пространного

постмодернистского пастиша, от идиллии до парадокса. В антологию вошли стихи Бориса Баясного, Михаила Вайнгурта, Ларисы Йоонас, Николая Караева, Игоря Котюха, Ирины Меляковой, Нила Нерлина, Светлана Семеновенко, Елены Скульской, Феликса Тамми, Андрея Танцырева, Марины Тервонен, Ольги Титовой, Бориса Штейна, Дианы Эфендиевой, а также авторов, пользующихся псевдонимами П.И.Филимонов, Dohie и Llaita.

Ты, хорошея, спишь на полустанке / седьмого сна. Я встану до звонка. / Разбужена ты будешь в полседьмого, / когда темно за окнами, и море, / которое приснилось в полседьмого, / ещё в тебе качается, как сон. / И ты выходишь на берег пустынный / ещё не пробудившейся гостиной, / Венера маленькая с заспанным лицом (А. Танцырев)

Он поцеловал родинку на моём мизинце, я пришила ему оторвавшуюся пуговицу. Вместе пололи морковь, ловили в пруду головастика. / Разговаривали на разных языках. / Так мы строили свою Вавилонскую башню (И. Мелякова)

Яхту / назвали Еленой. / На ходу / она слегка виляла кормой (М. Вайнгурт)

Дарья Суховой

Одесса в русской поэзии

Сост. А. Рапопорт. — М.: АртХаусмедиа, 2009. — 192 с.

Довольно репрезентативная антология, расширяющая наше представление о поэтике локальных текстов. К сожалению, составитель не вполне различил «одесский текст русской поэзии» и антологию собственно одесских поэтов, что особенно заметно в разделах, посвящённых XIX и первой половине XX вв. Новейшая поэзия также представлена и «иногородними» поэтами (Евгений Рейн, Владимир Высоцкий, Иосиф Бродский, Игорь Холин, Виктор Кривулин), и одесситами, бывшими (Мария Галина, Юрий Михайлик) и настоящими (Анна Сон, Борис Херсонский).

Вот лето кончилось, к концу подходит осень. / Уже темнеет в семь, светает в

восемь, / И скоро будет долгая зима. / А мы о тёплом море вспоминаем, / Когда из-под дивана выметаем / Моллюсков опустевшие дома. (А. Сон)

Алексей Олейников. Ямбы — самбы. М., 2008. — 72 с.

Книга парадоксально-пародийных, шуточных или иронических, порой близких к примитивизму стихов, а также выделенных в особый отдел палиндромов, выстроенных как азбука. Главенствующая форма стихотворений Олейникова — четверостишие; нельзя исключать, что автор ведёт сознательную игру с поэтикой великого однофамильца поэта, Николая Олейникова, т.к. и здесь немалое место занимают стихи «как бы на случай».

Хочу терзать! Терзать приватно, / Вчера, сегодня да и впрок, / Но так, чтоб было Вам приятно, / Безвинный, нежный Ваш пупок.

Орбита 5: Проза, поэзия, графика.

Сост. А. Заполь, В. Лейбгам, А. Пунте, С. Тимофеев. — Рига, 2009. — 400 с.

Новый сборник одноимённой рижской художественно-поэтической группы, как всегда, предстаёт в принципиально новом оформлении (на сей раз напоминающем изящную записную книжку или ежедневник). Помимо постоянных участников проекта (Жорж Уаллик, Сергей Тимофеев, Лена Шакур, Артур Пунте, Семён Ханин и др.) представлены и гости, к примеру выдающийся украинский поэт Сергей Жадан (его перевела Евгения Чуприна). Отдельный раздел (занимающий не менее половины книги) посвящён визуальным работам.

теннисные корты, корты / все играют в теннис, теннис / а рядом лежит голубь, голубь / и этот голубь мёртвый, мёртвый // а рядом чьи-то шорты, шорты / на них — самец-крыса, крыса / крыса совсем лысый, лысый / а, главное, он мёртвый, мёртвый (Алексей Левенко)

Алексей Парщиков. Землетрясение в бухте Цэ
Предисл. А. Докучаевой. — М.: Икар, 2008. — 124 с. — (Art-con-Text).

Безвременно ушедший в этом году Алексей Парщиков не впервые выступал в книжном соавторстве с художниками — памятна его книга «Соприкосновение пауз» (М., 2004), совместная с графиком Игорем Ганиковским. Метафизические контуры последнего указывали на конструктивистский пласт в поэзии Парщикова, нынешний же художник-соавтор, Евгений Дыбский, напротив, актуализирует барочно-чувственную, интуитивную и ассоциативную сторону парщиковского письма. Акварельные цветковые пятна подобны всполохам многоуровневых и труднорасшифровываемых (однако всегда имеющих предмет в своём основании) образных рядов Парщикова. Немаловажно здесь и собственно постоянное обращение поэта к визуальным образам, его безусловное понимание стихотворчества как работы не только речи, но и глаза.

Сон: парусные быки из пластиковых обрешеток / по помещеньям рулят в инговой форме без удержу... / Кос, как стамеска, бык. Навёртываясь на резкость, / канат промышляет изъязвом: вот так я лежу и — выгляжу...

Д. Д.

Александр ПЕРЕВЕРЗИН. Документальное кино. М.: Воймега, 2009. — 48 с. — (Серия «Приближение»).

Есть такой способ уточнить и в каком-то отношении усилить интенцию акмеизма — абсолютно очистить мир за словами от вымысла и домысла. Александр Переверзин доводит этот принцип до логического завершения. Поэзия, избегающая предположений. Зоркий, талантливый фотограф с прекрасной оптикой и механикой камеры, без фотошопа. А где же метафизика? А метафизика в кадре. У Переверзина есть все качества для того, чтобы возглавить некоторое направление в совре-

менной поэзии; за ним готово пойти довольно много молодёжи. Хватит ли там места для многих — время покажет. Одному, по крайней мере, не тесно.

К горизонту щербатое, братское / подползает шоссе Ленинградское, / федеральное автологово. / Тьма чайковская. Пламя блоково.

Леонид Костюков

Арсений Ровинский. Зимние Олимпийские игры

Предисл. Д. Кузьмина. — М.: Икар, 2008. — 84 с. — (Art-con-Text).

Сборник живущего в Дании поэта иллюстрирован лаконичной графикой Ани Жёлудь. Лаконична и сама поэзия Арсения Ровинского, но это лаконичность не примитивистская, но вполне многозначная, скорее плотность, нежели разреженность. На этом контрасте разных способов лаконизма отчасти и построен диалог поэта и иллюстратора. Впрочем, их безусловно роднит подчёркнутое внимание к малому, незаметному и даже ничтожному; от «маленьких людей» внимание переносится здесь к «маленьким вещам».

на космодроме / жёлтые листья / немцы купили / наши ракеты // деньги как звёзды / падают с неба / без них невозможно

Александр Розенштром. Жалобы турка: Стихи.

М.: Август, 2008. — 268 с.

Живущий ныне в Америке поэт и прозаик, известный в филологических и библиографических кругах как редактор и издатель легендарного журнала «De Visu», соединяет в поэзии неоромантизм, восходящий к шестидесятнической поэзии (это же отмечает и Константин К. Кузьминский в приведённом в книге эссе), и семидесятнический сентиментализм, связанный с осознанием утраченного времени.

Холодный и неяркий / Дорожный мой уют. / Мне чёрные овчарки, / Как волны, в ноги

бьют. // Мой ватник проморожен, / И сбиты сапоги, / И путь мой невозможен — / Кругом опять ни зги...

Константин Рубахин. Самовывоз: Книга стихотворений.

М.: Центр современной литературы, 2009. — 96 с. — (Русский Гулливер)

Вторая книга московского поэта, генетически принадлежащего к т.н. «воронежской школе» (Е. Фанайлова, А. Анашевич). Стихи Константина Рубахина построены на перечислении и столкновении метафорических рядов, с помощью которых одновременно камуфлируется и (на более глубинном уровне) конституируется авторская проблемная субъективность. Отдельно следует выделить серию «Порядок действий», каждый из элементов которой представляет собой развёрнутую изолированную метафору.

удивляюсь, / как если бы принял за газовую трубу, торчащую из дома, / девушку, завязывающую шнуры на жёлтых полусапожках, / а она бы вдруг спросила который час

Д. Д.

Юрий РЯШЕНЦЕВ. Избранное.

М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. — 352 с. — (Поэтическая библиотека).

Книга избранных стихотворений сценариста, поэта, автора текстов песен из всенародно любимых кинофильмов. Как известно, в литературоведении до сих пор не существует однозначного мнения насчёт того, можно ли считать полноценными стихотворениями тексты, написанные для исполнения под музыку. Стихи Юрия Ряшенцева, помещённые в эту книгу, являются именно стихотворениями, однако для них, несмотря ни на что, характерна просто поразительная музыкальность. Каждое из них, по сути дела, может быть положено на музыку и исполнено для соответствующей аудитории: какое-то — для кружка любителей камерной музыки, какое-то — у

лесного костра. Илья Фаликов в предисловии отмечает позитивность поэтического настроения Ряшенцева. Что ж, по крайней мере, это качество предостережённых в книге стихотворений никак не разочарует современного читателя.

На полотне сырых небес / набросан робкий лес. / И узкий месяц надо мной — / как парус неземной.

Владимир Салимон. Места для игр и развлечений.

М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. — 192 с. — (Поэтическая библиотека).

Четырнадцатая книга московского поэта. Весьма интересно, что содержание этой книги практически полностью соответствует её названию. Владимир Салимон играет практически всем, что попадает к нему под руку, — в том числе и собственными экзистенциальными ощущениями, и какими-то литературными реминисценциями, и философскими размышлениями. Ещё весьма примечательно то, что все стихи, включённые в эту книгу, так хорошо сочетаются друг с другом, что можно считать их не сборником отдельных стихотворений, а частями одной большой поэмы, которую автор, похоже, пишет всю свою жизнь.

Словечки непроизносимые / такие, как трансцендентальный, / а за окном хлеба озимые / имеют вид весьма печальный.

Анна Голубкова

Владимир Салимон. Рогатые зайцы: Стихотворения.

М.: Петровский парк, 2009. — 219 с.

Новая книга московского поэта включает в себя стихи 2007-2008 гг. Салимон, пожалуй, может быть назван поэтом «многопишущим», но здесь нет никакой корреляции с качеством текста, речь идёт скорее об особом темпераменте — или — даже лучше сказать — методе обращения с внутренней речью, которая, однако, не преподносится как поток, но чётко и последовательно делится на звенья-тексты. Редкое умение Салимона — способность со-

хранить лирическое «я» целостным, внятным, в лучшем смысле прозрачным.

Обладает он известной прочностью, / словно мост цепной, / жаль, что не могу сказать я с точностью, / так про путь земной. // Может, он на честном слове держится, / может, на соглях? / в этом я хочу удостовериться / на свой риск и страх.

Д. Д.

Солнце без объяснений. По следам XIV и XV Российских фестивалей верлибра.

Сост. Д. Кузьмин. — М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2009. — 172 с.

Очень эклектичный (в позитивном смысле слова) сборник, наглядно демонстрирующий широкие возможности верлибра. В книге собраны и миниатюры Ивана Ахметьева, и «баллады» Георгия Генниса. Не менее широк и тематический разброс: от предельно открытых, даже физиологических историй Валерия Нугатова до нежнейших, тончайших зарисовок Андрея Сен-Сенькова. При этом «Солнце без объяснений» представляет собой ещё и моментальный срез истории верлибра последних пятидесяти лет: наряду с текстами Константина Кедрова и Фаины Гримберг в нём присутствуют стихи и молодых верлибристов (например, Дениса Ларионова и Эдуарда Лукоянова).

разноцветные бактерии тупелек на шпильках — / добровольно великолепные недомогания походки // розовые таблетки от них босиком (А. Сен-Сеньков)

Бабушка чёрта мне говорила / Не думай / Что чёрный сухарь отличается от печенья / Бабушки всегда правы / Но что толку / Всё выходит боком / Слышим их или не слышим (В. Земских)

Мария Скаф

Сборник, составленный по итогам тверского (2007) и московского (2008) фестивалей свободного стиха, собрал произведения полусотни поэтов, пишущих свободным сти-

хом — преимущественно или в частных проявлениях. Несомненно выделяется среди всего прочего стихотворение Максима Амелина «Лира», повествующее о выставленном на продажу антикварном издании «Опыта о русском стихосложении» А.Х.Востокова (1817), а также стихотворение Даниила Давыдова «Некогда обещанный этюд», основанное на том, что в одной из биографических справок конца 1990-х годов ему приписали сочинение под названием «Этюд о крысином смехе» — и теперь из ежегодника в ежегодник фестивалей верлибра эта тема катится на уровне внутренней мистификации, дискретной повести-телеги. Остальные произведения сборника отвечают представлениям о современном русском свободном стихе, для которого чуть ли не обязательна демонстрация зияний реальности, парадоксов бытия и языка, и это утверждение в равной мере можно отнести к творчеству поэтов разных поколений.

Нет это не понеделник / мне предлагают любой кусок торта / приучают к шуму // Разведчики решают судьбы родины / по телевизору / вечер тянется и скоро исчезнет / всех это устраивает (Д. Ларионов)

Споткнуться / и влететь в дверь кафе / которое было здесь тридцать лет назад (Ира Новицкая)

Дарья Сухой

Жанна Сизова. Логос молчания.

СПб.: Алетейя, 2009. — 80 с.

Второй сборник петербургского поэта. Поэзия Сизовой полна мистико-религиозных медитаций, но это не «наивная метафизика», а проникание сквозь символические пласты мировой (античной, ветхозаветной, христианской) культуры к первоначалам творения. В этом смысле многие удачные стихи Сизовой близки к той традиции (скорее мировоззренческо-поэтической, нежели стилистической), что в русской поэзии обыкновенно связывается с именами Ольги Седаковой и Елены Шварц.

И время напрягалось костью лобной. / В иранский свет, в египетскую тьму — / так пепел-логос уходил / в молчанье плазмы / догнутриутробной.

Дмитрий Строчев. *Бутылки света: Книга стихотворений.*

Предисл. О. Дарка. — М.: Центр современной литературы, 2009. — 88 с. — (Русский Гулливер)

Первая вышедшая в России книга известного минского поэта. Строчев известен как поэт-звуковик, чьи стихи в авторском звучании приобретают особое эстетическое качество, однако это не означает, что их печатная форма чем-то ущербнее: напротив, это некая параллельная звуковой форма существования текста, позволяющая читателю искать соответствие авторской интонации и собственной интерпретации. Более того, для каждого из текстов, отличных и формально, и по эмоционально-смысловому наполнению, и по структуре и характеру «я»-говорящего, подобная интерпретация будет принципиально новой.

я, выйдя в небеса, / увидел в небе сад / как мне теперь назад / вернуть мои глаза // они теперь как ртуть / как ягоды во рту / им кажется за труд / поплакать поутру // поплачут, поглядят / на сад после дождя / и плакать захотят / как малое дитя

Андрей Тозик. *Территория: Стихи разных лет.* Калининград: Терра Балтика, 2008. — 144 с. — (Калининградская поэзия).

В сборнике избранных стихотворений калининградского поэта Андрея Тозика представлены — впервые в столь значительном объеме — лишь «просто тексты» и отсутствуют образцы более экспериментальных работ (особенно визуальной поэзии). В книге собраны стихи, написанные чуть менее чем за десять лет. Важное свойство стихов Тозика — вариативность. Речь идёт даже не о цикличности, но именно о повторении мотивов, каждый раз оборачивающихся по-новому, каждый раз оказывающихся превращён-

ными в нечто иное по отношению к предшествующему, но при этом вполне опознаваемых, выстраиваемых в ряд, в делящееся годы продолжение высказывания. Здесь видится прямая связь с художественным опытом поэта, с его графическими сериями, как раз построенными на подобном диалоге вариантов.

император / дождевых червей / даёт приказ наверх наверх / мы гибнем / под сапогами под колёсами / нас много / нас может целый легион / но всё же всё же...

Д. Д.

Дмитрий Тонконогов. *Тёмная азбука.*

Предисл. И. Фаликова. — М.: Вест-Консалтинг, 2009. — 58 с. — (Б-ка журнала «Современная поэзия»).

Второе издание уже ставшей раритетом книжки, выпущенной в 2004 году издательством «Запасный выход». Тонконогов — поэт, пишущий мало и скупое, но завоевавший внимание как читателей, так и критиков и собратьев по перу (что в наше время почти одно и то же). Новым для читателя стало предисловие Ильи Фаликова, пишущего в частности о том, что «шкловское ostranenie — лучшее достоинство Тонконогова» и усматривающего в текстах Тонконогова параллели с Чухонцевым, Рейном, Шклярским и Шульпяковым. Если учесть, что разные критики в текстах Тонконогова обнаруживали родство кто с обериутами, кто с Вагиновым, можно со спокойным сердцем утверждать, что Тонконогов — ни на кого не похожий и притом интересный поэт.

...Итак, она меня любила, а я её не замечал. / Она была маленькой, лишь перископ торчал. / Её внимательный глаз порой выходил из орбиты. / Шли косяком убогие и прочие неофиты...

Мария Галина

Юлиан Фрумкин-Рыбаков. *Ландшафт: Пятая книга стихов.*

СПб.: Знакъ, 2008. — 96 с.

Новая книга стихов петербургского поэта. Стихи на разные темы — от бытия петербургского поэта, в контексте множества эпиграфов, возможно, несущих и функции посвящений, до искренне понятых христианских мотивов, где и топос, и система ценностей создают эффект присутствия. Тотальная центровка текстов создаёт особый ритм. Неоавангардистские эксперименты с языком (в основном, словосломы, создающие эффект двойного чтения, обособленности слога и возникающей вследствие этого дисритмии) тоже весьма уместные и интересные.

Язык уходит в пустоту, / Но эхо, эхо остаётся // В колодцах памяти, в колодцах. / Оно — при врат ник на посту... / Я — зык, ты — зык... Гудут на стыке / С «ты», с «мы» кололов языки.

Дарья Суховой

Феликс ЧЕЧИК. Алтын: Книга стихотворений. Предисл. И. Волгина. — М.: Центр современной литературы, 2009. — 140 с. — (Русский Гулливер)

Новая книга живущего в Израиле поэта. Чечик — поэт лаконизма силлабо-тонических форм, максимально сжатого высказывания, разворачивающегося как микросюжет, чьё развитие дано в одновременности. Излюбленные формы Чечика — восьми- и двенадцатистишья, и в этом (как и в самой поэтической концентрации) можно проследить его родство с такими поэтами, как Наталья Горбаневская и Виталий Пуханов.

Промежуточный финиш / оказался концом. / Ночью из дому выйдешь / повидаться с отцом. // А на небе, как в детской, / одиночества жуть. / И собаке соседской / до утра не уснуть.

Сергей ШАБАЛИН. Новые тексты для балайки. М.: Изд-во Р. Элинина, 2008. — 64 с.

В книгу живущего между Россией и Америкой поэта включены стихи девяностых и двухтысячных годов. Здесь господствует эле-

гическая интонация. Перед нами перемещающееся в различных пространствах и временах «я», рефлектирующее, но в то же время и отдающееся самому течению жизни, отчасти ироничное, но в большей степени сентиментальное.

Когда Москву уютит сердце ревностно, / в Рязани дождь угрюмо-проливной. / В рязанях не загадывают ребусы, / которые решить не суждено...

Марк Шатуновский. Сверхмотивация: Книга стихотворений.

Предисл. В. Месяца. — М.: Центр современной литературы, 2009. — 140 с. — (Русский Гулливер)

Сборник московского поэта, близкого к метареализму. Поэтика Шатуновского должна быть названа максимально неоклассической в рамках метареалистического проекта; об этом же писал и Алексей Парщиков (цитируемый Вадимом Месяцем): «Техника у него покрыта не испариной, а инеем — она классична... Он поразительный поэт, классик современного отчуждения». Однако при этом стихотворения Шатуновского представляют собой внутренне вариативные тексты, в которых лирический сюжет развивается нелинейно, а классическая просодия лишь усиливает эффект сокрытия непосредственной нарративной сути.

мы все иероглифы прочитанного текста, / и в нём описаны все варианты смысла, / нам кажется, что жизнь — бесформенное тесто, / что мы налепим из неё порядковые числа

Олег ШАТЫБЕЛКО. Кстати, преодоленный. М.: Вест-Консалтинг, 2009. — 64 с. — (Б-ка журнала «Современная поэзия»).

Четвёртая книга московского поэта. Олег Шатыбелко, формально находясь в поле «новой искренности», «прямого высказывания», предлагает любопытную его инверсию, оправдывающую саму утопичность проекта. Стихи Шатыбелко есть своего рода исповедальная поэзия (в прямом почти смысле слова — вплоть до обращение к «святому отцу»,

что есть уникальная для позиционирования Другого фигура в современной лирике). Принципиальная дискурсивная разорванность этих текстов говорит скорее о своего рода смятении, нежели о деконструкции лирического «Я».

что раздражает, святой отец: / когда ты идёшь, идёшь — наконец, / тебе кажется, что почти, а тут вы. / снова, тут главное слово снова, / почти в той же точке, на том же месте / такой терпеливый, если / сидите с той же улыбкой. / неужели мы так предсказуемы, наказуемы?

Александр Шишкин. Стихи на заданную тему. М.: АртХаусмедиа, 2009. — 152 с.

Вторая книга московского поэта и издателя. Отношения со временем, историей у Шишкина вполне отвечают новейшим типам поэтического мышления, что не мешает автору оставаться глубинно религиозным поэтом.

Вот так — промёрзшее железо / Стоит в проветренных цехах — / Смерть замерла среди стиха / И озирается тверёзо.

Татьяна Щекина. Кончился свет
Предисл. А. Кузнецовой. — М., 2009. — 80 с. — (Б-ка журнала «Дети Ра»)

Посмертный сборник художника и поэта Татьяны Щекиной (1956–2006). Поэзия Щекиной близка к традициям «наивного авангарда», во всём многообразии его, от Ксении Некрасовой до Зинаиды Быковой. В то же время Щекина как художник-поэт, безусловно, может быть прочтена и в ряду литературно одарённых мастеров изобразительного искусства, от Павла Филонова или Казимира Малевича до Вадима Сидура, что, конечно, не мешает воспринимать её стихотворения как таковые.

я смотрю на тебя много дней / моё плечо как лёд / раскачиваюсь ветром чтоб согреться / так где кончаются звёзды / где говорят о тайне / а не о факте

Татьяна Щербина. Они утонули: Стихи, эссе, диалоги. 2006–2009. М.: ИД «Юность», 2009. — 176 с.

В новой книге Татьяны Щербины собраны тексты различного рода: поэтические, публицистические, эссеистические, драматургические. Важно то, что Щербина не разрывает разные жанры, но полагает их взаимопроницаемыми, вариативными, касающимися одной и той же прагматики. В этом смысле глубоко публицистичное название самой книги, отсылающее к известной политической реплике, заставляет искать в книге какую-то особую злободневность, тогда как Щербина скорее видит свою задачу в философской симптоматике, а не в художественном комментировании фактов.

Эволюция, революция, / девальвация и коррупция, / начинается демонстрация — / и кончается институция; / и ломается вся конструкция...

Д. Д.

«Они утонули» — речь идёт о чувствах по поводу происходящего вокруг, так называется одно из эссе, вошедших в книгу. Но на обложке книги это словосочетание сопровождается знаком вопроса. Знак вопроса — жест, очень характерный для Т. Щербины. Что происходит — в мире, в обществе, в нас? Что это значит, каков механизм того, что вокруг или внутри?

В вольтеровском кресле думаю о несущих / конструкциях языка: / близок локоток, да не укусишь / (неужто так хочется локотка?)

В этих текстах чуть ли не главная движущая сила — естественный, органичный интеллектуализм, выявленная, вербализованная рефлексия, появляющаяся одновременно с чувством, нераздельно, если не раньше эмоции. Рефлексия сопровождается живым любопытством, чуть ли не детской свежестью интереса к самым разным областям и сферам жизни — к

языку, метафизике, истории, науке, технике, газетным новостям, бытовым мелочам. В книжке есть характерная фраза: «Иногда я просыпаюсь не потому, что выпалась, а потому что становится скучно...» («Своя история»). Таким образом, конечно же, говорить о том, что они, то есть чувства, утонули, — не приходится. Они перешли в другое качество: если не в пафос, то в модус понимания, и в побуждение читателей к тому же. Отсутствие формальных границ между жанрами — одна из форм бытования «свободного духа» или духа свободы, в том же широком контексте, где и идеология. Новая книга Татьяны Щербины свидетельствует: в наши времена прямое публицистическое послание, высказывание памфлетного толка, *открытым текстом*, с точки просвещённости, здравого смысла и либерализма, — смыкается с художественным месседжем.

Александр Бараш

11:33: Поэтическая антология.

Сост. С. Ивкин. — Екатеринбург, 2008. — 132 с. — (Библиотека «Свезара»).

Название сборника объясняется тем, что здесь представлено 33 автора (в основном молодых) из 11 уральских городов: Дегтярска, Екатеринбурга, Касли, Кыштыма, Нижнего Тагила, Новоуральска, Озёрска, Перми, Ревды, Режа, Челябинска. Книга изящно изданная, формируемое ею представление о новой уральской поэзии, скажем так, весьма умеренно объективное.

Тусклая Катя живёт накануне сада, / Около прошлого, и продолжает ждать / Самого ясного чувства... а это надо, / Или не надо это? Не парься, Кать! // То она бдит не славу, то метит спину / Чётной помадой, как бы — по себе скользя. / Не доискаться истин Катину сыну, / И неразменная вся она, чисто — вся. (Евгений Туренко)

Д. Д.

А В Т О Р Ы

Шамшад Абдуллаев (Фергана; 1957). Книги стихов: Промежуток (1992), Медленное лето (1997), Неподвижная поверхность (2003); премия Андрея Белого (1993), премия журнала «Знамя» (1998); проза, эссе. + **Полина Андрукович** (Москва; 1969). Книга стихов: Меньше на один голос (2004). + **Глеб Арсеньев** (Москва; 1936). Книги стихов: Стихи (1996), Стихи и маргиналии II (от случая к случаю) (2008); переводы средневековой китайской поэзии. + **Александр Бараш** (Тель-Авив; 1960). Книги стихов: Оптический фокус (1992), Панический полдень (1996), Средиземноморская нота (2002), Итинерарий (2009); книга автобиографической прозы: Счастливое детство (2006). + **Полина Барскова** (Амхёрст; 1976). Книги стихов: Рождество (1991), Раса брезгливых (1993), Memory (1996), Эвридей и Орфика (2000), Арии (2001), Бразильские сцены (2005); малая премия «Москва–транзит» (2005). + **Татьяна Баскакова** (Москва). Переводы немецкой прозы (К.Крахт, А.Шмидт и др.); Премия Андрея Белого (2008) за работу над собранием сочинений Пауля Целана. + **Александр Белых** (Артём (Приморский край); 1964). Книги стихов: Деревянная лошадка (2003), Дзуйицу (2007); переводы японской прозы (Ю. Мисима) и поэзии. + **Игорь Васильев (Кужак)** (1979, Чебоксары). Стихи в региональной периодике. + **Дмитрий Веденяпин** (Москва; 1959). Книги стихов: Покров (1993), Трава и дым (2002); переводы современной англоамериканской прозы. + **Нина Виноградова** (Харьков; 1958). Книги стихов: Антология эгоизма (1999), Просто собака (2001), Чёрный карлик (2006). + **Мария Галина** (Москва; 1958). Книги стихов: Вижу свет (1993), Сигнальный огонь (1994), Неземля (2005), На двух ногах (2009); девять повестей и романов; премии «Anthologia» (2005), «Московский счёт» (2006). + **Анна Глазова** (Чикаго; 1973). Книги стихов: Пусть и вода (2003), Петля. Невполовину (2008); переводы немецкой поэзии и прозы XX века. + **Анна Голубкова** (Тверь–Москва; 1973). Статьи в журналах Новый мир, Октябрь, Знамя, Волга, Новое литературное обозрение, в альманахе Абзац и др.; две книги рассказов. + **Дмитрий Голынок-Вольфсон** (Санкт-Петербург; 1969). Книги стихов: Ното scribens (1994), Директория (2001), Бетонные голубки (2003); статьи о современном искусстве. + **Павел Гольдин** (Симферополь; 1978). Книга стихов: Ушастых золушек стая (2006). + **Линор Горалик** (Москва; 1975). Книги стихов и малой прозы: Не местные (2003), Подсекай, Петруша! (2007); два романа, три книги non-fiction; молодёжная премия «Триумф» (2003). + **Татьяна Грауз** (Москва). Книги стихов: Пространства иного (2004), Они прозрачнее неба (2005). + **Фаина Гримберг** (Москва; 1951). Книги стихов: Зелёная ткачиха (1993), Любовная Андреева хрестоматия (2002); несколько десятков романов и популярных книг по истории. + **Борис Гринберг** (Новосибирск; 1962). Книги стихов и комбинаторной поэзии: Год дракона (1991), Ты (1992), Опыты по (2000); проза и драматургия в периодике (под псевдонимами). + **Данила Давыдов** (Москва; 1977). Книги стихов: Добро (2002), Сегодня, нет, вчера (2006); премия «Дебют» (2000) за книгу прозы «Опыты бессердечия»; критические и литературоведческие статьи во всех основных российских журналах. + **Аркадий Драгомощенко** (Санкт-Петербург; 1946). Книги стихов: Небо соотвествий (1990), Ксени (1993), Под подозрением (1994), Описание (2000), На берегах исключённой реки (2005); три книги прозы, Премия Андрея Белого (1978, за про-

зу). + **Тимофей Дунченко** (Санкт-Петербург; 1982). Книга стихов: Капканы дивной красоты (2007). + **Павел Жагун** (Москва; 1954). Книга стихов: Я выбираю тебя. Стихи звёздных песен от Аллы Пугачевой до Морального Кодекса (2007), Радиоларии (2007), IN4 (2008), Алая буква скорости (2009); книга прозы. + **Андрей Жданов** (Новосибирск). Стихи в журнале Kto zdes'?, антологии «Нестолничная литература»; рассказы, пьесы. + **Михаил Завалов** (Москва; 1959). Книга стихов: Имея шапку набекрене (2003). + **Светлана Захарова** (Бельгия; 1979). Переводы стихов (Х. Лодейзен) и прозы (Г. Реве) с нидерландского; стихи в журналах Дети Ра, Новый берег и др. + **Гали-Дана Зингер** (Иерусалим; 1962). Книга стихов: Сборник (1992), Адель Килька. Из (1993), Осаждённый Ярусарим (2002), Часть це (2005); книги стихов на иврите, переводы поэзии с иврита. + **Виктор Іванів** (Новосибирск; 1977). Книга стихов: Стекланный человек и зелёная пластинка (2006); две книги прозы. + **Александр Иличевский** (Москва; 1970). Книги стихов: Случай (2000), Не-зрение (2001), Волга мёда и стекла (2004); четыре книги прозы, премии имени Казакова (2005), Русский Букер (2007). + **Андрей Ильенков** (Екатеринбург; 1967). Книга стихов: Книжечка (2006); четыре книги прозы. + **Елена Кассирова** (Москва; 1954). Книга стихов: Кофе на голгофе (2001); переводы французской поэзии. + **Алексей Колчев** (Рязань; 1975). Стихи в антологии «Нестолничная литература», альманахе Черным по белому!, журнале Дети Ра. + **Александр Корамыслов** (Воткинск; 1969). Стихи в журналах Арион, Соло, Черновик, Тритон и др.; Интернет. + **Кирилл Корчагин** (Москва; 1986). Стихи в журнале Воздух и в Интернете, статьи в журнале Новое литературное обозрение. + **Леонид Костюков** (Москва; 1959). Книга стихов: Снег на щеке (2009); две книги прозы, статьи о поэзии в журналах Знамя, Арион, Дружба народов и др. + **Кристина Кошель** (Christine Koschel; Рим; 1936). Книги стихов: Den Windschädel tragen (1961), Pfahlfuga (1966), Zeit von der Schaukel zu springen (1975), Das Ende der Taube (1992), Ein mikroskopisch feiner Riss (2001), L'Urgenza della luce (2002). + **Денис Ларионов** (Московская обл.; 1986). Стихи в альманахе Солнце без объяснений. + **Станислав Львовский** (Москва; 1972). Книги стихов: Белый шум (1996), Стихи о Родине (2004), Camera rostrum (2008); книга стихов и прозы «Три месяца второго года» (2003); книга рассказов, переводы американской поэзии; Малая премия «Московский счёт» (2003). + **Маргарита Меклина** (Сан-Франциско; 1972). Две книги прозы; Премия Андрея Белого (2003), Русская премия (2008). + **Юрий Милорава** (Москва; 1952). Книги стихов: Взамен (1996), Прялка-ангел (2003). + **Евгений Минияров** (Новосибирск; 1951). Книга стихов: Ода математической лингвистике (1998). + **Михаил Моисеев** (Новосибирск; 1973). Публикации в Интернете. + **Владимир Навроцкий** (Пенза; 1979). Стихи в журнале Воздух, альманахе Вавилон, Интернете. + **Валерий Нугатов** (М.; 1972). Книги стихов: Недобрая муза (2000), Фриланс (2006); проза, переводы поэзии и прозы с английского и французского (Аллен Гинзберг и др.) + **Антон Очиров** (Москва; 1978). Книга стихов: Ластики (2008). + **Уильям Джеймс Остин** (William James Austin; Нью-Йорк). Книги стихов: Underworld, 1-2 (1994), 3 underworld 4 (1998), 5 underworld 6 (2001), 7 Underwor(l)d 8 (2004), 9 Underwor(l)d 0 (2006); монография о Т.С. Элиоте. + **Антон Равик** (Санкт-Петербург; 1987). Публикации в Интернете. + **Илья Риссенберг** (Харьков; 1947). Стихи в антологии Освобожденный Улисс, журналах Воздух, Дети Ра, Соты, ©оюз писателей. + **Дилис Роуз** (Dilys Rose; Эдинбург; 1954). Книги стихов: Madame Doubtfire's Dilemma (1989), Lure (2003), Bodywork (2007); шесть книг прозы. + **Анна Русс** (Казань—Москва; 1981). Книга стихов: Марежь (2006); премия Дебют (2002) + **Евгений Сабуров** (Москва; 1946). Книги стихов: Пороховой заго-

вор (1995), По краю озера (2001), Тоже мне новости (2006). + **Света Сдвиг** (Самара; 1985). Стихи в журналах Вавилон, Дети Ра, антологиях Анатомия ангела и Братская колыбель. + **Евгений Сидоров** (Екатеринбург; 1984). Стихи в журналах Воздух, Урал, альманахе Знаки отличия и др. + **Мария Скаф** (Москва; 1988). Стихи в журнале Волга, статьи в журналах Новый мир, Новое литературное обозрение. + **Александр Скидан** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Делириум (1993), В повторном чтении (1998), Красное смещение (2005); две книги статей о литературе и философии, переводы американской прозы; премия Андрея Белого (2006) + **Сергей Соколовский** (Москва; 1972). Книга прозы: Фэст фуд (2002). + **Сергей Соловьёв** (Москва; 1959). Книги стихов: Зеркало отца (1987), Нольдистанция (1990), Дар смерти (1991), Пир (1993), Междуречье (1994), Птица (2002); пять книг прозы. + **Антон Сурнин** (Новосибирск; 1975). Книги стихов: Стихотворения (1996), Вольные измышления (1998). + **Дарья Суховой** (Санкт-Петербург; 1977). Книга стихов: Каталог случайных записей (2001); статьи о современной поэзии. + **Андрей Тавров** (Москва; 1948). Книги стихов: Настоящее время (1989), Звезда и бабочка — бинарный счёт (1998), Альпийский квинтет (1999), Sanctus (2002), Ангел пинг-понговых мячиков (2004), Парусник Ахилл (2005), Самурай (2006), Зима Ахашвероша (2008); два романа, сценарии. + **Сергей Тиханов** (Новосибирск; 1964). Книги малой прозы: Синхронные люди (1997), Ещё одна осень (2000). + **Александр Уланов** (Самара; 1963). Книги стихов: Направление ветра (1990), Сухой свет (1993), Волны и лестницы (1997), Перемещения + (2007); книга прозы: Между мы (2006), переводы поэзии с английского, французского, немецкого, критические статьи в периодике. + **Ханс Фаверей** (Hans Faverey; Амстердам; 1933—1990). Книги стихов: Gedichten (1968), Gedichten 2 (1972), Chrysanten, roeiers (1977), Lichtval (1978), Gedichten (1980), Zijden Kettingen (1983), Hinderlijke goden (1985), Tegen het vergeten (1988), Het ontbroke ne (1990); Поэтическая премия Амстердама (1969), Премия Яна Камперта (1977), Премия Константина Хёйгенса (1990). + **Елена Фанайлова** (Москва; 1962). Книги стихов: Путешествие (1994), С особым цинизмом (2000), Трансильвания беспокоит (2002), Русская версия (2005), Чёрные костюмы (2008); премия Андрея Белого (1999), премия «Московский счёт» (2003) + **Василий Чепелев** (Екатеринбург; 1977). Книга стихов: Любовь «Свердловская» (2008); премия журнала «Урал» (2000). + **Леонид Шваб** (Иерусалим; 1961). Книги стихов: Поверить в ботанику (2005), Все сразу (2008, с А.Ровинским и Ф.Сваровским). + **Валерий Шубинский** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Балтийский сон (1989), Сто стихотворений (1994), Имена немых (1998), Золотой век (2007); биографические статьи о современной поэзии. + **Татьяна Щербина** (Москва; 1954). Книги стихов: 0–0 (1991), Жизнь без (1997), Диалоги с ангелом (1999), Книга о хвостом времени... (2001), Прозрачный мир (2002), Побег смысла (2008); книга эссе «Лазурная скрижаль» (2003), роман «Запас прочности» (2006), сборник стихов, эссе и пьес «Они утонули» (2009). + **Ксения Щербино** (Москва; 1980). Книга стихов: Цинизм пропорций (2005).

КНИЖНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Вениамин Блаженный.
МОИМИ ОЧАМИ

Александр Скидан.
КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ

Гали-Дана Зингер.
ЧАСТЬ ЦЕ

Александр Ожиганов.
ЯЩЕРО-РЕЧЬ

Галина Ермошина.
КРУГИ РЕЧИ

Сергей Морейно.
ТАМ ГДЕ

Полина Барскова.
БРАЗИЛЬСКИЕ СЦЕНЫ

Андрей Сен-Сеньков.
ДЫРОЧКИ
СОПРОТИВЛЯЮТСЯ

Алексей Кубрик.
ДРЕВЕСНОГО ЦВЕТА

Виктор Полещук.
МЕРА ЛИЧНОСТИ

Александр Беляков.
БЕССЛЕДНЫЕ МАРШИ

Валерий Нугатов.
ФРИЛАНС

Игорь Булатовский.
КАРАНТИН

Константин Кравцов.
ПАРАСТАС

Мара Маланова.
ПРОСТОРЕЧИЕ

Елена Сунцова.
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ

Бахыт Кенжеев.
ВДАЛИ МЕРЦАЕТ ГОРОД ГАЛИЧ

Андрей Тавров.
САМУРАЙ

Валерий Земских.
ХВОСТ ЗМЕИ

Данила Давыдов.
СЕГОДНЯ, НЕТ, ВЧЕРА

Игорь Жуков.
ЯЗЫК ПАНТАГРЮЭЛЯ

Егор Кирсанов.
ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

Фёдор Сваровский.
ВСЕ ХОТЯТ БЫТЬ РОБОТАМИ

Георгий Геннис.
УТРО НОВОГО ДНЯ

Аркадий Штыпель.
СТИХИ ДЛЯ ГОЛОСА

Линор Горалик.
ПОДСЕКАЙ, ПЕТРУША

Катя Капович.
СВОБОДНЫЕ МИЛИ

Геннадий Алексеев.
АНГЕЛ ЗАГАДОЧНЫЙ

Евгения Риц.
ГОРОД БОЛЬШОЙ,
ГОЛОВА БОЛИТ

Сергей Круглов.
ЗЕРКАЛЬЦЕ

Александр Уланов.
ПЕРЕМЕЩЕНИЯ +

Янина Вишневская.
НАЧИНАЕТСЯ
УЖЕ НАЧАЛОСЬ

Василий Чепелев.
ЛЮБОВЬ
«СВЕРДЛОВСКАЯ»

Владимир Аристов.
МЕСТОРОЖДЕНИЕ

Татьяна Щербина.
ПОБЕГ СМЫСЛА

Елена Михайлик.
НИ СНОМ, НИ ОБЛАКОМ

Александр Месропян.
ВОЗЛЕ ВОЙНЫ

Александр Мещеряков.
ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЕДНИК

Геннадий Каневский.
НЕБО ДЛЯ ЛЁТЧИКОВ

Виталий Лехциер.
ПОБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Зинаида Быкова.
ТИХОЕ ГОСУДАРСТВО

Леонид Костюков.
СНЕГ НА ЩЕКЕ

Борис Херсонский.
МРАМОРНЫЙ ЛИСТ

Мария Галина.
НА ДВУХ НОГАХ

ПРОДАВЦЫ ВОЗДУХА

МОСКВА

ОГИ

Потаповский пер., д.8/12

Фаланстер

Малый Гнездниковский пер.,
д.12/27

Книжная лавка Литинститута

Тверской б-р, д.25 стр.2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Борей

Литейный пр., д.58

РОССИЯ

www.vavilon.ru/order

ЗАГРАНИЦА

www.esterum.com